

13(4/3)
М91

МУТНЫЙ ПОТОК

МУТНЫЙ ПОТОК

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕНГЕРСКОГО ФАШИЗМА

Сокращенный перевод с венгерского

Издательство «Прогресс» Москва

1981

Перевод *Б. А. Лесина и О. В. Громова*
Вступительная статья и редакция
кандидата исторических наук
В. И. Фомина

Настоящий сборник включает в себя книги венгерских авторов А. Рожньои «Салашистский путч» и Л. Франка «Зеленый поток», раскрывающих один из трагических периодов в новейшей истории Венгрии — период салашизма, явившийся наиболее уродливым проявлением венгерского фашизма. На основе многочисленных документов авторы разоблачают предательскую политику бывшего правителя Венгрии Салаши и его окружения, подчеркивают ее обреченность и неизбежность возмездия.

Редакция литературы по истории

© KOSSUTH KÖNYVKIADÓ, BUDAPEST 1977
© ZRÍNYI KATONAI KIADÓ, BUDAPEST 1975
© Перевод на русский язык и вступительная статья, «Прогресс», 1981

Вступительная статья

Дождливым осенним днем 16 ноября 1919 года Будапешт стал свидетелем необычного зрелища. По одной из главных улиц венгерской столицы медленно двигалась большая колонна вооруженных людей. Впереди на белом коне в черной адмиральской форме восседал Миклош Хорти — главарь белогвардейских банд, снискавших печальную известность жестокими расправами над активистами Венгерской Советской республики.

Выходец из семьи крупного венгерского помещика, Хорти с детства испытывал ненависть ко всему, что угрожало благополучию его класса. Свой путь наверх капитан-лейтенант австро-венгерского флота начал после того, как по протекции попал в число флигель-адъютантов императора Франца Иосифа. Преданно служа дому Габсбургов, капитан первого ранга Хорти в феврале 1918 года потопил в крови восстание моряков в Которе, за что получил адмиральский чин и был назначен командующим флотом. Падение лоскутной империи в результате подъема революционного движения в стране под влиянием Великого Октября и поражения Австро-Венгрии в первой мировой войне на время выбило из седла «кавалерийского адмирала». Но вскоре Хорти нашел свое место среди обосновавшихся в городе Сегеде венгерских контрреволюционеров, которых заботливо опекала международная реакция. С ее помощью «адмирал без моря» стал военным министром в сегедском так называемом правительстве, а затем верховным главнокомандующим так называемой национальной армии.

Международный империализм помог ему прийти к власти и установить контрреволюционный режим, явившийся одной из разновидностей фашизма в Европе.

Видный венгерский историк-марксист академик Эржебет Андич так пишет о хортистском режиме: «...объединение контрреволюционного террора с самой маxровой националистической и социальной демагогией

было по своей сущности ярко выраженным фашизмом. Преследуя любую прогрессивную мысль, лишая людей самых элементарных гражданских прав, физически уничтожая демократические элементы, венгерская контрреволюция *создала первую фашистскую диктатуру в Европе* [курсив мой.— В. Ф.]*.

Режим террора и насилия был установлен в Венгрии на два года раньше до фашистской диктатуры Муссолини в Италии и за тринадцать лет до прихода Гитлера к власти в Германии. Так же, как и в этих странах, фашизм в Венгрии явился реакцией международной и национальной буржуазии на общий кризис капиталистической системы, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Под ее влиянием и в результате обострения внутренних классовых противоречий в марте 1919 года венгерские трудящиеся взяли власть в свои руки и установили диктатуру пролетариата. И если объединенным силам международной и внутренней реакции удалось задушить Венгерскую Советскую республику, то избавить господствующие классы старой Венгрии от вечного страха перед новой социальной революцией они не смогли.

Именно поэтому правящие круги прибегли к ликвидации демократических завоеваний народа и установили режим террора и насилия. Наиболее подходящей кандидатурой на роль диктатора оказался пятидесятидвуухлетний адмирал Миклош Хорти. С приходом его к власти 1 марта 1920 года в стране была восстановлена монархия. Хорти, избранный регентом, был обложен всеми прерогативами королевской власти. Руководящие посты в государстве «традиционно» заняли представители аристократии и мелкопоместного дворянства.

В отличие от других фашистских диктатур Хорти сохранил парламент и многопартийную систему, оставил за собой право вето на принятые законы, право откладывать сроки созыва и даже распуска Государст-

* Andics Erzsébet. Fasizmus és reakció Magyarországon. 4. kiádas, Budapest, 1948. 5. o.

венного собрания, а также право объявлять войну и подписывать перемирие. Правящей партией при нем была Венгерская партия жизни, которая проводила политику укрепления хортистского режима, выражая интересы крупной венгерской буржуазии и земельной аристократии. Оппозицию в парламенте Хорти допускал лишь такую, которая не подрывала его власти, или настолько правую, чтобы на ее фоне выглядеть «поборником демократии».

К числу таких крайне правых группировок относились Венгерская партия обновления, руководимая Имреди, национал-социалистская партия Палфи и партия «Скрещенные стрелы» (нилашисты), лидер которой Ференц Салаши сыграл главную роль в кровавом финале венгерского фашизма. Либеральную оппозицию в парламенте представляли Партия мелких сельских хозяев, Социал-демократическая партия, Партия свободы и Христианско-демократическое объединение. Им принадлежало менее одной десятой всех депутатских мандатов в парламенте.

В чрезвычайно тяжелом положении находилась Коммунистическая партия Венгрии. Загнанная в глубокое подполье, она была вынуждена вести борьбу в условиях жесточайшего террора, полицейской слежки и преследований. Коммунисты постоянно подвергались опасности ареста, пыток и судебной расправы. Для подавления прогрессивных сил хортисты создали мощный военно-политический аппарат. Во время карательных операций против революционных выступлений рабочего класса и трудящегося крестьянства они широко использовали армию.

Для идеологического оболовивания масс хортисты использовали национализм, антисоветизм и антикоммунизм. Пропагандируя идеи о так называемом национальном единстве, «особом предназначении венгерской нации», которой якобы «чужеродны» коммунистические идеи, правящие круги хортистской Венгрии стремились сгладить растущие в стране противоречия между трудом и капиталом, направить революционную энергию масс в русло политики территориальных захватов, национального угнетения и расовой дискrimинации. В ранг государственной политики был

возведен реваншизм. Под лозунгом «Нет, нет никогда!» (это означало, что Венгрия не останется в границах, определенных Трианонским договором *) венгерские граждане воспитывались со школьной скамьи.

Внутренняя и внешняя политика хортистской Венгрии привела ее к тесному союзу с фашистской Германией. В ноябре 1938 года четыре смешанные бригады хортистской армии вместе с соединениями и частями германского вермахта участвовали в разделе Чехословакии. Хортистам досталась часть территории Южной Словакии и Закарпатской Украины. В марте 1939 года хортисты захватили у Словакии остальную часть Закарпатья. До этого, в феврале 1939 года, венгерское правительство присоединилось к «антикоминтерновскому пакту», а в ноябре 1940 года поставило подпись под Берлинским пактом трех держав. В конце августа того же года Венгрия с одобрения фашистской Германии и Италии оккупировала Северную Трансильванию, а в начале апреля 1941 года, приняв участие в захвате Югославии германскими и итальянскими фашистами, ввела свои войска в пограничные с Венгрией районы этой страны.

В результате к весне 1941 года территория Венгрии увеличилась почти вдвое, а население — на одну треть. Страна превратилась в верного сателлита гитлеровской Германии, а хортистская армия — в орудие ее захватнической политики. Чтобы закрепить за собой территориальные подачки, полученные от фашистской Германии, хортистская Венгрия 27 июня 1941 года вступила в войну против Советского Союза. На Восточный фронт сначала была брошена 45-тысячная Карпатская группа венгерских войск, затем 200-тысячная 2-я венгерская армия, а в апреле 1944 года — 300-тысячная 1-я венгерская армия. К моменту вступления советских войск на территорию Венгрии, то есть к концу сентября 1944 года, под ружье было поставлено около миллиона человек.

Политика тесного военно-политического союза с гитлеровской Германией дорого обошлась венгерскому

* Мирный договор, подписанный с Венгрией странами Антанты после первой мировой войны в Трианонском замке Версальского дворца в июне 1920 года.

народу. Во второй мировой войне Венгрия потеряла около полумиллиона человек, из которых четверть погибла на фронте, половина — в концлагерях, остальные — от воздушных налетов англо-американской авиации и по другим причинам. Общий материальный ущерб, причиненный стране войной, составил сумму, в 5 раз превышавшую национальный доход Венгрии в 1938 году *.

Особенно тяжелые последствия политика венгерского фашизма имела для Венгрии на заключительном этапе второй мировой войны. Хорти и его окружение, передав власть еще более оголтелой группировке венгерских фашистов — партии «Скрепленные стрелы», превратили страну в арену ожесточенных и кровопролитных боев. Мощные удары Советской Армии по гитлеровским и хортистско-салашистским войскам приближали конец венгерского фашизма. Его последним дням, приходу к власти нилалистов в октябре 1944 года и посвящены книги Агнеш Рожньои «Салашистский путч» и Ласло Франка «Зеленый поток», сокращенные переводы которых под общим названием «Мутный поток» предлагаются вниманию советского читателя.

Общность темы двух книг отнюдь не означает, что венгерские авторы повторяют друг друга. Напротив, различия в хронологических рамках их работ, а также в жанре (исторический очерк А. Рожньои и публицистика мемуарного характера Л. Франка) лишь способствуют более глубокому раскрытию темы, на которую, кстати говоря, в Венгрии написано немало. Выбор данных книг для перевода на русский язык во многом обусловлен тем, что они отражают общий уровень исследования этой проблемы в венгерской историографии и рассчитаны на широкий круг читателей.

Книга А. Рожньои «Салашистский путч», выдержанная в Венгрии два издания, посвящена событиям, которые предшествовали приходу к власти Салаша в октябре 1944 года. Автор подробно разбирает поведение Хорти и его окружения после того, как им стало известно о выходе Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии. В книге показаны непоследова-

* См.: «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, с. 70.

тельность, половинчатость действий и даже трусость регента в момент, когда речь шла о выходе Венгрии из войны; неспособность хортистов вывести страну из тупика, куда завели ее их политика антикоммунизма, аптисоветизма, национализма и холуйская преданность Гитлеру.

Все эти компоненты хортизма удобрили почву, на которой вырос чертополох хунгаристского движения Салаши, ставшего заключительным аккордом и кровавым эпилогом контрреволюционной диктатуры Хорти. Эту преемственность салашизма А. Рожньой подчеркивает особо, поскольку в исторической и мемуарной литературе на Западе делается попытка отмежевать хортистский режим от салашистского, выгородить Хорти, показать его политику в розовом свете. Достойно отвечая такого рода апологетам хортизма, А. Рожньой пишет в своей книге: «Верно, что Хорти презирал Салаши и его нилашистское отребье, однако характер всего режима Хорти, распространяемая им на протяжении двадцати пяти лет фашистская идеология, преступная политика в годы второй мировой войны, его ненависть к прогрессивным силам, колебания в вопросе о выходе из войны и в довершение ко всему невыполнение предварительных условий соглашения о перемирии с Советским Союзом — все это привело к власти нилашистское отребье».

Однако А. Рожньой и Л. Франку при всем понимании ими «родства душ» Хорти и Салаши, не удалось, на наш взгляд, вскрыть истинные причины поведения регента в дни, которые имели такие тяжелые последствия для венгерского народа. Возможно, свою роль в этом сыграли материалы, которые представили суду над военными преступниками в Будапеште лица, окружавшие Хорти. За объективность их показаний трудно ручаться, тем более что, выгораживая Хорти, сми старались сплыть ответственность и с себя. Так или иначе, оба автора, рассматривая поведение Хорти после выхода из войны Румынии, видят прежде всего психологические, а не политические причины, вытекавшие из убеждений фашистского диктатора.

Разумеется, Хорти не рекламировал своих взглядов в дни, когда под ударами советских войск близился конец его антинародного режима. К тому же, как

известно, не слова, а дела государственного деятеля определяют его истинное лицо. А они говорят не в его пользу. Факты свидетельствуют, что, затевая «игру в перемирие», Хорти менее всего был заинтересован в быстрейшем заключении соглашения в Москве. Именно поэтому, посыпая делегацию Фараго на переговоры, он не предоставил ей полномочий на подписание перемирия. Эти полномочия делегация получила лишь после того, как советские войска, нанеся ряд сильнейших ударов по гитлеровской и хортистской армиям в ходе Дебреценской операции, поставили их в крайне тяжелое положение.

О нежелании Хорти повернуть оружие против гитлеровских оккупантов свидетельствует и тот факт, что он ничего не сделал на практике для выполнения предварительных условий соглашения о перемирии, хотя Советское Верховное Главнокомандование, выполняя его просьбу, приостановило на время наступление своих войск, чтобы дать возможность венгерской армии подготовиться к выполнению условий перемирия. На переговоры с командованием 2-го Украинского фронта Хорти направил полковника Лоранда Утташи, занимавшего второстепенный пост в министерстве обороны и оказавшегося некомпетентным решать вопросы, связанные с практическим выполнением условий перемирия по военной линии. После встречи с Утташи Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский не без оснований сделал вывод о намеренном затягивании хортистами времени, чтобы «вывести свои части из мешка, в который они попали в Трансильвании»*.

Выслушав на ходу доклад Утташи об итогах переговоров, Хорти заявил: «Как-нибудь выкрутимся!» И регент «выкрутился». Отдав себя и свою семью утром 16 октября под защиту гестапо, Хорти впоследствии с помощью своих английских и американских покровителей избежал Международного военного трибунала. Свою роль в этом сыграла и его прокламация о выходе Венгрии из войны (которая, кстати говоря, на другой же день была преподнесена им как «недоразумение»). Подписывая ее, Миклош Хорти не мог не

* ЦАМО СССР, ф. 240, оп. 2769, д. 180, л. 214.

знать, что она послужит ему своего рода «индульгенцией» за его прошлые грехи и поможет избежать превращения в «политический труп», ибо тогда он не был нужен ни англичанам и американцам, ни гитлеровцам.

Рассматривая поведение Хорти с этой точки зрения, нетрудно понять, почему он не объявил войны гитлеровской Германии, а германский посланник в Венгрии Безенмайер не спешил осуществить нилалистский путь, хотя Салапи и торопил его. Не выполнив предварительного соглашения о перемирии, регент с готовностью принял все условия гитлеровцев и предал интересы венгерского народа в обмен на обещанное ему Гитлером «княжеское обращение» в Германии. При такой оценке поведения Хорти станут понятны и многие скрытые мотивы, которые сравнительно легко привели к власти Салапи — лидера партии «Скрепленные стрелы».

О том, что представлял из себя этот «лидер» и его ближайшее окружение, рассказывает в своем политическом репортаже о судебном процессе венгерских военных преступников д-р Ласло Франк, выступивший на нем в роли народного обвинителя. Воспоминания активного участника этого исторического события словно в зеркале отражают обстановку тех дней, когда перед судом венгерского народа предстали Салапи и его сообщники.

Вместе с автором «Зеленого потока» читатель сидит в нетопленом зале Музыкальной академии, где судили военных преступников, внимательно слушает показания подсудимых и свидетелей, пытаясь понять пружины, приведшие в действие тайный механизм самой крайней группировки венгерских фашистов.

Франк не писатель и не журналист, но это не помешало ему сделать свой рассказ взволнованным и публицистичным. Он широко использует в своей книге документы, и как юрист, знакомый с судебной психиатрией, охотно делится своими впечатлениями от наблюдений над преступниками, умело и тонко разоблачая примитивность мышления людей, использовавших для осуществления своей цели любые средства.

Чтобы добиться личной власти, офицер генерального штаба Салапи, оставив службу, создал партию подоб-

ных ему авантюристов. Ради достижения этой власти лидер нилашистов врал, пресмыкался перед сильными мира сего, доносил, предавал и продавал родину иноzemным захватчикам. Салапши пытался представить себя личностью исключительной, претендую на особое к себе отношение. С каменным лицом, больше похожий на идола, чем на человека, пишет Л. Франк, сидел он на суде, изображая «вождя нации». Салапши продолжал называть себя так, даже находясь на скамье подсудимых. Идолом он казался и многим из тех, кто его окружал,— людям, как показал процесс, очень недалеким, верившим каждому слову своего «вождя», особенно его «пророчествам», на которые Салапши не скучился.

И только тогда, когда под тяжестью неопровергимых улик Салапши и его сообщники вынуждены были признать, что им не уйти от возмездия за преступления, совершенные перед народом, идол, пишет Л. Франк, оказался свергнутым с пьедестала. Отмежевываясь от Салапши, его сообщники в большинстве своем выступили с покаянными речами. Написал просьбу о помиловании и Салапши, с лица которого перед страхом смерти как ветром сдуло выражение надменности и величия. Пропало у него и желание играть в оригинальность, изображая из себя «сверхчеловека».

В своей книге Л. Франк показывает, как лидер нилашистов рабски подражал германскому фюреру. Подобно Гитлеру, Салапши, придя к власти, заставил называть себя «вождем» (и не просто «вождем», а «вождем нации»!); подобно германским нацистам, он ввел свое приветствие, одел своих молодчиков в зеленые рубахи, занимался расовыми «изысканиями», изобретал «новый порядок» в Европе, пророчил гибель СССР и мечтал о мировом господстве. Как и Гитлер, Салапши не женился на своей избраннице, считая, что это может повредить его карьере. Только в одном, пишет Л. Франк, Салапши не последовал своему кумиру — не покончил жизнь самоубийством перед лицом неминуемой расплаты.

Портрет Салапши и его сообщников органически дополняют приведенные в книге их высказывания в прессе и по радио. Возможно, они покажутся совет-

скому читателю весьма примитивными. И они действительно примитивны, ибо примитивен был не только образ их мышления, но и метод, с помощью которого они пришли к власти,— насилие.

Чтобы «установить» власть, Салапи, как когда-то и Хорти, использовал существовавшие в стране законодательные органы. С юридической последовательностью бывший народный обвинитель убедительно доказывает незаконность решения Государственного совета, признавшего Салапи премьер-министром и временно поручившего ему исполнение обязанностей главы государства. Свои доказательства Франк прежде всего адресует тем людям, которых в свое время Хорти назначил на государственные посты и осыпал своими «королевскими милостями» и которые позже, ничуть не усомнившись в законности притязаний Салапи на власть, сменили одного диктатора на другого.

Разоблачая политическую беспричинность Салапи, Л. Франк приводит пример с дневником, который тот вел в американской тюрьме, после того как попал в плен. Явно рассчитывая, что его записи попадут в руки американской разведки, он всячески старался понравиться новым хозяевам. Пророчил новую «битву народов», намекая на то, что международному империализму в борьбе с коммунизмом могут понадобиться такие, как он. Когда же политический «фокус» Салапи на Западе не удался и ему пришлось предстать перед судом государства, для которого победа Советских Вооруженных Сил открыла путь к свободному, демократическому развитию, он попытался «сменить пластиинку». Готовый еще недавно на словах сдержать «натиск большевизма» силами созданного своей фантазией так называемого великого хунгаристского государства, Салапи обвинил фашистскую Германию в недооценке мощи Советского Союза и его армии. На этот раз лидер нилалистов не ошибся.

Советские Вооруженные Силы разгромили во второй мировой войне фашизм, в том числе и венгерский. Замечательным плодом этой великой победы советского народа явилось создание мировой системы социализма. Мощный, сплоченный фронт стран социалистического содружества, международного коммунистического движения, демократических и антиимпериали-

стических сил стал важнейшей преградой на пути возрождения фашизма.

Однако это не значит, что опасность его возникновения ликвидирована, поскольку существует источник фашизма — империализм. «Опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией»*.

Речь Черчилля в Фултоне в 1946 году положила начало не только многолетней «холодной войне», но и ободрила недобитые фашистские элементы. Уже тогда они попытались заявить о себе в Западной Германии, Италии и в некоторых других капиталистических странах. Постепенно сложилась разветвленная сеть правых организаций фашистского и полуфашистского толка, влияние которых зависит от изменений международной обстановки. Эти неофашистские силы в современных условиях, применяя так называемую стратегию напряженности, организуя убийства, похищения людей, другие подрывные акции, стараются запугать буржуазное общество, убедить его в необходимости создания правительства «сильной руки», которое якобы одно способно навести порядок.

В 50 миллионов жизней обошлась человечеству попытка германского фюрера установить «новый порядок». Фашизм всегда означал войну. Салаш и его сообщникам не надо было ее развязывать: в войну вступили хортисты, но салашисты сделали все, чтобы продолжить кровавую бойню на территории Венгрии. Гитлеровцы не скрывали, что лидер нилашистов и его партия нужны им прежде всего для того, чтобы по-

* «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 30.

мешать Венгрии выйти из войны. Да и сам Салаш, высуживаясь перед своими германскими хозяевами, готов был бросить в ее пекло всех, способных носить оружие, вплоть до подростков из военизированной организации «Левенте».

Фашистские идеи и методы ныне взяты на вооружение в тех капиталистических странах, где расизм, террор и насилие стали нормой в политике правящей верхушки. К фашизации государств ведет и политика тех правительств, которые видят в войне единственный выход из внутриполитического и внешнеполитического кризиса.

У неофашистов есть и свои адвокаты, которые стараются обелить фашизм и предать забвению само это слово, ненавистное всему прогрессивному человечеству. Некоторые апологеты фашизма договариваются до того, что объявляют выродков в черных, коричневых и зеленых рубашках «революционерами». Они рассчитывают на то, что новое поколение, не знающее ужасов войны, примет на веру все разлагольствования защитников насилия и мракобесия.

Иные цели ставят перед собой авторы книг о последних днях венгерского фашизма.

«Для нового поколения все, о чем здесь рассказано,— уже история,— пишет в предисловии к своей книге Ласло Франк.— А для нас, представителей старшего поколения,— наша жизнь. Молодые имеют право на то, чтобы узнать правду; а наш долг, зная эту правду, помнить о ней.

Фашизм еще не исчез с лица земли! И мы не должны забывать об этом!»

B. Фомин

Агнеш Рожньой

САЛАШИСТСКИЙ ПУТЧ

ROZSNYÓI ÁGNES

A szálasi — puccs

Budapest 1977

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

23 августа 1944 года в 10 часов вечера Бухарестское радио сообщило, что пронемецкое фашистское правительство Антонеску в Румынии арестовано и король Михай обратился к Советскому Союзу с просьбой о перемирии.

Этому событию предшествовали крупнейшие боевые операции советских войск, одной из которых была Ясско-Кишиневская операция. 20 августа находившиеся в этом районе войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в наступление в юго-западном направлении и разгромили группу армий «Южная Украина», в которой насчитывалось свыше 900 тыс. человек, из них немецких войск — 565 тыс. Последовавшее за этим стремительное наступление советских частей позволило прогрессивным силам Румынии и Болгарии, использовав тяжелое поражение немецких войск, немедленно повернуть оружие против них и активно включиться в антифашистскую борьбу.

Несмотря на то что сообщение о выходе Румынии из войны стало известно правительенным кругам Венгрии рано утром 24 августа, в венгерской печати оно появилось лишь на следующий день и состояло всего из нескольких строк. Столь краткая информация Венгерского телеграфного агентства преследовала цель создать впечатление у читателя о незначительности этого события. В сообщении говорилось, что «в среду вечером Бухарестское радио якобы передало манифест короля Михая, по которому Румыния прекратила вооруженную борьбу, запросила и получила у Советского Союза, а также у союзных с ним Соединенных Штатов Америки и Великобритании разрешение заключить перемирие. Румыния приняла все условия, выдвинутые союзными державами. Согласно манифесту, в Румынии создано демократическое правительство во главе с корпусным генералом Санатеску. В своей программе правительство прежде всего объявило недействительным Венский арбитраж *.

* В 1940 году в Вене представители фашистской Германии и Италии, выступив в роли «арбитров» между Венгрией и Ру-

В новой обстановке венгерское правительство приняло все необходимые меры».

Вышедшие в тот же день венгерские газеты большое внимание уделили конфискации еврейских склонных мастерских и меховых магазинов, простираясь на своих страницах о значении этой меры для национальной экономики.

Однако, преуменьшая в глазах общественного мнения огромное значение выхода Румынии из войны, венгерское правительство прекрасно понимало всю важность происшедшего. События в Румынии как в военном, так и в политическом отношении перечеркивали все расчеты венгерского правительства. Победа под Яссами и Кишиневом открывала для советских войск путь к освобождению Болгарии, Венгрии, Югославии, Чехословакии и Австрии.

Многие представители правящей верхушки и господствующих классов Венгрии уже задолго до этого понимали, что немцы проиграли войну, однако они рассчитывали, что, используя выгодную для них оборонительную линию Карпат, смогут на некоторое время воспрепятствовать вступлению советских войск на территорию Венгрии. Совсем сдержать натиск советских войск они не надеялись; но выигрыш во времени, по их расчетам, предоставил бы им возможность дождаться столь желанного для них, но лишнего какой-либо реальной основы сепаратного мира между англосаксами и Германией, на который хортисты всегда тайно надеялись, так же как и на неизбежность высадки войск Англии и США на Балканах. С выходом Румынии из войны все эти планы рухнули как карточный домик.

В правительственные кругах Венгрии после 24 августа стало известно, что в немецких войсках на территории Румынии царит хаос, а румынские войска перешли на сторону Советской Армии. И хотя венгерские газеты без всякого на то основания публиковали обнадеживающие сообщения о стабилизации немецкого фронта в Румынии, на самом деле хортистам было ясно, что продвижение советских войск в лучшем случае им удастся приостановить лишь у границ Румынией, подписали соглашение, по которому от Румынии к Венгрии отходила Северная Трансильвания.—*Прим. ред.*

Трансильвании. Однако венгерское правительство не располагало сколоченной боеспособной армией, кроме 1-й армии в Северо-Восточных Карпатах. Кроме того, возникала реальная возможность, что Советская Армия, обойдя Карпаты, предпримет наступление с юга.

Рушились не только военные, но и политические планы. Для господствующих классов Венгрии и до второй мировой войны, и после ее начала главнейшей задачей оставался пересмотр границ. Поэтому начиная с 1941 года в момент нападения фашистской Германии на Югославию, а затем на Советский Союз, то есть в наиболее благоприятный для гитлеровцев период войны, хортисты из кожи лезли, чтобы заслужить милость Гитлера. Поняв же, что после войны им не удастся удержать захваченные у Чехословакии и Югославии территории, они все еще продолжали надеяться на то, что смогут прочно удержать по крайней мере хоть часть Трансильвании, так как Румыния, подобно Венгрии, оставалась союзником фашистской Германии. Заигрывая с англичанами и американцами, они неоднократно ссылались даже на то, что румынские фашисты и в экономическом, и в политическом отношении гораздо преданнее служили интересам Германии, чем Венгрия. Но когда Румыния повернула оружие против Германии и ее союзников, выяснилось, что положение хортистской Венгрии стало еще более неблагоприятным.

В этих условиях некоторые представители венгерских господствующих классов, в том числе и сам Хорти, сочли необходимым предпринять определенные шаги с целью спасти положение. При этом правительство хортистской Венгрии первоначально и мысли не допускало о том, чтобы последовать примеру Румынии и покинуть ряды союзников Германии, и потому в этом плане не предпринимало никаких подготовительных шагов. Хортисты считали, что заключение перемирия возможно и достижимо лишь односторонним путем — исключительно путем капитуляции перед западными державами. И теперь, находясь в гораздо более неблагоприятных условиях, они не могли придумать ничего лучшего, как вытащить из своего арсенала и возродить уже однажды обанкротившуюся политику, которую пытался провести в жизнь один из премьер-

министров в правительстве Хорти, Миклош Каллаи. Она заключалась в продолжении войны с Советским Союзом и одновременно в попытке достичь перемирия с западными державами. Именно в этом духе и начал действовать Хорти.

24 августа 1944 года Хорти пригласил к себе посланника Германии в Венгрии Везенмайера, чтобы изложить ему свою позицию в связи с новой обстановкой. Он заверил уже заподозрившего что-то посланника, что, несмотря на события в Румынии, Венгрия и впредь будет сражаться на стороне гитлеровцев. При этом Хорти отметил, что линия фронта в Карпатах чрезмерно растянута, венгерская армия не в состоянии ее удержать, и попросил подтянуть немецкие войска к Карпатам. Везенмайер от имени своего правительства обещал направить в Венгрию крупные подкрепления. Хотя Хорти и Везенмайер прекрасно понимали, что их слова особого веса не имеют, они сделали вид, что результаты переговоров удовлетворительны. Обещание направить немецкие подкрепления для организации обороны против советских войск подействовало на Хорти успокаивающе. Он полагал, что выигранное время позволит ему восстановить связи и с западными державами, прерванные 19 марта 1944 года *.

Везенмайер же убедился в том, что прямой опасности выхода Венгрии из войны не существует, а для пресечения подобных намерений в будущем он, учитывая румынский опыт, постарается вовремя принять контрмеры.

В тот же день после разговора с Везенмайером Хорти направил государственного секретаря Иштвана

* Возглавлявшееся с марта 1942 года Миклошем Каллаи правительство уже с осени 1942 года, особенно после высадки союзных войск в Северной Африке, пыталось установить тайные дипломатические отношения с западными державами, по так, чтобы это не привело к разрыву с немцами. Для осуществления своих политических целей венгерское правительство нащупывало связи через послов Венгрии в нейтральных государствах. Осенью 1943 года переговоры находились уже в такой стадии, что венгерскому правительству через посредничество Турции стали известны предварительные условия перемирия, выдвинутые союзниками. Этот дипломатический зондаж был прерван в результате оккупации Венгрии немецкими войсками 19 марта 1944 года.

Барци к находившемуся в больнице премьер-министру Дёме Стойяи с тем, чтобы тот подписал уже заранее составленное заявление о своей отставке. Стойяи, хотя и с немальным возмущением, сделал это.

Хорти решил заменить правительство, проводившее откровенно прогитлеровскую политику, правительством, более приемлемым для западных держав. С этой целью вечером 24 августа он пригласил к себе находившегося на загородной вилле бывшего командующего 1-й венгерской армией генерал-полковника Гезу Лакатоша и поручил ему сформировать новое правительство. Все это пока не предавалось гласности.

Имя Лакатоша не впервые упоминалось в связи с назначением нового премьер-министра. После высадки войск западных держав во Франции 6 июня 1944 года у Хорти возникла мысль об изменении политики, проводившейся после 19 марта, и о замене полностью послушного гитлеровцам правительства Стойяи. По-видимому, в конце июня эта мысль была сформулирована и подсказана ему его доверенным лицом Иштваном Бетленом, бывшим в двадцатые годы премьер-министром Венгрии. В своем меморандуме Бетлен обосновал необходимость замены правительства Стойяи другим правительством, которое, по его мнению, оказалось бы приемлемым и для гитлеровцев.

Стараясь ввести в новое правительство только военных высокого ранга и политически не скомпрометированных, так называемых «нейтральных» специалистов, он сделал предложение и по его персональному составу. 17—18 июля Хорти уже вел переговоры с Лакатошем о формировании правительства. Однако решительный протест гитлеровцев заставил его отказаться от своего плана. Под влиянием румынских событий он вновь вернулся к мысли об этом. Хорти полагал, что, если вместо Стойяи будет назначен политик явно англофильской ориентации, гитлеровцы поймут его намерения. В то же время назначение главой правительства военного высокого ранга, близкого к венгерскому генеральному штабу, может оказаться приемлемым и для нацистов. Создание военного правительства во главе с Лакатошем Хорти, по совету Иштвана Бетлена, пытался объяснить тяжелым военным положением.

Назначая Лакатоша премьер-министром, Хорти следующим образом сформулировал задачи, стоявшие перед новым правительством:

1. Восстановление суверенитета Венгрии, несмотря на ее оккупацию гитлеровцами.
2. Немедленное прекращение преследований евреев.
3. Подготовка Венгрии к выходу из войны.

Несомненно, в этой программе (которая, возможно, в 1944 году и не была так четко сформулирована, как в 1946 году ее преподнес Лакатош *) основной упор был сделан на третий пункт. Первые два пункта программы являлись предварительным условием для выполнения третьего.

Без определенной степени суверенитета (насколько об этом вообще можно было говорить во время немецкой оккупации) не могло быть и речи о начале переговоров о перемирии. С целью подготовки выхода из войны совет министров по указанию Хорти 24 августа принял постановление о немедленном прекращении деятельности всех политических партий. Его острое, казалось, было направлено против крайне правых партий, поскольку после немецкой оккупации деятельность оппозиционных буржуазных и Социал-демократической партий, в сущности, уже была запрещена. В это время, помимо правительственный Венгерской партии жизни, действовали лишь три крайне правые политические партии: Венгерская партия обновления, возглавлявшаяся Имреди, национал-социалистская партия Баки — Палфи и партия «Скрещенные стрелы» Салаша. Однако постановление не имело никакого практического значения, хотя полный текст его и был опубликован 25 августа всеми венгерскими газетами. Руководство этих партий, парламентские группы продолжали беспрепятственно функционировать, по-прежнему издавались их печатные органы, и полиция не принимала никаких мер по ликвидации этих партий.

После 23 августа венгерские послы в нейтральных странах один за другим стали присыпать телеграммы, в которых торопили с началом переговоров о перемирии. В телеграмме, поступившей на имя заместителя

* Речь идет о показаниях генерал-полковника Лакатоша по делу венгерских военных преступников на судебном процессе в 1946 году.— *Прим. ред.*

министра иностранных дел Венгрии Михая Юнгерта-Арноти, сообщалось, что, по заявлению английского посланника в Анкаре, западные политические круги считают, что настал час, когда Венгрия должна присоединиться к союзникам. Сообщения с Запада не исключали возможности заключения перемирия с западным союзниками СССР. Да и у хортистов были основания строить такие планы *.

9 августа английский министр иностранных дел Иден выступил с заявлением, в котором значительное внимание уделил Венгрии. 11 августа 1944 года английское правительство направило меморандум в Вашингтон и Москву, в котором предложило Европейскому консультативному комитету от имени трех союзных великих держав обсудить условия перемирия, которые предстояло предложить Венгрии и которые нельзя было обсуждать без учета событий в Румынии. В представленном проекте перемирия были определены обязательства Венгрии и возможные уступки ей в случае развития событий в стране в антифашистском направлении. Однако особо подчеркивалось, что, если Венгрия сложит оружие лишь накануне поражения Германии, о возможных уступках не может быть и речи. По всей вероятности, хотя венгерские дипломатические круги не располагали подробной информацией об английском плане, Хорти что-то было известно.

Во всяком случае, поступавшие сообщения со всей определенностью подтверждали правительству Стойяи, формально находившемуся еще у власти, что новая обстановка довольно напряжена. 25 августа состоялось чрезвычайное заседание совета министров, на котором было сказано, что, согласно сообщениям из-за

* Они основывались прежде всего на так называемой «балканской стратегии» У. Черчилля, который предлагал осуществить вторжение не на западе Европы, а нанести удар в ее «мягкое подбрюшье», на Балканах, преследуя цель «достичь Вены до того, как туда придут русские». Позже он писал в своих мемуарах по этому поводу: «Я очень хотел, чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы. Венгры, например, выразили намерение оказать сопротивление советскому продвижению, но они капитулировали бы перед английскими войсками, если бы последние могли подойти во время». (Цит. по: «История второй мировой войны 1939—1945», т. IX. М., 1978, с. 477.) — Прим. ред.

границы, «все проявляют интерес к вопросу о Венгрии и Румынии. Переход Румынии на сторону союзных держав оказывает большое влияние на политические круги Финляндии. Что касается болгар, то немцы уверены, что они переметнутся на сторону союзников, а за Болгарией последует и Финляндия... В настоящее время Венгрия еще в состоянии путем быстрых действий коренным образом изменить свою военную политику» *.

Начальник генерального штаба генерал-полковник Янош Вёрёш, информировавший совет министров о военном положении, отметил, что гитлеровцы в результате выхода Румынии из войны попали в тяжелое положение. Однако он нарисовал картину намного благоприятнее той, что была в действительности. При этом он сослался на возможность применения новых видов оружия и на ввод новых немецких дивизий.

«В планы немцев,— сказал Янош Вёрёш,— входит постепенная сдача Балкан. Положение немцев на Западе стало критическим. Но немцы надеются, что положение изменится в их пользу. К весне 1945 года они намереваются напрячь силы до крайнего предела и выставить 70 новых дивизий. Вопрос в настоящее время состоит в том, как сложится военное положение немцев на юго-востоке и на западе. Фюрер великой Германии также оценивает военное положение как серьезное, но он надеется на новое оружие. Самые неотложные задачи в данный момент на юго-востоке Европы — разоружить румынскую армию и остановить русских». Далее начальник генерального штаба указал на то, что «румыны нападут на Северную Трансильванию в наиболее подходящий для них момент. Наше военное положение скверное. С румынами мы могли бы успешно сражаться, но мы не располагаем такими силами, чтобы длительное время оказывать сопротивление колоссальным русским силам, объединившимся с румынами» **.

Таким образом центральным вопросом, обсуждавшимся на заседании совета министров, стало военное

* Цит. по: «Венгрия и вторая мировая война». М., 1962, с. 330.— Прим. ред.

** Там же, с. 329.— Прим. ред.

положение, и в частности, как бы абсурдно это ни казалось, вопрос о наступлении в Южной Трансильвании. Немцы требовали от венгерского правительства начать боевые операции в Южной Трансильвании. Это требование горячо поддержали крайне правые в правительстве — Лайош Ремени-Шнеллер, Лайош Сас и Михай Коложвари-Борча. Они аргументировали это тем, что ревизия границ и расширение территории укрепят политическую базу правительства и союз с немцами.

Однако остальные члены совета министров вовсе не разделяли столь безоговорочно эту точку зрения. Действительно, наступление в Южной Трансильвании с военной точки зрения выглядело обоснованным: в результате занятия линии Карпат создавались более благоприятные условия для оказания хортистами сопротивления продвижению советских войск. В противном случае советские войска получали возможность войти в Трансильванию с юга и беспрепятственно ударили в тыл венгерским войскам в Восточных и Северо-Восточных Карпатах. В то же время наступление было нежелательно по политическим соображениям: ведь если бы венгерские войска вторглись на территорию Румынии, только что перешедшую на сторону союзников, это во всех отношениях ухудшило бы перспективу достижения соглашения между Венгрией и западными державами и помешало нащупать почву относительно заключения перемирия. Поэтому совет министров, тщательно скрывая свою истинную позицию, констатировал, что «если представится возможность и мы будем располагать соответствующими военными силами, то немцы должны занять оборонительные рубежи вдоль границы Южной Трансильвании, а мы имеющиеся в нашем распоряжении силами будем оборонять наши восточные границы вплоть до южно-трансильванских районов».

Реакционная пресса призывала к продолжению борьбы, к стойкости. Михай Коложвари-Борча писал в своих статьях, что румыны предали Запад и задача Венгрии — «подставить крепкий венгерский лоб на встречу буре, поднявшейся из-за горных вершин». Другой подобный ему деятель, Лайош Маршалко, в статье «Причины поступка неизвестна» старался доказать, что всякая страна, выступающая против немцев,

совершает самоубийство. Все эти авторы осыпали бранью Советский Союз и ругали западные державы, в то время как Хорти продолжал вести переговоры о создании правительства, которое подготовило бы выход Венгрии из войны.

Перед назначением Лакатоша нужно было решить вопрос о составе нового правительства. В список членов правительства Хорти сам включил генерала Спилларда Бакай в качестве министра внутренних дел, генерала Ференца Фаркаша — министра просвещения, генерала Золтана Деслева — министра юстиции, Кальмана Харди — министра иностранных дел. Однако правительство, состоявшее только из одних военных, сформировать не удалось. По первоначальному плану при назначении министров предполагалось не обращаться к немцам за согласием. Это был бы единственно правильный путь, ведь и самому Хорти было ясно, что немцы не согласятся на такое правительство, в котором не было бы их доверенных лиц. Но такой кабинет, который устраивал немцев, вряд ли мог бы подготовить выход страны из войны. Однако Хорти, как это случалось с ним уже не раз, действовал половинчато и очень непоследовательно. Он согласился с предложением Чатаи перед назначением Лакатоша премьером представить список членов правительства Везенмайеру. Тот, как и следовало ожидать, выразил протест против такого состава правительства; в качестве основного условия своего согласия на формирование правительства он потребовал сохранения за Ремени-Шнеллером и Юрчеком портфелей министров, ведающих экономикой. Еще больше скомпрометировавших себя пронемецких настроенных Ласло Бардоши и Дёме Стойяи он выдвинул в качестве кандидатур на пост министра иностранных дел, а Енё Ратца предложил назначить министром обороны. Кроме того, он хотел протащить на министерские посты Вильмоша Хеллеброна и Ласло Эндре*. После трехдневных переговоров Хорти опять уступил немецким требованиям. Юрчека и Ремени-Шнеллера включили в список министров, и Хорти отказался от мысли сформировать правительство из военных.

* Оба были агентами немецкой разведки.— Прим. ред.

Созданное при таких обстоятельствах правительство Лакатоша было довольно пестрым по своему политическому составу. Министерские посты получили Габор Владар (министр юстиции), Оливер Маркош (министр торговли) и Тибор Дюлаи (министр промышленности) — лица, малоизвестные в политических кругах. Хорти считал, что он, безусловно, сможет рассчитывать на их поддержку, да и гитлеровцы не возражали против такого назначения, поскольку политическое прошлое этих людей было незначительным. Иван Раковски, давний друг Иштвана Бетлена, стал министром просвещения и культов, а занять пост министра иностранных дел дал согласие генерал Густав Хеннеи. Оба они придерживались англофильской ориентации и считали своей задачей подготовку подписания перемирия с западными державами. Членами нового правительства стали два министра из бывшего правительства Стойяи — министр обороны Лайош Чатаи и министр внутренних дел Миклош Бондзош, которые хотя и не были прямыми агентами гитлеровцев, но в основном проводили пронемецкую политику.

Правительство было сформировано 28 августа, а 29 августа был обнародован список его членов.

Уже сам состав правительства отразил половинчатость, неопределенность политических концепций Хорти. В ходе подготовки выхода страны из войны регент имел возможность сотрудничать с левыми силами (социал-демократами, коммунистами). Однако он отказался от этой возможности, так как подготовку перемирия считал внутренним делом господствующих классов, такой политической акцией, которая могла обеспечить ему сохранение режима. Хорти полагал, что создание нового, верного ему правительства — надежный путь выхода страны из войны. Но каждому было ясно, что гитлеровцы не станут равнодушно наблюдать за деятельностью нового правительства. Хорти снова проявил свою ограниченность, почему-то уверовав, что гитлеровцы пойдут навстречу его просьбе и спокойно воспримут заключение венгерским правительством перемирия с западными державами. Однако правительство Лакатоша по своему составу не годилось для исполнения даже этого построенного на шаткой основе плана, ибо оно представляло собой

коалицию правых сил, в которой буржуазия англо-фильской ориентации была представлена лишь незначительно, да она и не осмелилась бы открыто порвать с гитлеровцами. Следовательно, такая политика, рассчитанная на осуществление выхода из войны с помощью подобного рода правительства, была заранее обречена на провал, что и подтвердили последующие события.

Одновременно с назначением нового правительства Хорти стал усиленно добиваться восстановления связей с западными державами. Он полагал, что ему снова, как и осенью 1943 года*, удастся договориться с представителями западных держав относительно условий перемирия. Вскоре предоставилась возможность для установления связей. Бывшему посланнику Венгрии в Швейцарии Дёрдю Бакач-Бешшенеи, который после 19 марта 1944 года подал в отставку, удалось связаться с западными державами. Через него союзники предложили регенту немедленно начать переговоры о перемирии и в качестве первого шага вернуть в Венгрию войска, сражавшиеся на восточных склонах Карпат.

Через министра иностранных дел Хеннеи регент 28 августа по засекреченной радиостанции в Будайской крепости связался с Бакач-Бешшенеи и поручил ему — как наделенному всеми правами полномочному лицу — начать переговоры с представителями западных держав. Хорти подчеркнул, что пока Бакач-Бешшенеи не следует поднимать на переговорах территориальные вопросы, нужно обещать лишь проведение независимой и демократической политики и сообщить западным державам о том, что за пределами Венгрии сражающихся венгерских частей нет, а их оккупационные войска отзываются. 29 августа Бакач-Бешшенеи беседовал по этому поводу с американским посланником в Швейцарии Гаррисоном. Подобное поручение получил также Дёрдь Барца, бывший посол Венгрии в Великобритании.

* 9 сентября 1943 года с англичанами и американцами было достигнуто соглашение, по которому венгерская армия должна была сложить оружие, как только их войска достигнут границ Венгрии.

Западная дипломатия, хотя и продолжала носиться с мыслью о сепаратном мире с Венгрией и оккупации страны войсками западных держав, вследствие сложившегося международного, а также военного положения, была вынуждена в ходе переговоров прийти к выводу, что к обсуждению вопроса о перемирии можно приступить лишь тогда, когда Венгрия с этой целью установит связь с Советским Союзом. Бакач-Бешшени, реально оценивая обстановку, просил Хорти предоставить ему полномочия именно такого рода для начала переговоров о перемирии. Однако само собой разумеющееся и единственно возможное условие, вытекавшее из стратегического положения Англии и США и дипломатических отношений, не подходило для Хорти из-за ограниченности его политического мышления. Он стремился любым путем исключить участие Советского Союза в переговорах и продолжал оказывать вооруженное сопротивление советским войскам, подошедшими к границам Венгрии. Вот почему Бакач-Бешшени напрасно надеялся на такие полномочия.

Создание правительства Лакатоша общественное мнение расценило как разрыв с политикой немецкого сателлита Стойяи, первый шаг на пути к перемирию, хотя печать и раструбила, что правительственный программа направлена «на добросовестное продолжение войны». Правые газеты начали открыто выражать беспокойство. Газета «Мадьяршаг» в номере от 31 августа 1944 года главную заслугу ушедшего в отставку премьер-министра Стойяи видела в том, что «за пять месяцев его премьерства страна освободилась, во всяком случае, от «призрачных иллюзий». С его правлением связаны ликвидация левых сил, запрещение деятельности Социал-демократической партии, Партии мелких сельских хозяев, Ротари-клуба*, по крайней мере частичное решение еврейского вопроса... В своей внешней политике он покончил с двойственностью и сделал прямой нашу внешнеполитическую линию...».

Господствующие классы, придерживавшиеся англо-фильской ориентации, с надеждой следили за деятельность нового правительства. Как видно из дневника

* Венгерский филиал международной организации крупной либеральной буржуазии.

боевых действий штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии, начиная с лета 1944 года положение на фронтах вынудило гитлеровцев вывести из Венгрии большую часть оккупационных войск. В стране остались находившиеся в стадии реорганизации, еще не обученные войска. Немцы планировали подготовить и отправить на фронт, помимо учебных и тыловых частей ВВС, пять дивизий, в том числе две кавалерийские дивизии СС, две гренадерские и одну пехотную дивизии. Эти силы, взаимодействуя с карательными отрядами СС, были призваны выполнять оккупационные функции. В целом в конце августа — начале сентября численность немецких воинских частей на территории Венгрии вместе с полицейскими отрядами СС и гестапо не превышала и 65—70 тыс. человек *.

В августе—сентябре 1944 года общая стратегическая обстановка сложилась так, что находившиеся в Венгрии оккупационные войска не смогли бы воспрепятствовать правительству выйти из войны, если б оно захотело последовательно осуществить это. Однако первые шаги нового правительства не оправдали ожиданий, хотя первое заседание совета министров и дало повод надеяться, что новое правительство не во всем будет следовать политике своего предшественника.

По главному вопросу — продолжать войну на стороне гитлеровцев или порвать с ними — новый состав совета министров единодушно проголосовал так же, как и его предшественник. Позиция правительства Лакатоша в вопросе о продолжении войны с Советским Союзом в некоторой степени успокоила немецкое командование. Если бы венгры заключили соглашение о перемирии после того, как Румыния вышла из войны и перешла на сторону союзников, немецкие войска на Балканах оказались бы отрезанными от своих основных сил, и советские войска смогли выйти непосредственно к границам Германии. Поэтому в конце августа Гитлер направил в Будапешт начальника генштаба сухопутных войск Гейнца Гудериана, чтобы

* См.: Olvedy Ignács. A budai Vár és a debreceni csata, Zrínyi Kiadó 1974. 23. old.

прозондировать позицию Венгрии и убедить Хорти придерживаться курса фашистской Германии.

О встрече, состоявшейся 31 августа 1944 года, вспоминают в своих мемуарах и Хорти, и Гудериан. Хорти об этом пишет с некоторой гордостью, что здесь он-де «не связал себя с Гитлером». На самом же деле Хорти, почти полностью раскрыв свои планы Гудериану, создал препятствия на пути их осуществления. Вот как вспоминает об этом Гудериан: «Первыми словами регента, после того как мы уселись за стол, были: „Видите,уважаемый коллега, в политике всегда нужно иметь запасный выход“ *.

После такого вступления разговор зашел о военном положении. Хорти попросил как можно скорее вывести из Польши венгерскую кавалерийскую дивизию, сражавшуюся в районе Варшавы. Гудериан обещал выполнить просьбу Хорти. Однако, пишет Гудериан, «у меня не могло сложиться положительного впечатления о позиции Хорти, о чем я и вынужден было доложить Гитлеру. Все красивые слова начальника генерального штаба Венгрии Вёрёша не могли изменить моего мнения» **.

Но обе стороны, хотя и по разным причинам, остались довольны друг другом. Гудериан смог убедиться в том, что опасности прямого выхода Венгрии из войны не существует. Он полагал, что нацистская дипломатия, используя армию, которую немцы, по желанию Хорти, направят в Венгрию, сможет помешать ей выйти из войны. Хорти также был доволен. Он считал, что немецкие подкрепления защитят восточные границы Венгрии и задержат советские войска, что позволит ему выиграть время для торгов с западными державами по вопросу о перемирии. Хорти даже не задумывался о том, что немецкие войска могут предотвратить любую попытку заключения им перемирия.

Известие о прибытии немецких подкреплений изменило его точку зрения относительно наступления в Южной Трансильвании. Взаимосвязь между измене-

* Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954, с. 358.—Прим. ред.

** Там же.

нием решения от 25 августа и посещением Гудериана подтверждают многочисленные факты. Прежде всего об этом свидетельствуют переговоры Лакатоша с некоторыми представителями Трансильвании.

В конце августа был образован Венгерский совет Трансильвании. Необходимость его создания была вызвана тем, что после выхода Румынии из войны некоторые представители венгерских господствующих классов в Трансильвании начали выступать за окончание войны и устанавливать контакты с левыми силами. Учитывая это, Венгерский совет Трансильвании провозгласил временное сплочение всех сил общества на широкой основе. В состав совета вошли Бела Телеки и Миклош Банфи, а также представители левых сил *.

В конце августа Бела Телеки по поручению совета, прибыв в Будапешт, посетил Лакатоша. Он попытался отговорить Лакатоша от наступления в Южной Трансильвании, так как, по его мнению, это могло привести к тяжелым политическим последствиям. Лакатош согласился с Телеки и обещал ему, что в Южной Трансильвании военных операций осуществлено не будет. Однако он попросил дать еще несколько дней, чтобы принять окончательное решение.

Лакатошу было ясно, что фашистская Германия и хортистская Венгрия окончательно проиграли войну. Призрачные надежды в отношении возможности применения «чудо-оружия», о чем громко трубила немецкая пропаганда, были развеяны самим же Гудерианом. Обещая немецкую помощь Лакатошу, он заметил: «Хотя у нас уже имеется кое-что, это не сможет стать решающим фактором войны». Под влиянием обещаний Гудериана вопреки здравому смыслу Лакатош 31 августа сообщил Телеки о решении организовать наступление в Южной Трансильвании. Об этих замыслах свидетельствует и письмо Хорти, направленное Бакач-Бешенеи 1 сентября. В нем регент вновь подчеркнул, что по вопросу о перемирии он намерен вести переговоры лишь с западными державами, а на востоке

* Такая активность в «полевении» правящей верхушки Трансильвании объяснялась прежде всего тем, что советские войска находились уже у границ Северной Трансильвании.—*Прим. ред.*

будет продолжать боевые действия. Эта точка зрения нашла свое отражение и в докладной записке Яноша Вёрёша от 4 сентября. Начальник генерального штаба хотя и ссылается в ней на тяжелое военное положение, тем не менее делает вывод о необходимости продолжать войну на стороне германского рейха. Говоря о возможном сближении с англичанами и американцами, он, несомненно, выражал мнение Хорти.

К этому времени уже стало известно, что Финляндия 2 сентября 1944 года обратилась к Советскому Союзу с просьбой о перемирии и одна лишь Венгрия оставалась на стороне немцев. 5 сентября в Чепеле на стенах домов появились надписи: «Мы должны последовать примеру финнов. Мы требуем мира!»

И после всего этого венгерское правительство в первые дни сентября все же подготовилось к нападению на Южную Трансильванию *.

Однако план хортистов задержать советские войска на рубеже Карпат провалился. И впредь уже нельзя было прикрыть свои поражения такими фразами, как «тактика гибкого реагирования с целью отрыва от противника» и т. д.

Советские войска стояли в Карпатах. Венгерский народ жаждал окончания войны. Даже крайне правые круги вынуждены были считаться с общественным мнением. 30 августа 1944 года в фашистской газете «Эссетарташ» была помещена статья «Залог победы», автор которой с горечью признавал, что у «многих людей со слабыми нервами заметно поколебалась вера в победу».

* Утром 5 сентября пять немецких и венгерских дивизий при поддержке танков и авиации нанесли удар из района Турда по 4-й румынской армии, которая еще не успела занять обороны на этом участке. Одновременно гитлеровцы развернули наступление и против 2-й румынской армии. 6 сентября они создали угрозу захвата города Тимишоары.

Выполняя указания Ставки Верховного Главнокомандования, командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский немедленно направил на помощь румынским войскам соединения и части двух общевойсковых и одной танковой армий. Совместными усилиями советские и румынские войска отразили контрудары врага и перешли в наступление. (См.: «История второй мировой войны 1939—1945», т. IX, с. 115—116.) — Прим. ред.

„Неколебимое“ решение регента

Вечером 7 сентября Хорти пригласил на совещание некоторых доверенных ему лиц, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. Можно было ожидать, что теперь, когда советские войска уже продвигались по территории Трансильвании и было ясно, что на линии Карпат немецким и венгерским войскам закрепиться не удастся, Хорти и его правительство сумеют наконец реально оценить военно-политическое положение Венгрии. Однако на совещании 7 сентября этого сделано не было, хотя его участники в принципе высказались за заключение перемирия. Несмотря на то что им была известна точка зрения союзных держав, требовавших безоговорочной капитуляции, они предложили свои условия перемирия, с которыми намеревались обратиться к союзникам. Их условия более походили на требования, чем на проникнутое горячим желанием стремление заключить мир. Они заключались в следующем: «а) союзники оккупируют лишь важнейшие стратегические пункты страны; б) румынские и югославские войска не участвуют в оккупации; в) венгерская полиция и государственный аппарат сохраняются; г) союзные державы разрешают немецким войскам беспрепятственно покинуть Венгрию».

При существовавшей военной обстановке выдвинутые условия были совершенно нереальны. И если при всей их нереальности тогда все же была еще возможность заключения перемирия, то дальнейшие шаги хортистов сделали несерьезными их намерения. Хорти и его советники решили добиться согласия членов совета министров на ведение переговоров о перемирии. Поэтому вечером того же дня Хорти пригласил на заседание коронного совета нескольких пользующихся его доверием министров, начальника генерального штаба и руководящих военных лиц.

На заседании Хорти объявил свое решение, касавшееся просьбы о заключении перемирия, которое присутствующие одобрили. Однако, поддержав его решение

явно под воздействием военного поражения, они ни в коем случае не хотели выступать против фашистской Германии. Поэтому было предложено информировать и немцев о намерении обратиться к союзным державам с просьбой о перемирии *.

Поскольку ни Хорти, ни его министрам не хватило мужества открыто изложить свою позицию в поддержку перемирия, министр обороны Чатаи предложил направить гитлеровцам ультиматум следующего содержания: если в течение двадцати четырех часов они не пришлют пять танковых дивизий на укрепление южно-трансильванского фронта, Венгрия будет вынуждена запросить перемирия. Объясняя это решение правительства, начальник генерального штаба Янош Вёрёш в письме Гудериану писал, что «поскольку венгерская сторона располагает лишь резервными частями с небольшим количеством артиллерии, то для достижения успеха крайне необходимо получить у немцев соответствующую помошь танками и авиацией. В противном случае Венгрия вынуждена будет уступить не только Южные, но и Восточные Карпаты, а это грозит полным развалом фронта, так как в Венгрии нет второй линии оборонительных рубежей» **.

Члены коронного совета не могли не понимать, что между просьбой о перемирии и ультиматумом, который предполагалось направить немцам, — дистанция огромного размера. Только желанием поддаться самообману можно объяснить единодушную поддержку на этом заседании решения направить гитлеровцам ультиматум.

Реально оценивая обстановку, нельзя было и надеяться, что гитлеровцы добровольно выведут свои войска с территории Венгрии; более того, даже не обладая особым политическим чутьем, можно было предвидеть, что на ультиматум они ответят новыми обещаниями. Таким образом, ультиматум гитлеровцам нельзя считать

* Это предложение внес сам Хорти, заявив, что «сообщит им [немцам.—Ред.] об этом» и, следовательно, «не станет предателем», так как «за спиной немцев на переговоры не пойдет». (См.: Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 430.) — Прим. ред.

** Nagybácszon Nagy Vilnios. Végezes esztendök. 1938—1945. Budapest, 1945. 221. old.

не чем иным, как стремлением уклониться от решения вопроса о перемирии.

Кстати, это подтверждает также чрезвычайное заседание совета министров, состоявшееся на следующий день 8 сентября. Сообщение о заседании коронного совета сделал Лакатош, он ознакомил присутствующих с его решениями и сказал, что регент вел переговоры с Везенмайером и германским военным атташе Грейфенбергом. После торгов они обещали уточнить, что именно немцы могут дать венграм. После своего выступления Лакатош предоставил слово Яношу Вёрёшу, который, обрисовав военное положение, заявил, что «если бы немцы прислали мотомехчасти, то мы смогли бы задержать наступление русских. Но совершенно остановить их вряд ли удастся... Немцы хотят всеми силами удержать Восточный фронт, и если они проиграют войну, то будут стремиться не допустить полного краха на Восточном фронте и ради этого, скорее, пожертвуют Западным фронтом» *.

После выступления Вёрёша началась длительная дискуссия. Бела Юрчек выступил против перемирия. Министр же внутренних дел Миклош Бонцзаш поставил вопрос, не будет ли целесообразным своевременно обратиться с просьбой о перемирии. Министр иностранных дел Густав Хенней считал, что нужно просить перемирия. Наиболее решительно высказался за перемирие Бела Телеки. Он заявил: «В Трансильвании все уверены, что игра проиграна. Немцы, а вместе с ними и мы проиграли эту войну... Когда после падения Ясс в Румынии наступил крах, мы могли бы предпринять аналогичные шаги. Однако мы упустили этот случай» **.

Заседание совета министров пришлось временно прервать, так как к Лакатошу приехали Грейфенберг и венгерский военный атташе в Берлине Шандор Хомлок. Они сообщили, что немцы готовы «защитить Трансильванию, но лишь в том случае, если Венгрия и сама преисполнена решимости продолжать борьбу».

Заседание совета министров еще не окончилось, когда Хорти вызвал Лакатоша к телефону и сообщил ему, что только что у него был Везенмайер и от имени министра иностранных дел Германской империи Риб-

* Цит. по: «Венгрия и вторая мировая война», с. 333..

** Там же.

бентропа заявил, что «Германия не может пойти на сдачу Венгрии». Далее, сказал Везепмайер, Риббентроп подчеркнул: «Что касается возможного внутреннего переворота в Венгрии, то они, немцы, непременно воспротивятся этому и с помощью войск из Вены и полицейских формирований подавят любую попытку переворота» *.

Немецкие обещания и угрозы определили решение совета министров: колеблющиеся также проголосовали против просьбы о перемирии. Лакатош, подводя итоги, заявил, что «в отличие от мнения, сложившегося вчера на коронном совете о том, что или мы в течение 24 часов получаем помощь от немцев, или, если ее не получим, мы должны начать переговоры о перемирии, сегодня совет министров единодушно решает, что в случае, если немцы выполнят обещание и в течение двух дней немецкая помощь действительно поступит и если немцы дадут гарантии в отношении этих своих обещаний, то Венгрия пока согласится продолжать борьбу и не будет спешить с обращением к союзникам с просьбой о перемирии» **.

Приняв такое решение, венгерское правительство вновь отказалось от намерения обратиться к союзникам с просьбой о перемирии.

Едва ли можно найти более яркое подтверждение политической близорукости Хорти и его окружения, чем их поведение при обсуждении событий в эти два дня.

Неуверенность, колебания, полное непонимание происходящих событий и трусость — все это привело хортистское правительство, представителей венгерских господствующих классов к предательству национальных интересов. Их действия объяснялись главным образом страхом перед Советским Союзом. Трусость мешала им решительно выступить против гитлеровцев, а их узоклассовые интересы побуждали делать все, чтобы сохранить в неприкословенности существовавший режим.

Характерным подтверждением краха этой политики может служить письмо, написанное Хорти 9 сентября Бакач-Бештенеи. В нем говорится, что о выходе из войны речь может идти только в том случае, если в Венгрию по воздуху будут переброшены две-три

* Цит. по: «Венгрия и вторая мировая война», с. 337.

** Там же, с. 339.

английские дивизии. Из этого письма Бакач-Бешшени понял, что его советы начать переговоры с СССР не приняты, и поэтому он заявил Лакатошу, что отказывается от дальнейшего посредничества в деле заключения перемирия.

Тем временем четыре немецкие дивизии действительно прибыли в Венгрию; лишь одна из них оказалась танковой, остальные были пехотные. К тому же эти дивизии не были отправлены на передовую, их сосредоточили вокруг Будапешта. Помимо этого, в состояние боевой готовности были приведены 109-я и 110-я танковые бригады, находившиеся в личном подчинении генерала СС Винкельмана; командующему группой армий «Юг» Фриснеру было приказано внимательно следить за положением в Венгрии, чтобы быть готовым ко всякого рода неожиданностям. Принятые гитлеровцами меры давали ясно понять венгерскому военному и политическому руководству, что освободиться от оккупантов можно лишь путем вооруженной борьбы. Однако этого-то хортистская верхушка и не хотела. Тем временем продвижение советских войск в Трансильвании продолжалось, их уже не могла задержать созданная в районе Бачки и Баната 3-я венгерская армия.

10 сентября* Хорти снова решил созвать на тайный совет некоторых членов правительства и бывших политических деятелей.

Перед самым совещанием к Хорти прибыли по поручению Трансильванской партии Бела Телеки и Даниэль Банфи с просьбой немедленно начать переговоры о перемирии. Не дав им ответа, Хорти пригласил их на заседание тайного совета.

Тайный совет вновь принял решение о заключении перемирия, которое сразу же стало известно немцам. Уже на следующий день Везенмайер выразил Лакатошу и Хеннеи протест. Однако на деле Хорти все еще не решался действовать и вновь повторил разыгранный за несколько дней до этого спектакль, направив решение на рассмотрение и утверждение совета министров.

* В мемуарах Хорти, в показаниях статс-секретаря премьер-министра И. Барци, а также в исследованиях видных венгерских и советских историков фигурирует дата 8 сентября.—
Прим. ред.

На заседании совета министров Лакатош изложил «окончательное и бесповоротное» решение Хорти просить союзные державы о перемирии. Затем повторились события, разыгравшиеся на заседании совета министров 8 сентября. Янош Вёрёш подробно ознакомил министра с положением на фронтах и соотношением сил, затем председатель совета министров Лакатош охарактеризовал обстановку.

«Следует отметить,— сказал он,— что немцы в недавнем прошлом по отношению к Венгрии совершили такие поступки — подвергли страну унижению и нанесли ей такой большой материальный ущерб,— что решающий судьбу страны вопрос нельзя считать только немецко-венгерским вопросом. Этот вопрос стал сейчас русско-венгерским вопросом. Если мы сочтем более правильным в военном отношении по-прежнему находиться на стороне немцев, то мы должны продолжать нашу прежнюю политику. Если же мы посчитаем за лучшее прекратить кажущуюся бесперспективной борьбу, не отвечающую нашим силам и возможностям, то, осознав это, нам следует принять кардинальное решение. Суть вопроса в том, что волна русского наступления рано или поздно затопит нас. И совсем нельзя рассчитывать, что мы выиграем время и англо-американские войска вступят на территорию страны раньше... чем русские».

Затем он обратился к министрам с вопросом, кто из них берет на себя ответственность за немедленное начало переговоров о перемирии и кто против.

Большинство высказалось против перемирия. Прения открыл Юрчек, выступив очень воинственно за продолжение войны. Министр внутренних дел Миклош Бонцош также отклонил решение коронного совета, считая его преждевременным. В подобном же духе выступили и другие профашистски настроенные министры. По словам Юрчека, «было бы самоубийством, если бы сегодня совет министров принял решение начинать обсуждение условий перемирия. Благородная смерть всегда лучше самоубийства или сделки с совестью». Поясняя свою мысль, он сказал, что «считает предпочтительнее для Венгрии продолжение борьбы; если же Германия не сможет далее воевать и увидит, что выгоднее просить перемирия, то тогда Венгрия и

Германия запросят его вместе». На это Лакатош заметил, что, пока Гитлер у власти, союзные державы переговоров с Германией вести не будут. Однако совет министров продолжал обсуждать проблемы, которые не имели под собой реальной почвы.

Чатаи сослался на то, что в связи с концентрацией немецких войск вокруг Будапешта было бы опасно осуществлять действия, связанные с какой-либо просьбой о перемирии. И вообще, было гораздо правильнее, считал он, если бы этим занялось какое-то новое правительство. Единственным, кто высказался за перемирие, был Раковски, но и он поддержал предложение Чатаи, сводившееся к тому, чтобы вопросами перемирия занялось такое правительство, которое не имеет моральных обязательств перед немцами. Таким образом, даже те министры, которые в принципе были за заключение перемирия, не осмелились взять на себя ответственность за его осуществление.

Так как министры не согласились с решением, направленным на поиски путей перемирия, Лакатош заявил, что, поскольку точка зрения регента неприменима, правительство подает в отставку. Хорти — после высказываний министров — снова изменил свою «неприменную» точку зрения. Он попросил их оставаться на своих местах. Поведение Хорти подтверждает, что у него не было никакого определенного плана. Сделанные им шаги с целью заключить перемирие были случайны и беспочвенные. Заседание совета министров 11 сентября полностью подтвердило, что политика Хорти на деле отвечала интересам не Венгрии, а Германии. Хорти и его окружение понимали, что война ими проиграна. В ходе дискуссии министр обороны отметил: «Если даже и прибудут обещанные немцами пять дивизий, то и тогда мы проиграем войну». Лакайская политика верного Германии сателлита ввергла страну в катастрофу. Тот факт, что хортистская верхушка даже не осмелилась просить о перемирии, служит подтверждением того, что хортисты не обладали ни политической, ни личной храбростью, чтобы выступить против гитлеровской Германии. Крайне правый министр земледелия Бела Юрчек открыто заявил, что «у нас должно быть одно требование к немцам: заключить мир вместе с ними».

Нилашисты организуются

В то время как хортисты делали робкие попытки выйти из войны, крайне правые элементы господствующих классов решили, что пробил их час перейти к активным действиям, чтобы захватить власть и помешать хортистам осуществить свои планы.

Внутри господствующих классов в Венгрии существовали три политические группировки, представители которых были готовы до конца оставаться преданными германским фашистам. Одной из таких группировок можно считать правое крыло правительской партии. Но поскольку члены этой группировки состояли в одной партии с лицами, поддерживавшими идею выхода из войны, а отдельных ее членов связывали тесные узы с Хорти, их нельзя было активно использовать в случае антихортистского путча, но поддержать его они могли. Их относительно большое влияние в государственном аппарате и в офицерской среде могло сыграть решающую роль в успешном осуществлении замыслов крайне правых элементов.

Второй пронемецкой группировкой, пользовавшейся довольно большим влиянием в государственном аппарате и в армии, являлась Венгерская партия обновления, возглавляемая Имреди. Летом 1944 года после немецкой оккупации эта партия выдвинулась на передний план в политической жизни страны. Однако в августе — частично из-за возникших разногласий с немцами по экономическим вопросам — группа Имреди, а с нею и Венгерская партия обновления стали играть второстепенную роль. Разногласия были вызваны тем, что после 19 марта 1944 года немцы подчинили экономику Венгрии своим целям. Экономическому разграблению подвергались промышленность, сельское хозяйство и шахты, продукция которых вывозилась в Германию безвозмездно. Существовавшая ранее задолженность Германии на сумму 1035 млн. марок к 15 октября 1944 года возросла еще на 2 млрд. пенгё. Имреди, будучи с мая по август 1944 года министром, ответственным за экономику, старался смягчить в ряде

случаев действие односторонних договоров. Особенно он не угодил нацистам тем, что выступал против передачи в их полную собственность продукции концерна «Вейс Манфред». Он просил полномочного представителя Германии «хотя бы внешне» сделать приемлемым этот акт и предложил назначить венгерского уполномоченного на предприятия акционерного общества «Вейс Манфред», показав тем самым, что венгерское правительство сохранило свое влияние в руководстве этим концерном. Хотя немцы и попытались представить все это пустячным делом, оно, как писал Везенмайер в одном из своих донесений в министерство иностранных дел Германии, подействовало на «дружественные венгерские круги как холодный душ и вызвало определенную сдержанность». Немцы уступили, однако соперничавшие с Имреди другие крайне правые группировки — национал-социалисты, нилашисты и т. д.— в своих листовках начали дискредитировать Имреди за его еврейское происхождение. Следовательно, если отдельные группировки его партии и ее членов можно было привлечь к организации антихортистского путча, то сам Имреди уже не мог возглавить его*.

Итак, оставался Салаш. Министерство иностранных дел Германии намеревалось использовать нилашистов лишь в самом крайнем случае. Старых опытных политиков из числа представителей господствующих классов гитлеровцы считали более надежными, чем Салаши, которого они воспринимали как авантюриста и человека несерьезного. В первую очередь Везенмайер предлагал Гитлеру кандидатуры Имреди или Бардоши как наиболее подходящих для гитлеровцев лидеров, отводя для Салаши второстепенную роль.

* Решающую роль в устранении Имреди с политической арены сыграло нежелание гитлеровцев довольствоваться тем, что отдавали им венгерские фашисты. Оккупанты решили прибрать к рукам все, не считаясь и с интересами венгерских капиталистов, в том числе и самого Имреди. Имреди, состоявший в родстве с одним из владельцев крупнейшего концерна «Вейс Манфред», не желал расставаться с имуществом и капиталами и потому оказался неугодным гитлеровцам, хотя по своим политическим убеждениям он верно служил германскому фашизму. (См.: Пушкаш А. И. Венгрия во второй мировой войне, с. 391—394.) — Прим. ред.

После оккупации страны Германией Салаш неоднократно предлагал им свои услуги (его меморандумы, написанные в июне и июле 1944 года, попали к Гитлеру), которыми, однако,— по крайней мере до захвата салашистами власти — никто не воспользовался. Еще в апреле 1944 года Везенмайер в своем донесении Риббентропу ясно выразил свое отрицательное отношение к Салашу. «Я полностью разочаровался в Салаше,— писал он.— Считаю его неподходящим: умный тактик, но не очень интеллигентен... Насколько я сумею использовать его в своих политических целях, будет зависеть от дальнейшего развития событий».

Рано утром 24 августа 1944 года, когда Хорти, возможно, еще и не знал о румынских событиях, нилашисты явились к Везенмайеру и попросили гитлеровцев помочь им захватить власть. Однако Везенмайер призвал их к терпению. Он считал, что интересы гитлеровцев в Венгрии более надежно защитит колеблющееся правительство Хорти, чем нилалистский сброд. Однако он ободрил салашистов, сказав, чтобы они были готовы действовать в случае необходимости.

Правительственное постановление о роспуске партий не мешало нилалистам организовываться. Хотя их партия была распущена, они почти каждый день на частных квартирах (у Йожефа Геры и Эмиля Коварца) устраивали тайные соборища. На этих квартирах была организована дежурная служба, обеспечивающая в любое время сбор нилалистов по сигналу.

Была налажена регулярная связь с германской миссией через связного, назначенного гитлеровцами; им стал секретарь Везенмайера Курт Галлер. 27 августа на квартире Гabora Вайны, позже занявшего пост министра иностранных дел в правительстве Салаши, собирались руководители нилалистов, среди них Габор Кемень; приехал сюда и Галлер. На совещании внимание присутствующих было обращено на то, что Хорти подготавливает выход Венгрии из войны.

Коварц, старый руководитель нилалистского движения в Венгрии, занимавшийся объединением правых сил и ставший в правительстве Салаши министром тотальной мобилизации, считал, что самое лучшее

в сложившейся обстановке — немедленный арест людей из окружения Хорти.

Вечером 28 августа нилашитские главари собрались снова, на этот раз у Курта Галлера в здании германской миссии.

Коварц сообщил, что Габор Фараго и Лакатош были приглашены на обед к регенту (новое правительство было объявлено лишь на следующий день), и этот факт он пытался расценить как угрожающий признак того, что Хорти проводит политику, направленную на выход Венгрии из войны. И тут Галлер впервые задал обнадеживающий вопрос: «Сможет ли партия действовать в нужный момент?» При этом он дал понять, что имеет в виду не просто демонстрацию, а нечто большее. Наконец-то нилашисты услышали так долго ожидаемое ими предложение действовать, правда пока еще в довольно осторожной форме. Кемень сразу же поставил вопрос о том, что для успешного осуществления такой акции необходимо немецкое оружие. Галлер в свою очередь задал вопрос: так как часть армии поддержит нилашистов, нельзя ли, используя это, решить проблему вооружения? Нилашисты, заявил Кемень, хотя и доверяют части венгерской армии, осуществление возможного путча ставят в прямую зависимость от позиции немцев. Они обещали провести эту акцию быстро, но предложили прежде организовать встречу Салаши с Везенмайером, на которой могли быть устраниены еще имевшиеся разногласия. Галлер вышел в соседнюю комнату, где находился Везенмайер, чтобы проинформировать его о ходе переговоров. Однако германский посланник посчитал несвоевременным немедленное проведение акции. Тогда Галлер сообщил нилашитским руководителям, что их переговоры носят теоретический характер, и, чтобы ослабить возможное разочарование присутствующих, заявил, что Везенмайер намерен встретиться с Салаши через два дня. В заключение он посоветовал нилашистам улучшить свою организацию, чтобы по сигналу можно было начать действовать.

29 августа Салаши, после своего разговора с регентом, убедился в том, что его намерения устранить Хорти обоснованы. Салаши давно уже стремился попасть на этот прием, рассчитывая, что в случае

переформирования состава правительства Стойяи ему удастся занять руководящий пост. Теперь, после создания правительства Лакатоша, разговор на эту тему был беспредметен. Тем не менее Салаш попросил разрешения у Хорти переговорить с ведущими политическими деятелями и внести предложение относительно расширения состава правительства. Хорти, прервав Салаша на полуслове, попытался оправдать сформирование правительства Лакатоша тем, что Стойяи болен, а также тяжелым военным положением. Он подчеркнул важность создания административно-чиновниччьего правительства, поскольку назначение ни Имреди, ни Бардоши не могло изменить положения. В конце беседы Хорти попросил Салаша в течение месяца не затевать новых политических акций. Хорти, который в то время был занят мыслью о перемирии, надеялся, что месячная политическая пассивность нилашитов позволит ему осуществить свои намерения. Этой просьбой он сразу привлек внимание Салаша к своим намерениям выйти из войны. Неудивительно, что после этого Салаш записал в дневнике, что «Хорти — законченный англофил» и нилашитский путч нельзя откладывать.

Через два дня после переговоров с Хорти Салаш впервые встретился с начальником гестапо в Венгрии генералом СС Отто Винкельманом. И на этот раз разговор шел об организации путча. Салаш сообщил ему, что во время беседы с Хорти у него сложилось впечатление, что Венгрия может выйти из войны, подписав соглашение о перемирии с тремя державами. Он заявил, что нилашисты намерены выступить против этого, но при полной военной поддержке со стороны немцев, ибо не хотят повторения печальной истории Железной гвардии *.

Салаш затронул вопрос о возможности переговоров между Винкельманом, Везенмайером и Грейфен-

* Железная гвардия представляла собой крайне правую организацию в Румынии, подобную венгерскому нилашитскому движению. Осеню 1940 года она подняла вооруженный путч против фашистского правительства Антонеску. Однако гитлеровцы, понимая, что в существующем правительстве они найдут более прочную опору, не поддержали Железную гвардию и, более того, оказали помощь в подавлении путча.

бергом относительно организации путча и установления взаимодействия. Везенмайер не возражал, так как вынужден был признать, что, «хотя Салаши по сравнению с Хорти фигура третьестепенная, его партия после попыток правительства Лакатоша выйти из войны по крайней мере проявляет верность германской империи, стойкость и готовность к дальнейшей совместной борьбе против большевизма».

Нилашисты, не получив еще непосредственных указаний относительно путча, начали проводить организационные мероприятия как по внутриполитической, так и по внешнеполитической линии. Руководитель партии по внешнеполитическим вопросам Габор Кемень обошел все подряд дипломатические миссии в Будапеште (итальянскую, японскую и др.). Затем 31 августа он посетил пронемецки настроенного посла Румынии, чтобы установить связи с созданным на территории Германии после выхода Румынии из войны эмигрантским правительством Хория Сима.

Гитлеровцы со своей стороны предприняли шаги с целью подготовки путча. Винкельман, тактика которого вообще всегда отличалась от политической тактики Везенмайера, поддерживал крайне правую вооруженную организацию КАБС (Союз соратников по оружию Восточного фронта), состоявшую из наиболее правых элементов Венгерской партии обновления и Трансильванской партии. Более того, с руководителем этой организации Каролем Нейем гитлеровцы подписали соглашение о включении ее в состав боевых частей СС.

В последующие дни не произошло каких-либо новых значительных событий. Продолжались лишь переговоры, содержание которых носило информационный характер. Нилашисты по-прежнему торопили с началом решительных действий, однако гитлеровцы заняли выжидательную позицию. Вмешательство нилашистов не казалось делом срочным, поскольку Хорти выступал за дальнейшее продолжение войны с Советским Союзом.

Лишь просочившиеся с тайного совещания 10 сентября сведения привнесли новый элемент в переговоры между гитлеровцами и нилашистами. 11 сентября Кемень сообщил Галлеру, что, если совет министров и

примет решение о перемирии, Салаш квалифицирует его как незаконное и антиконституционное и, устранив правительство, возьмет власть в свои руки. «Для этого,— заявил Кемень,— должны быть подготовлены условия, в частности немцы примут важные с точки зрения нации меры политического характера, поскольку мы не можем, например, арестовать председателя совета министров».

Это был уже откровенный разговор. Нилашисты снова открыто предлагали свои услуги гитлеровцам, подчеркивая при этом, что единственная гарантия их прихода к власти и удержания ее — германские вооруженные силы.

В тот же день и другие крайне правые группировки заявили, что они поддержат гитлеровцев, если правительство обратится к противнику с просьбой о перемирии.

Некоторые офицеры венгерского генерального штаба решили не подчиняться приказу сложить оружие, если таковой поступит. А на межпартийном парламентском совещании тот самый Ласло Бардоши, который в 1941 году без согласия парламента объявил войну Советскому Союзу и Соединенным Штатам Америки, заявил, что вопрос о перемирии может быть решен лишь после рассмотрения его парламентом. Однако этот вопрос сразу же был снят с повестки дня уже известным нам решением совета министров.

„Просить перемирия всегда горько“

После заседания совета министров 11 сентября правительство в течение нескольких дней снова твердо придерживалось политики вооруженной борьбы на стороне гитлеровцев. Посещение начальником генерального штаба Яношем Вёрёшем ставки Гитлера явилось своего рода демонстрацией нерушимости немецко-венгерского сотрудничества.

Обстоятельства этой поездки не совсем ясны. Как утверждал Вильмош Надь*, инициатором ее был Вёрёш, стремившийся ускорить и обеспечить немецкую военную помощь. По другим источникам, она произошла по инициативе Гитлера. Однако, кто бы ни был инициатором, остается фактом, что 12 сентября 1944 года Янош Вёрёш (то есть после того, как совет министров отклонил вопрос о перемирии) выехал в ставку Гитлера. Его сопровождали немецкий военный атташе Грейфеберг и начальник оперативного отдела генштаба полковник Лайош Надаи. Вёрёш вез с собой два письма, от Хорти и от Чатаи. Хорти писал о трудностях, вызванных военным положением, заверял Гитлера в своей верности, а также в том, что не намерен вступать в переговоры с Советским Союзом. Министр обороны Чатаи настоятельно просил военную помощь и пытался выяснить техническую сторону ее получения (вопросы управления войсками и т. д.). В своем письме Чатаи касался также некоторых политических вопросов, например политической деятельности гестапо в Венгрии, арестов депутатов нижней и верхней палаты парламента и т. д., что являлось нарушением венгерского суверенитета.

Гитлер в присутствии Гиммлера, Кейтеля и Гудериана холодно принял Яноша Вёрёша и обрушил на него почти двухчасовой словесный поток. Гитлер знал о решении венгерского правительства от 11 сентября, однако не упрекнул правительство за это; более того,

* Вильмош Надь Надьбацони — министр обороны в правительстве Каллаи, автор книги «Роковые годы 1938—1945», изданной в Будапеште в 1947 году.— Прим. ред.

прибегнув к хитрой тактике, он пытался убедить Вё-рёша в эффективности немецкой помощи. Гитлер заверил Вё-рёша в том, что выполнит старую просьбу Хорти о возвращении на родину воевавшей в Польше венгерской кавалерийской дивизии, и обещал прислать не только уже упоминавшиеся пять танковых дивизий, но и обеспечить сражавшиеся на фронте венгерские части в большом количестве оружием и боеприпасами. Он сообщил также, что в ближайшее время начнутся новые боевые операции, в результате которых будет освобождена Трансильвания и отброшены советские войска из Румынии. «Планы проведения этих операций,— сказал Гитлер,— уже разработаны». В конце беседы Гитлер произнес несколько общих фраз, касавшихся применения секретного оружия. Вё-рёшу этого было достаточно, чтобы все увидеть в розовом свете и ратовать за продолжение войны.

Эта встреча ясно показала, что «твердую» позицию начальника венгерского генерального штаба можно легко поколебать даже довольно слабыми доводами. Вё-рёш поспешил согласиться с утверждениями Гитлера, потому что ему хотелось в них верить. Он питал несбыточную надежду на то, что обещанное Гитлером успешное наступление гитлеровцев еще может изменить военное и политическое положение Венгрии.

В тот же день состоялись переговоры между Лакатошем и Безенмайером, целью которых должно было стать создание в отношениях между обеими странами «атмосферы безупречности». В духе этой атмосферы они приняли решение организовать широкое наступление на южном крыле германо-советского фронта силами только что сформированной 3-й венгерской армии. Предварительный разговор об этом шел и на заседании комитета сил обороны 12 сентября, где министр обороны Чатаи сообщил о военной обстановке *.

Провал этого наступления совпал по времени с посещением Хорти представителями Венгерского совета Трансильвании. 15 сентября на прием к Хорти прибыл

* Тем временем силы 2-го Украинского фронта, продолжая наступление, вели ожесточенные бои с гитлеровскими и хортистскими войсками. К 15 сентября враг был отброшен на исходные позиции. Немецко-венгерские соединения начали отходить в глубь обороны. К исходу 12 сентября передовые соединения

по поручению этого совета граф Миклош Банфи. Он передал регенту меморандум, в котором содержалось решительное требование немедленного заключения перемирия, осуждалась подготовка вооруженной защиты Трансильвании и тем более превращение ее территории в плацдарм для наступления. Хорти вновь начал колебаться, и его решение созрело лишь на следующий день. В этом, несомненно, сыграло свою роль сообщение о провале попыток захватить перевалы. Хорти поручил Банфи переговорить в Клуже с командующим 2-й армией Лайошем Верешем о том, чтобы направить офицеров для установления контактов с советскими войсками. 17 сентября Банфи вернулся в Клуж и передал Верешу указание Хорти. Вереш заверил Банфи, что все будет выполнено. Одновременно Банфи и Геза Телеки выполнили «высочайшее поручение», передав Верешу документ, в котором регент назначал его *homo regius** на тот случай, если «с ним [регентом] что-либо произойдет».

И другие факты свидетельствуют о том, что в те дни Хорти снова начал подумывать о перемирии, на этот раз уже не исключая возможности заключения его с Советским Союзом. Сделав для себя вывод из заседания совета министров 11 сентября, Хорти решил подписать перемирие без участия совета министров, с помощью лишь нескольких доверенных лиц. В тот же вечер Хорти провел совещание, в котором участвовали его жена, сын Миклош с женой, вдова старшего сына Иштвана, а также некоторые приближенные лица. В дальнейшем планировалось привлечь к подготовке заключения перемирия Гезу Лакатоша и только нескольких, по выбору Хорти, министров (министра иностранных дел Густава Хеннеи и министра обороны Лайоша Чатаи). Участники совещания распределили между собой обязанности: подготовка Будапешта и Будайской крепости к обороне была возложена на Кароя Лазара и Силарда Бакай, обслуживание тайной радиостанции — на Миклоша-младшего, вдову стар-

советских войск, преодолев Трансильванские Альпы, разбили арьергардные части противника. Отразив ожесточенные атаки противника, советские войска, взаимодействуя с румынскими частями, сорвали его попытки захватить перевалы.— *Прим. ред.*

* *Homo regius* (лат.) — правитель.

шего сына Хорти и Дюлу Топта. Ваттай должен был установить связь с союзными державами, заранее подготовить приказы; генеральному штабу следовало позаботиться об усилении будапештского гарнизона и удалении из генштаба офицеров-нилалистов. К этим дням тянутся первые нити переговоров с Советским Союзом о перемирии.

Получив сообщение о готовности Советского Союза начать переговоры, Хорти решил направить делегацию в Москву*. Однако под предлогом подбора ее членов попытался оттянуть начало переговоров еще на несколько дней, чтобы за это время сделать последнюю попытку заключить соглашение с западными державами. Возможно, к этому его толкнуло сообщение о переговорах Рузвельта и Черчилля в Квебеке. Одним из пунктов повестки дня этого совещания был, в частности, вопрос о наступлении союзников в Италии. Черчилль, хотя и видел, что армия Александера с каждым днем продвигается все медленнее, все же какое-то время надеялся на то, что Австрия и Венгрия таят для западных держав еще кое-какие военные и политические возможности.

Хорти, зная о планах союзников в отношении Балкан, надеялся, что это совещание глав правительств, на котором не было представителей Советского Союза, отвергнет тегеранское соглашение**. В том же духе действовал во время совещания в Квебеке и метивший на венгерский престол Отто Габсбург, ведя переговоры с Рузвельтом, Черчиллем и Иденом о сепаратном мире

* Хорти лично занимался подбором делегации и разработкой маршрута ее поездки в Москву. 22 сентября он поручил командующему 2-й венгерской армией Лайошу Верешу перебросить небольшую миссию во главе с бароном Эде Ацелом для ведения переговоров в Москве. Командующий выполнил его поручение. Несмотря на «частный» характер миссии, она была принята представителями Советского правительства, которые дали согласие на прием официальной делегации. При этом им было подчеркнуто два непременных условия для ведения переговоров о перемирии: а) разрыв Венгрии с Германней в война против нее; б) введение на территорию Венгрии советских войск. (См.: Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны, с. 432—433.) — Прим. ред.

** На Тегеранской конференции в 1943 году руководители трех союзных держав — СССР, США и Великобритания — согласовали, в частности, планы уничтожения вооруженных сил фашистской Германии.— Прим. ред.

с Венгрией. Иден, согласно некоторым источникам, отнюдь не отказывался от мысли заключить сепаратный мир, более того, он поддерживал Отто Габсбурга, который с Тибором Экхардтом разрабатывал планы установления связей с венгерским правительством. Рузвельт же в случае поворота событий лишь обещал направить в Венгрию военную миссию. Несмотря на различные мнения участников конференции относительно политики на Балканах, западные державы в конце концов сочли все же более целесообразным продолжать сотрудничество с Советским Союзом, поскольку наступление Александра в Италии к тому времени еще не принесло ожидаемых результатов, а Советская Армия в Румынии и Болгарии быстро продвигалась вперед. Именно это явилось причиной того, что Рузвельт и Черчилль 19 сентября направили Сталину послание, в котором информировали его о результатах переговоров. В нем они выражали свою верность решениям Тегеранской конференции; что же касается Балкан, то в послании говорилось следующее: «Мы будем продолжать операции наших военно-воздушных сил и операции типа «коммандос» *.

Согласно договоренности, западные державы решили не посыпать войска на Балканы. Таким образом, просьбы Хорти, направленные через шведское и турецкое посольства, а также через Бакач-Бешшени, снова оказались отвергнутыми.

В своих мемуарах, вспоминая об этих безуспешных попытках заключить перемирие с западными державами, Хорти писал: «Просить перемирия всегда горько, но то, что англичане и американцы отсылали нас исключительно к русским, поистине означало для нас трагедию».

Хорти, несмотря на серию отказов западных держав, не переставал надеяться заключить с ними перемирие, так как знал, что соглашение с СССР привело бы к усилению в Венгрии левых сил.

* Цит. по: «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Изд. II, т. II. М., 1976, с. 170. «Коммандос» — специальные отряды для выполнения диверсионно-десантных операций.—
Прим. ред.

18 сентября он снова попросил шведское посольство сообщить английскому, американскому и советскому правительствам, что готов прекратить военные действия и просит назначить его представителю место и время для ведения переговоров. Одновременно, не ожидая ответа, он решил все же направить доверенное лицо к англичанам и американцам и попытаться завязать с ними переговоры. С этой целью он вызвал к себе одного из своих доверенных людей, генерал-полковника Иштвана Надаи, и поручил ему передать просьбу о перемирии находившемуся в Италии командованию войск союзных держав. Надаи должен был уговорить англичан высадить войска в Фиуме, откуда через Загреб они смогли бы прорваться в южную часть Венгрии.

После произшедшего накануне, несмотря на отрицательный ответ западных держав и послание Бакач-Бешенеи, в котором говорилось, что с просьбой о перемирии нужно обратиться к Советскому Союзу, Хорти все же принял 20 сентября Надаи и английского полковника Хау, бежавшего в Венгрию из немецкого лагеря для военнопленных и назначенного им в качестве сопровождающего к Надаи. Хорти вручил Надаи письмо, которое тот должен был передать английскому командованию. Это письмо отражало уже известную нам точку зрения Хорти относительно перемирия. Ставясь оправдаться, Хорти писал, что, пока венгерские войска находятся на фронте, он не сумеет избавиться от немецкой оккупации. Одновременно он спрашивал: сможет ли соглашение о перемирии уберечь Венгрию от прохождения через ее территорию советских и румынских войск?

Хорти просил англичан и американцев воздерживаться в этом отношении на Советский Союз и не допустить советские войска на территорию Венгрии или же разрешить лишь некоторым дивизиям пересечь венгерскую границу в южной части Венгрии. Если же в Венгрию придут только советские войска, подчеркивал Хорти, он будет вынужден продолжать сражаться. Надаи вез с собой письмо и для папы римского в надежде, что Ватикан сыграет посредническую роль в переговорах. О поездке Надаи был поставлен в известность и Отто Габсбург.

22 сентября самолет «хейнкель» с Надаи на борту поднялся в воздух с аэродрома в Гамасапуста, неподалеку от Шиофока. Приземлился он в Фоджип. Оттуда Надаи и Хау выехали в Бари, а затем в Казерту, где их принял английский командующий сэр Гепри Майтланд Вильсон. Прибытие Надаи в Казерту не осталось незамеченным. 23 сентября, встретившись с генералом Вильсоном, Надаи ознакомил его с намерениями регента и передал ему его пожелание, чтобы в оккупации Венгрии приняли участие английские и американские войска, дабы страна не попала полностью под советский контроль. Англичане известили о миссии Надаи правительства Соединенных Штатов и Советского Союза и попросили, чтобы Европейский консультативный комитет предоставил полномочия советским и американским представителям на подготовку условий перемирия. Хотя Надаи и не получил письменных полномочий от регента, в связи с чем переговоры с ним не могли носить официальный характер, союзные державы признали его компетентность и ему были вручены предложения о перемирии. Важнейшими из них были следующие: закончить военные действия в указанный день и час, порвать все связи с Германией и с другими враждебными государствами, разоружить и интернировать вооруженные силы противника и гражданских лиц, а также установить контроль над материальными ценностями врага. Все военное имущество и техника передаются союзникам, венгерские войска отводятся в пределы государственных границ 1938 года. Союзным войскам предоставляется право свободного передвижения по стране, если этого потребует военная обстановка или венгерское правительство нарушит условия перемирия. Венгрия должна провести демобилизацию своих войск в установленных союзными державами масштабах и соблюдать условия перемирия. Все военноопленные подлежали освобождению.

Во время переговоров Надаи не имел связи с Будапештом и, таким образом, не знал, как там относятся к его миссии. Ко дню прибытия ответа советской стороны, 16 октября 1944 года, венгерская делегация по заключению перемирия находилась уже в Москве.

Таким образом, миссия Надаи явилась, в сущности, лишь эпизодом в венгерских попытках зондажа условий перемирия у союзников.

За это время Хорти — под влиянием последних событий на фронте — был вынужден принять конкретные меры и для подготовки официальной делегации в Советский Союз. С этой целью он вызвал Дюлу Амбропи, Антала Ваттаи, Кальмана Раца, Габора Фараго и Ладомера Зичи на совещание, где была достигнута договоренность относительно состава делегации. Руководителем делегации в конце концов был назначен генерал-полковник Габор Фараго, инспектор жандармерии, который в течении полутора лет был венгерским военным атташе в Советском Союзе и хорошо говорил по-русски. Членами делегации были назначены полномочный министр Домокош Сент-Ивани и граф Геза Телеки — сын графа Пала Телеки*. Техническая и военная подготовка поездки, обеспечение перелёта делегации были возложены на полковника жандармерии Лайоша Кудара, позднее, во время господства Салапши, казненного за это.

26 сентября Хорти изложил Фараго свою точку зрения относительно условий перемирия: просить немедленного прекращения боевых действий и разрешения свободного вывода немецких войск из Венгрии. Он выразил пожелание, чтобы в оккупации страны принимали участие и англо-американские войска.

К 27 сентября заграничные паспорта были готовы, инструкции и полномочия получены, однако полномочия были даны только на ведение переговоров, но не на подписание соглашения о перемирии. Из членов правительства лишь Геза Лакатош знал о маршруте делегации. Согласно договоренности, делегация должна была поддерживать связь с регентом через радиостанцию, спрятанную в бункере под Будайской крепостью. Члены делегации 28 сентября по одному выехали из Будапеште и встретились на границе. Меняя номера на машинах, как в детективном романе, они наконец

* Пал Телеки (1879—1941) — крупный помещик, один из политических деятелей хортистской Венгрии. Находясь на посту премьер-министра, покончил жизнь самоубийством, поняв бесперспективность внешней и внутренней политики Венгрии, поставленной на службу гитлеровской Германии.— Прим. ред.

прибыли в Стара-Галич. В полутора километрах от этого населенного пункта их ждали советские военно-служащие, которые быстро доставили их на базу партизанского отряда Макарова. 29 сентября об их прибытии было доложено в Москву. Затем с аэродрома у Банска-Бистрицы венгерская делегация 1 октября вылетела в Москву.

В то время как в строжайшей тайне шла подготовка к переговорам о перемирии, министр обороны Чатаи счел необходимым представить совету министров проект нового постановления. Вот что по этому поводу говорилось в 5-м пункте протокола совета министров от 27 сентября:

«...господин министр обороны ходатайствует перед советом министров о том, чтобы с целью повышения личной храбости и боеготовности — качеств столь важных в нашей нынешней борьбе не на жизнь, а на смерть, — а также с целью дальнейшего повышения боевого духа каждого воина, уничтожившего вражеский танк, в качестве награды и без ограничения права собственности передавать в личное пользование 5 хольдов земли за каждый подбитый танк, а наследникам тех воинов, которые погибли в бою, совершая такой подвиг, 10 хольдов земли...»

Принятое правительством постановление ярко характеризует двурушническую политику хортистов. Этот документ стал известен 28 сентября, именно в тот день, когда делегация, возглавляемая Фааго, отправилась в путь для ведения переговоров о перемирии. Повторяя старые, демагогические лозунги о земле, газеты на все лады расхваливали это постановление.

Министру обороны и остальным проголосовавшим за постановление министрам следовало бы знать, что ни личная отвага, ни безудержная храбрость, в сущности, безоружных людей не могли привести к военному успеху. И все же хортисты, не задумываясь, использовали венгерских солдат для защиты своих узоклассовых интересов. Что же касалось помещиков, опасавшихся за свою землю, то они могли быть спокойны, поскольку даже «при самых неблагоприятных подсчетах» речь могла идти о передаче крестьянам лишь 10 тыс. хольдов земли.

Нилашисты готовятся к путчу

Если регенту понадобилось почти три недели после заседания совета министров 11 сентября, чтобы предпринять дальнейшие конкретные шаги для подготовки перемирия, то нилашисты и гитлеровцы действовали гораздо быстрее. 13 сентября они сделали первые шаги по практическому осуществлению путча. В этот день Салаш назначил Эмиля Коварца командующим вооруженными силами пилалистов и поручил ему подготовку путча. Было договорено, что сигналом к его началу послужит любое нарушение соглашения трех держав со стороны венгерского правительства. В тот же день Салаш навестил Винкельмана и его заместителя Крумхольца и обратился к ним с несколькими просьбами. Во-первых, немцам не следует вступать в переговоры с другими крайне правыми группировками; они должны рассматривать нилалистское движение как единственную значительную сплю в политической жизни Венгрии. Во-вторых, Салаш просил предоставить в распоряжение пилалистов надежную штаб-квартиру в Буде, а в случае начала операции предупредить его по крайней мере за 36 часов. Немцы, разумеется, пообещали все это выполнить.

Уже на следующий день Коварц расположился в штаб-квартире на улице Пашарети и приступил к подготовке путча. Проведение организационной работы среди военных было поручено генерал-полковнику Карою Берегфи, который с несколькими штабными офицерами развернул нилалистскую деятельность в армейских казармах. На все важнейшие объекты (радиостанцию, предприятия, ведающие водоснабжением города, газовый завод, почту, железную дорогу и т. д.) были направлены нилалистские агенты, готовившие переворот. Руководство полицией и жандармерией Салаш поручил Габору Вайне. К началу октября нилашисты готовы были начать действовать, но не хватало оружия. Салаш каждый день торопил немцев с началом путча.

14 сентября Габор Кемень во время разговора с Куртом Галлером бросил ему упрек в том, что немцы лишь повторяют: «Ждите, ждите». Сам же Салаши не берет на себя ответственность проявить инициативы, чтобы не рисковать движением. Галлер успокоил терявшего терпение Кеменя, подчеркнув, что немцы всегда поддерживали сиплашитское движение. «В Ференце Салаши,— льстиво заявил он,— мы видим политика и человека, в котором прочно сочетаются такая политическая зоркость и дар предвидения, какие редко встречаются в жизни». И все же он вновь подчеркнул, что нужно ждать. Ждать до тех пор, пока «со стороны руководителей венгерского государства не последуют незаконные действия».

На самом же деле стремление гитлеровцев оттянуть начало путча по-прежнему объяснялось их недоверием к сиплашитам.

Недоверие, естественно, объяснялось не сомнением немцев в беспредельной преданности им сиплашитов. Скорее всего, оно явилось следствием того, что немцы, хорошо зная сиплашитов, не были уверены в том, что те смогут успешно выполнить их планы. Поэтому (и об этом будет сказано ниже) гитлеровцы независимо от сиплашитов сами готовились к военным операциям на случай устранения Хорти от власти. Для того чтобы лучше подготовить путч, они считали необходимым привлечь к нему и другие крайне правые группировки.

Галлер предложил Райншту, одному из лидеров Венгерской партии обновления — организации фашистского толка,— и сиплашитам начать между собой переговоры. Кемень вначале возражал, однако затем согласился с предложением гитлеровцев.

Через два дня, 16 сентября, в Кестхее состоялась встреча Салаши с Райнштейном и руководителем фашистской организации КАБС Нейем, на которой удалось договориться о совместных действиях. Кемень сообщил об этом Галлеру. Теперь уже и Райнштейн с Нейем включились в подготовку к путчу. Они предоставили в распоряжение сиплашитов вооруженные отряды КАБС, которые были переданы в подчинение Коварцу. Велись также переговоры с представителями и национал-социалистской партии Фиделя Палфи. Эти переговоры успешно завершились в начале октября. И наконец,

Везенмайеру удалось склонить на сторону путчистов трех крайне правых деятелей Венгерской партии жизни: Ремени-Шнеллера, Саса и Юрчека. Таким образом, как заявил тогда Кемень, вопрос о взятии власти можно было решить на «широкой основе», что, как считали правые, имело огромное значение. Поэтому он торопил гитлеровцев принять наконец решение. На это Галлер ответил, что по данному вопросу идут переговоры у Гитлера. Разговор на данную тему повторился и 19 сентября. На этот раз Галлер, однако, заверил Кеменя, что Риббентроп и Гиммлер уже утвердили план операции. 21 сентября Кемень вновь обратился к гитлеровцам за ответом, считая, что задержка с решением их вопроса объясняется саботажем тех германских военных кругов, которые 20 июля организовали покушение на Гитлера.

Несомненно, что определенные сведения о подготовке путча поступали и в правительство Лакатоша. Там знали, что Везенмайер вел переговоры с Райнштадтом и что гестапо, опасаясь возможных действий со стороны венгерского правительства, взяло Салаша под охрану. Когда министр иностранных дел Хеннеи попросил Везенмайера дать разъяснения по этому поводу, то тот и не отрицал факта концентрации правых сил. А военный атташе Грейфенберг на вопрос Хеннеи о создании контрправительства во главе с Салашем ответил прямо и утвердительно.

Правительство сделало робкую попытку ослабить нацистское руководство и приняло решение призвать Кеменя в армию явно для того, чтобы не дать ему возможности участвовать в организации путча. Но тот не подчинился приказу о призывае в армию и тотчас же записался в эсэсовцы, тем самым освободившись от военной службы. Таким образом, Кемень, как и другие организаторы путча, мог беспрепятственно продолжать заниматься его подготовкой. Следующим шагом в подготовке путча явилось совещание у германского консула Рековски, в котором приняли участие Везенмайер, представитель гестапо в Венгрии Хётль, Салаш и Кемень. На этом совещании Салаш высказал мысль о том, не попробовать ли взять власть в стране вместе с Хорти; по этому вопросу с Хорти мог бы поговорить Гитлер или он сам.

Везенмайер считал это неприемлемым. По его мнению, Салапи должен был действовать самостоятельно.

Из записей в «хунгаристском дневнике», сделанных 26 сентября 1944 года, нам известно, что Салапи был склонен действовать без Хорти и без парламента, однако он просил у гитлеровцев соответствующих гарантий, в первую очередь чтобы они обороняли Венгрию (эта оборона не исключала отступления до Тисы и даже до Дуная), целиком и полностью поддерживали нилалистское движение и, наконец, вооружили нилалистские отряды. Салапи считал, что время для путча наступило.

Он утверждал, что правительство Хорти намерено сложить оружие перед англичанами и американцами; против же Советского Союза оно по-прежнему полно решимости продолжать войну. «Началом запланированных действий,— говорил он,— следует считать момент, когда находящиеся в Венгрии немецкие войска будут выведены в тыл сражающимся на фронте двум венгерским армиям, чтобы своим присутствием помешать провалу, возможность которого нельзя не учитывать при таких событиях. Наибольшую опасность в случае захвата власти представляют две венгерские армии, сражающиеся на границе».

Уже в ходе совещания была достигнута договоренность о составе формируемого Салапи правительства. В него (помимо нилалистов) должны были войти представители единого фронта правых сил — Райниш, Ярош, Палфи, Юрчек, Рускаи, Ремени-Шнеллер и Сас. Салапи заявил, что через Берегфи он принял меры к тому, чтобы по его сигналу сменить командование венгерскими войсками, вплоть до командиров полков.

На совещании Везенмайер сообщил, что «по желанию фюрера Ференца Салапи нужно немедленно взять под немецкую вооруженную охрану». Заодно Везенмайер заверил Салапи, что отныне его рассматривают как единственное лицо, ответственное за положение в Венгрии.

Заверение Везенмайера подкрепило заявление Галлера от 28 сентября, которое имело для нилалистов решающее значение. Галлер тоже передал тогда ука-

зание Гитлера, по которому охрана Салапи должна осуществляться не германской миссией, «поскольку этим формальным актом устраняется и то несущественное подозрение, будто бы партийный руководитель действовал в тесном контакте с официальными германскими властями...».

Заявление Галлера было очень важно для Салапи. Он знал, что незадолго до этого Везенмайер и Винкельман выезжали в ставку Гитлера. Заявление Галлера означало, что Гитлер утвердил план Везенмайера, по которому целью путча в Венгрии и должна стать помощь Салапи в захвате власти. Согласно последним данным, мнение различных гитлеровских оккупационных органов было далеко не единым. У каждого гитлеровского органа в оккупированной Венгрии был свой протеже из числа членов крайне правых группировок, и каждый из них пытался выдвинуть своего кандидата на руководящую роль в путче. Шеф эсэсовцев в Венгрии Винкельман со своей стороны вел переговоры с одним из руководителей нилашистского движения, Баки, а германская секретная служба в Венгрии считала, что если арестовать некоторых лиц из окружения Хорти — в первую очередь Силарда Бакай, Харди, Белу Миклоша, Лайоша Вереша,— то это приведет к изоляции Хорти и он будет лишен возможности готовить выход Венгрии из войны.

Независимо от этого, более того, без ведома Везенмайера, в гитлеровской ставке началась подготовка к проведению и другой операции с целью помешать возможному выходу Венгрии из войны. Между 15 и 18 сентября Гитлер в присутствии Риббентропа и Кейтеля принял Отто Скорцени и сообщил ему, что, согласно поступившим сведениям, Хорти установил контакты с враждебными им государствами и намерен выйти из войны. Подчеркнув, что это может иметь серьезные последствия для германской армии, Гитлер поставил перед Скорцени задачу: вместе со своими парашютистами захватить в Буде замок Хорти, если появятся верные признаки, подтверждающие намерение венгров выйти из войны. Для успешного выполнения задания в распоряжение Скорцени был выделен эсэсовский батальон парашютистов, батальон парашютистов вермахта и моторизованный батальон курсантов

винер-нойштадтского военного училища, а также авиационное звено. Гитлер сообщил Скорцени, что в Будапеште все это время он будет находиться в подчинении только командующего германскими вооруженными силами.

В двадцатых числах сентября Отто Скорцени под именем д-ра Вольфа прибыл в Венгрию. Он остановился на частной вилле, принадлежавшей венгру, и в первые дни занимался изучением военно-политической обстановки. Его интересовал вопрос: чьи действия будут более успешными при захвате замка — парашютистов или пехоты? В своих политических планах, учитывая отсутствие связи с Везенмайером (более того, Везенмайер даже не знал о пребывании Скорцени в Венгрии и его особом задании), он делал ставку на Салаша.

Скорцени был информирован гестапо о том, что Миклош Хорти-младший поддерживает связь с югославами. Учитывая это, он разработал план, согласно которому сына Хорти следовало арестовать во время его очередной встречи с ними, а самого Хорти поставить перед выбором: или разоблачить эти связи и уйти в отставку, или же отказаться от разоблачения, но тогда добровольно передать власть тому, кого укажут гитлеровцы. Все дни своего пребывания в Венгрии Скорцени посвятил подготовке и выполнению поставленного перед ним задания.

Вождь нилалистской партии— „единственно ответственное лицо за судьбу Венгрии“

После разговора с Салаши Везенмайер попытался расширить военно-политическую базу для готовившегося путча путем консолидации крайне правых сил. Именно с этой целью был создан так называемый Национальный союз.

Обстоятельства создания Национального союза чрезвычайно туманны. Имеющиеся о нем сведения довольно противоречиво раскрывают его первые шаги. Особенно трудно установить, кому принадлежала мысль о создании союза, где она впервые возникла. Многочисленные документы подтверждают, что впервые по этому вопросу во второй половине сентября вели переговоры председатель палаты представителей Андраш Надь Ташнади и руководитель нилалистской фракции депутатов Енё Сёллёши. Однако сведения об инициативе нилалистов в этом вопросе вовсе не противоречат тому, что подобная идея могла исходить от гитлеровцев, тем более что они давно стремились привлечь к участию в путче не только нилалистов, но и более широкую коалицию правых сил. Для выполнения подобного замысла Национальный союз подходил в полной мере. Да и сам Везенмайер признавал, что мысль о создании союза была высказана немцами. По этому вопросу они уже давно вели переговоры с имредистами Кундером и Рацем. Из других источников известно, что в свое время Везенмайер посетил председателя палаты депутатов Андраша Надя Ташнади с тем, чтобы ускорить создание Национального союза.

После 1 октября подготовка к созданию союза ускорилась. В тот день Салаши договорился с Райншем, что для сплочения правых сил необходимо форсировать создание Национального союза. В связи с этим Салаши записал в дневнике: «Имея его, мы сможем обладать и парламентским большинством,

и, таким образом, национал-социалистское движение в конституционном порядке наиболее полно обеспечит парламентское большинство за Национальным союзом».

Салаши и Райнш намеревались провести совещание, на котором, кроме них, должны были присутствовать еще пять прогитлеровски настроенных депутатов парламента во главе с Бардоши. Однако это совещание не состоялось. Организацию другого совещания возложили на Сёллёши. Вернувшись из ставки Гитлера Везенмайер предупредил Салаши, чтобы тот лично не принимал участия ни в каких мероприятиях. Сёллёши подготовил проект устава организации, состоявший из пяти пунктов, и предложил назвать ее «Сплочение воли нации». Он обосновал причину и цель создания организации, подчеркнув при этом ее националистский характер.

Его предложения рассмотрели Райнш и Бардоши и, чтобы привлечь остальные крайне правые партии, несколько приглушили их националистский характер. окончательную редакцию проекта устава Национального союза (так называли организацию) подготовил Бардоши. Вербовка членов среди депутатов — сторонников Салаши и Имреди не вызвала особых трудностей. Наиболее правые из правительенной партии, безусловно, оказались рьяными сторонниками создания Национального союза. Более того, так называемая группа 4-х * приняла довольно активное участие в его организации. Однако другая, оставшаяся верной Хорти часть правительенной партии выразила серьезные опасения по поводу этой инициативы. Так, например, бывший председатель президентского совета Венгерской партии жизни Бела Лукач, родственник Хорти, заявил, что в этой организации он усматривает тенденции, направленные против регента и правительства.

4 октября правительство узнало о создании блока депутатов. В этот день Лакатоша посетили многие видные политические деятели Венгерской партии жизни, которые обратили его внимание на готовящиеся политические схватки, указав при этом, что большинство депутатов примкнули к новой организации, а

* Группой 4-х называли одну из наиболее крайне правых фракций в правительенной партии.— Прим. ред.

председатель партии Михай Телеки ничего не предпринимает против организационной деятельности крайне правых. В парламенте 5 октября Лакатош вызвал к себе Михая Телеки и указал на существование в Национальном союзе тенденций, направленных против регента и правительства. Лакатош не требовал от Венгерской партии жизни выступить против Национального союза, он лишь предложил ей обеспечить себе ведущую роль в этой организации и не допустить нилашистов к руководству.

Создание Национального союза осуществлялось быстрыми темпами; вскоре к нему присоединились 130 депутатов. Они представляли довольно внушительную группу, однако нужного парламентского большинства (150 голосов) не составили. Была сделана попытка вовлечь в союз депутатов от верхней палаты, но, за исключением эрцгерцога Йожефа, никто на это не согласился. Характерно, что из числа министров правительства Лакатоша к Национальному союзу присоединились Ремени-Шнеллер, Юрчек и министр внутренних дел Миклош Бонцзош; правда, последний по настоящему Лакатоша позже отказался от вступления в союз.

Национальный союз был официально создан 12 октября 1944 года. Председателем его стал Лайош Сас, заместителями председателя — Ференц Райниш и Енё Сёллёши. Цель организации состояла в дальнейшем продолжении вооруженной борьбы и в том, чтобы сорвать любые попытки достигнуть перемирия. Об этом свидетельствовало, в частности, воззвание союза. «Члены Национального союза,— говорилось в нем,— организованно и бдительно следят за тем, чтобы при решении наших жизненно важных вопросов в соответствии с духом и требованиями нашей конституции полностью проявилась подлинная воля нации».

Цель создания Национального союза наиболее откровенно раскрыл в одной из своих статей лидер Венгерской национал-социалистской партии Кальман Губай. Он писал, «что теперь в парламенте убеждены и согласны с необходимостью продолжать войну, не жалея сил...».

Одновременно с созданием Национального союза нилашисты в первой половине октября продолжали

готовить путч, обговаривая каждую его деталь с гитлеровцами. С первых дней октября они почти ежедневно торопили их с началом операции.

2 октября Везенмайер вернулся из ставки Гитлера. К этому времени наверняка он уже знал о зондаже венгров относительно заключения перемирия, ибо 2 октября в дневнике группы немецких армий «Юг» появилось донесение Грейфенберга о том, что, «по сообщению одного дружеского настроенного офицера венгерского генерального штаба, в кругах жандармерии известно, что генерал Фараго ведет переговоры за границей с Советами о заключении перемирия, подписание которого ожидается».

Во время обсуждения в ставке Гитлера вопроса о Венгрии, в котором принимали участие Риббентроп и Гиммлер, столкнулись две точки зрения. Первую представлял Винкельман, предлагавший немедленно провести открыто военную и беспощадную по своему характеру акцию по устранению регента и установлению германской военной диктатуры. План Везенмайера был дипломатичнее. Верный своей прежней концепции, он считал, что режим Хорти, пока он поддерживает гитлеровцев, больше всего устраивает их. Поэтому он предложил продолжать подготовку к путчу, в результате которого Салаш предполагалось поставить у власти, но начать путч нужно лишь тогда, когда о «предательстве» Хорти будут собраны неоспоримые улики. Более того, путчу следует придать легальный характер и при его осуществлении опираться на венгерские силы. Гитлер (хотя Риббентроп и Гиммлер одобрили предложение Винкельмана) поддержал план Везенмайера. Таким образом, гитлеровцы и па этот раз, как и в марте 1944 года, стремились придать своему режиму в Венгрии видимость законности.

Вернувшись в Венгрию, Везенмайер сообщил Салашу, что Гитлер решил его сделать главой политического руководства страны. Кемень и Коварц обратились к Салашу с просьбой дать им за несколько дней до начала путча заранее подготовленный военный приказ. И такой приказ был немедленно отпечатан в Вене. На следующей встрече, состоявшейся 4 октября, Салаш представил Везенмайеру список членов правительства. В списке фигурировало восемь

представителей от нилалистов: председатель совета министров и глава государства — Салаши, заместитель председателя совета министров — Енё Сёллёши, министр иностранных дел — Габор Кемень, министр внутренних дел — Габор Вайна, министр промышленности — Эмиль Саквари, министр юстиции — Ласло Будински, министр пропаганды — Ференц Каффаи, министр тотальной мобилизации — Эмиль Коварц. На остальные посты, связанные с экономикой, были назначены члены Венгерской партии жизни, доказавшие свою преданность немцам. Так, министром финансов остался Ремени-Шнеллер, Юрчек — министром по вопросам снабжения, а Лайош Сас — министром торговли. Национал-социалистскую партию в новом правительстве на посту министра земледелия должен был представлять граф Фидель Палфи, а Венгерскую партию обновления — на посту министра просвещения — Райнеш. И наконец, в формируемом Салаши правительстве должность министра обороны должен был занять нилалист генерал-полковник Карой Берегфи. Везенмайер одобрил состав правительства, выразив пожелание, чтобы обязанности министра иностранных дел были возложены на Ласло Сабо, венгерского посла у Муссолини. Однако Салаши отклонил его предложение, заявив, что Кемень лучше сумеет представить хунгаристские идеи.

На следующий день Салаши показал Везенмайеру новый, подробный план, в котором предусматривались два варианта захвата власти*.

Теперь нилалисты ежедневно настойчиво требовали от гитлеровцев назначить точную дату путча. 8 октября Везенмайер отверг их требования под предлогом, что для переворота необходима более благоприятная военная обстановка. Он предложил Национальному союзу вынудить правительство подать в отставку. В ответ на это Салаши заявил, что благоприятную военную обстановку можно обеспечить лишь после переворота. Что же касается Национального союза, сказал он, то «большинство членов парламента —

* Подробно излагая план перехода власти в руки нилалистов, Салаши пытался тем самым придать видимость законности своим насильтственным действиям.— Прим. ред.

холуи. Рассчитывать можно лишь на здоровое меньшинство, и если этого достаточно, чтобы германское руководство начало боевые действия, то путч будет осуществлен».

В обсуждении этих вопросов принял участие и Галлер. Упрекая гитлеровцев за бездеятельность, Салаш предложил «решительно покончить с нынешним режимом и изменить военную обстановку за весьма короткий срок».

Салаш предложил также устраниить из окружения Хорти в первую очередь генералов Бакай и Харди. Для осуществления этого, сказал он, нашлись бы офицеры, однако необходимо, чтобы немцы обеспечили их безопасность. В результате в ночь на 8 октября под руководством Эмиля Коварца было организовано похищение генерала Силарда Бакай, командующего войсками будапештского гарнизона.

Последующие переговоры между гитлеровцами и нилашистами не привели к каким-либо новым результатам. Несмотря на это, подготовка к путчу ускорилась. 10 октября Коварц передал Вайне список более 50 политических левых деятелей, которых при захвате власти следовало немедленно арестовать. Впрочем, 15 октября уже некого было арестовывать, так как накануне гитлеровцы, опередив нилашистов, арестовали почти всех, кто значился в списке.

11 октября Салаш и Везенмайер письменно оформили соглашение, в котором, в частности, говорилось, что «в глазах фюрера единственное ответственное лицо за судьбу Венгрии — вождь нилашистской партии».

Одновременно с подписанием Везенмайером и Салашом письменного соглашения завершилась и организация Национального союза. 10 октября Курт Галлер в сопровождении некоего Эде побывал у Андраша Надя Ташпади и договорился с ним о начале действий, направленных на свержение правительства. В «хунгаристском дневнике» говорится, что 11 октября Везенмайер во время разговора с Салашом предложил представителям Национального союза срочно посетить Лакатоша и предложить ему подать в отставку. 12 октября представители Национального союза прибыли на прием к Лакатошу, и он принял их в присутствии

Хенней и Чатаи. Андраш Надь Ташнади предупредил премьер-министра, что он не должен делать решающего шага в обход парламента. Лайош Сас, изложив программу союза, подтвердил, что союз настаивает на продолжении войны. Когда в ответ на это Лакатош заметил, как союз думает продолжать войну без оружия и без армии, Ярош в гневе закричал: «Мы не потерпим выхода из войны и предательства!» Представители союза выразили протест против распуска КАБС и подчеркнули, что не верят правительству, «готовящему предательство». Заявив, что венгерская армия еще не полностью участвовала в боях, представители Национального союза потребовали ввести в бой резервы. В заключение они задали премьер-министру вопрос о поездке Фараго в Россию. Лакатош, указав на немецкий рыцарский крест, заявил, что, пока носит этот орден, предателем не будет. Что же касается поездки Фараго, то, заявил Лакатош, он ничего об этом не знает. Лакатош имел основания так сказать, ибо он знал о миссии Фараго, но не был информирован о ходе переговоров и о том, к чему они привели.

Маневры вокруг подписания соглашения о перемирии

1 октября венгерская делегация во главе с Фараго прибыла в Москву. В тот же день вечером она начала официальные переговоры с представителем Советских Вооруженных Сил генерал-полковником Ф. Ф. Кузнецовым. Представитель Главного командования Советской Армии полагал, что вопрос о перемирии — в смысле безоговорочной капитуляции — можно считать делом решенным. Поэтому в ходе переговоров он в первую очередь стремился уделить внимание военным аспектам, то есть более детально обговорить порядок перехода венгерской армии на сторону советских войск и ее выступления против гитлеровцев. Это, однако, не совпадало с точкой зрения венгерской делегации, которая прежде всего пыталась выяснить условия перемирия, то есть решить чисто политические вопросы. Поэтому венгерская делегация попросила организовать встречу с более высоким по положению советским представителем, которому она могла бы передать письмо Хорти Сталину. Через несколько дней, 5 октября, переговоры возобновились с заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А. И. Антоновым, который вел переговоры по уполномочию Сталина. Фараго вручил ему письмо Хорти.

Во время беседы выяснилось, что делегация имеет полномочия лишь на ведение переговоров о перемирии, а не на его подписание. Поэтому Фараго должен был получить такого рода полномочия. Он направил Хорти несколько телеграмм, указав, что письменные полномочия, необходимые для подписания соглашения о перемирии, можно прислать с майором Йожефом Немешем, его бывшим школьным товарищем. Первая телеграмма от Хорти, прибывшая 7 октября, содержала просьбу продублировать текст предыдущей телеграммы Фараго. Есть основания предполагать, что первая телеграмма Фараго из-за чрезвычайно сложного шифра не была полностью расшифрована. На конкретную просьбу Фараго ответ поступил лишь 8 октября и, по сути, оказался негативным. В телеграмме слова подтверждались компетентность миссии Фараго и его полномочия на

ведение переговоров подчеркивалось, что полномочия для подписания перемирия могут быть предоставлены лишь после ознакомления с его условиями. Одновременно, ссылаясь на «значительное увеличение германских вооруженных сил в Будапеште», Хорти просил несколько оттянуть срок решительных действий. Рано утром 9 октября, по словам одного из членов делегации, их приняли в Кремле, где В. М. Молотов от имени союзных держав вручил текст предварительных условий соглашения о перемирии. Условия были следующими: Венгрия обязана очистить все оккупированные ею территории Чехословакии, Югославии и Румынии, а также вывести с этих территорий все венгерские войска и административный персонал в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 года. Эвакуацию следует осуществить в течение десяти дней. Началом ее считать день получения венгерским правительством настоящей декларации. Для наблюдения и контроля за эвакуацией правительства трех союзных держав направят в Венгрию своих уполномоченных, которые под председательством советского делегата будут действовать как Союзная комиссия.

Венгрия обязуется разорвать все отношения с гитлеровской Германией и немедленно объявить войну Германии; Советское же правительство заявило о своей готовности оказать помощь Венгрии своими войсками.

До сведения делегации было доведено, что соглашение будет подписано после того, как Хорти примет и начнет выполнять его предварительные условия. 9 октября утром Фараго послал Хорти радиограмму, содержащую предварительные условия соглашения. 9 и 10 октября Хорти прислал в Москву новые радиограммы. В первой, поступившей 9 октября, он сообщил, что майор Немеш перейдет линию фронта в районе Кёрёшмезё* и доставит в Москву письменные полномочия, необходимые для подписания соглашения о перемирии. «Подписание перемирия желательно. Полномочия для его подписания даны. Мы готовы к обговоренному сотрудничеству. Майор Немеш отправился к вам через Кёрёшмезё...» — гласила первая радиограмма. Следует заметить, что Немеш, давший согласие на поездку еще 8 октября, указание отправиться в путь получил лишь 11 октября. В радиограм-

ме от 10 октября Хорти сообщил, что принимает предварительные условия перемирия, но просит лишь об одном: сохранить это пока в тайне, а также приостановить продвижение советских войск с юго-востока на север, иначе 1-я венгерская армия, на которую он рассчитывает опереться при выполнении соглашения о перемирии, окажется отрезанной от Будапешта.

11 октября делегация снова посетила В. М. Молотова и вручила ему радиограмму регента от 10 октября. В тот же день Советское правительство сообщило делегации, что, поскольку согласие Хорти имеется, а письменные полномочия отправлены с курьером, нет необходимости ждать его прибытия. СССР готов подписать предварительные условия соглашения о перемирии.

В тот же вечер Фараго сообщил об этом Хорти, добавив, что Советское командование, удовлетворяя просьбу венгерской стороны, готово на несколько дней прекратить наступление своих войск, дав возможность венгерскому правительству подготовиться к выполнению условий перемирия. Фараго предложил также, чтобы специально выделенные для этой цели венгерские офицеры перешли линию фронта и вступили в контакт с Советским командованием для обсуждения конкретных мер по выполнению условий перемирия. После этого венгерская сторона стала ждать развития событий, которые должны были произойти на основе достигнутой договоренности. Но 15 октября из Будапешта поступили неутешительные телеграммы.

Подавленное настроение членов делегации несколько улучшилось после прибытия в Москву вечером 15 октября майора Немеша с письменными полномочиями для подписания окончательного соглашения о перемирии. Он передал генерал-полковнику Ф. Ф. Кузнецовой письмо Хорти Сталину. В письме говорилось:

«Уполномочиваю генерал-полковника венгерской армии Габора Фараго, чрезвычайного и полномочного министра Домокоша Сент-Ивани и преподавателя университета графа Гезу Телеки от имени Венгерского королевства подписать соглашение о перемирии с союзными державами: СССР, США и Великобританией.

Настоящее письмо собственноручно подписал и скрепил личной печатью
Будапешт, 9 октября 1944 года».

Хорти

Как хортисты собирались выйти из войны

Итак, в Будапеште стало известно о подписании соглашения о перемирии. Выполнение его зависело теперь от Хорти. Какие же шаги в стране он предпринял для этого?

Хорти было ясно, что единственная гарантия осуществления выхода из войны — опора на антифашистские и левые силы, сплочением которых в это время занимался Венгерский фронт. Именно в эти месяцы влияние Венгерского фронта чрезвычайно усилилось благодаря сотрудничеству Венгерской коммунистической и Социал-демократической партий. Он превратился в силу, способную возглавить борьбу против оккупантов, за независимость страны.

Когда руководители Венгерского фронта приступили к подготовке выступления народных масс против оккупантов, они и сами ради успешного осуществления перемирия сделали попытку достичь сотрудничества с Хорти. Именно с этой целью 24 сентября Венгерский фронт направил Хорти меморандум, в котором входившие в него партии единодушно настаивали на немедленном заключении перемирия с Советским Союзом и на выступлении с оружием в руках против гитлеровцев. В меморандуме подчеркивалась настоятельная необходимость одновременно с заключением перемирия с Советским Союзом осуществить демократические преобразования в стране. В нем выдвигалось требование наряду с выполнением условий соглашения провести такие мероприятия, как вооружение рабочих, создание демократического правительства и т. д.

Поскольку меморандум Венгерского фронта совпал по времени с решением Хорти обратиться к Советскому Союзу с просьбой о перемирии, он не уклонился от переговоров с представителями левых сил. После 24 сентября начальник генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Янош Вёрёш неоднократно встречался с представителями Венгерского фронта Золтаном Тильди и Арпадом Сакапичем, находившимися на нелегальном положении, и вел с ними переговоры о подготовительной работе по заключению перемирия.

Руководители Венгерского фронта подчеркивали, что успешное осуществление перемирия возможно лишь в результате совместных действий организованных рабочих и армии. Хотя Хорти и его окружение открыто не высказались против предложений Венгерского фронта, на деле они не помышляли о сотрудничестве с левыми силами, тем более не думали о вооружении рабочих. Именно поэтому Хорти почти две недели оттягивал встречу с руководителями Венгерского фронта.

11 октября Тильди и Сакашич прибыли во дворец для беседы с Хорти, во время которой он, как они оба отмечают, старался смешать карты; в его планах отсутствовала ясность и в общих, и в частных вопросах. Хорти болтал около часа и заявил, что о заключении перемирия, возможно, будет объявлено через семь-девять дней. Руководители Венгерского фронта попытались вести более конкретный разговор. Они предложили объявить 17 октября всеобщую забастовку, ввести в Будапешт войска и вместе с рабочими выступить против гитлеровцев. Однако Хорти уклонился от обсуждения этих вопросов и больше всего старался убедить представителей левых сил в том, насколько опасна земельная реформа на демократической основе. Все это свидетельствовало о том, что Хорти хотел осуществить соглашение о перемирии без помощи левых сил, опираясь только на армию, чтобы, таким образом, самому определять, какие уступки — в неизбежности которых он был убежден — делать левым, с тем чтобы сдержать волну демократических преобразований в стране. Практически с военной точки зрения Хорти почти ничего не сделал для осуществления перемирия.

Хорти считал надежными для себя 1-ю армию, которой командовал генерал-полковник Бела Миклош, и 2-ю армию — под командованием генерал-полковника Лайоша Вереша. Именно поэтому 11 октября он вел с ними переговоры и дал указание после получения от него тайного приказа вступить в контакт с советскими войсками и прекратить боевые действия. Помимо этого, никаких более серьезных мер Хорти не предпринял и лишь 13 октября отдал приказ 4-му корпусу, входившему в состав 2-й армии, отойти к Будапешту. Таким образом, после трех дней колебаний, 14 октября, он принял решение приступить к выполнению усло-

вий перемирия. В это время вблизи Будапешта и в самом Будапеште находились лишь небольшие по численности венгерские части.

14 октября утром Хорти принял окончательное решение. 15 октября он намеревался осуществить перемирие и публично объявить о нем. Хорти полагал, что составленный накануне текст прокламации будет объявлен 15 октября в полдень. Перед этим он собирался принять Везенмайера и, верный себе, собирался сообщить представителю Гитлера о вступлении перемирия в силу. Хорти полагал, что, поскольку Везенмайер уже около двух дней сам добивается встречи с ним, его приглашение не вызовет подозрений у немцев.

Гитлеровцы, не располагавшие полными сведениями о планах Хорти, решили, что пробил час для выяснения отношений. Генерал СС Винкельман 10—12 октября побывал в ставке Гитлера и вернулся в Будапешт с новым вариантом плана путча. По этому варианту в Эстергоме следовало созвать Национальное собрание, на котором правая оппозиция отстранила бы Хорти от регентства и назначила главой государства Салаши. Германские войска должны были обеспечить выполнение этого плана в военном отношении. В это же время Гитлер направил в Венгрию двух доверенных лиц. Один из них — генерал СС Бах-Залевски, участвовавший в подавлении Варшавского восстания, — должен был руководить военными операциями, другой — Рудольф Ран, бывший германский посол при Муссолини, — был уполномочен оказать Везенмайеру помощь в решении вопросов, связанных с осуществлением путча.

13 октября Бах-Залевски приехал в Будапешт. И хотя прибывшие с ним подкрепления (42 тяжелых, не совсем исправных танка «тигр» и несколько штурмовых орудий) не представляли существенной силы, он вместе со Скорцени немедленно приступил к разработке военного плана. Для осуществления операции под условным названием «Панцерфауст» («Бронированный кулак») гитлеровцы сосредоточили вокруг венгерской столицы танковую дивизию, две танковые бригады и тяжелый танковый батальон. Ран, получив приказ лишь 13 октября, договорился с Риббентропом, что до военной операции он еще раз попытается убедить Хорти в необходимости по-прежнему оказывать помощь

немцам. 14 октября вечером он прибыл в Будапешт.

Ожидавший его прибытия Везенмайер сообщил Рану, что он также получил приказ из ставки германского верховного командования, за выполнение которого оба они отвечают головой. Затем Везенмайер информировал Рана о положении в Венгрии. Конкретными сведениями о переговорах Хорти по подписанию перемирия Везенмайер не располагал, у него были лишь «сильные подозрения». О подписании перемирия он и подавно ничего не знал. Везенмайер опасался применения гитлеровцами силы, считая, что в результате этого венгерские части могут повернуть оружие против немцев. Таким образом, Везенмайер и Ран сошлись на том, что следует еще раз попытаться изменить обстановку в свою пользу дипломатическим путем. Действуя в этом духе, они просили Винкельмана не начинать операцию, пока Ран не переговорит с Хорти. Винкельман ответил, что Бах-Залевски, которому поручили военное руководство операцией, насколько ему известно,— сторонник насильтственных действий. В конце концов они договорились, что военная операция будет зависеть от результатов их встречи с Хорти, назначенной на 15 октября.

Тем временем во дворце (где ничего не знали о причине визита Везенмайера к Хорти, так же как и Везенмайер ничего не знал о намерениях Хорти) продолжалась работа по подготовке прокламации о подписании перемирия. Утром 14 октября Хорти был занят обсуждением военных вопросов. Он вызвал к себе Антала Ваттаи, Белу Аггтелеки (назначенного вместо Бакаш командиром будапештского корпуса), начальника личной охраны генерала Лазара, а также прибывшего в Будапешт командира 4-го корпуса генерала Ференца Фаркаша. Ознакомив присутствовавших с создавшейся обстановкой, Хорти поставил перед каждым из них боевую задачу. Так, оборона дворца и резиденции премьер-министра была поручена генералу Лазару; Фаркаш назначался командующим войсками пештского плацдарма и частей, прибывавших в столицу; Аггтелеки поручили командование 1-м корпусом и военной речной флотилией. После этого Хорти, полагая, что военная сторона подготовки к выполнению условий перемирия обеспечена, перешел к обсуждению

политической стороны вопроса. Он вызвал к себе всех министров, за исключением Ременин-Шнеллера и Юрчека, чтобы последние не могли сообщить немцам о заседании. Перед началом совещания начальник канцелярии кабинета министров Амбродзи сообщил премьер-министру Лакатошу о том, что, по мнению регента, наступило время объявить о перемирии. Лакатоша, который ничего не знал о подписании 11 октября соглашения о перемирии, это сообщение застало врасплох, тем более что, как он считал, время для этого еще не наступило и данный шаг нецелесообразен. Тем не менее он согласился выступить перед министрами и изложить мнение регента.

Совет министров, как обычно, начал свою работу с обсуждения военного положения. С докладом по этому вопросу выступил Ваттai. Он нарисовал чрезвычайно пеблагоприятную картину, что наверняка сыграло свою роль в принятии министрами без возражений сообщения Лакатоша о созыве регентом 15 октября в половине одиннадцатого утра коронного совета для обсуждения вопроса о подписании перемирия. Общее мнение свелось к тому, что возражать против перемирия с конституционной точки зрения не было оснований. Выступавшие отмечали, что регент имеет право заключить перемирие, не советуясь с парламентом. Тем не менее министры сочли целесообразным сформировать новое правительство без изменений в его составе, чтобы оно могло бы уклониться от выполнения обещаний, данных парламенту прежним правительством.

Будучи уверены, что только после этого очередь дойдет до подписания перемирия, министры разработали его условия. Их планы, не учитывавшие реальную действительность, вновь подтвердили, насколько венгерское правительство оказалось неспособным трезво оценить фактическое положение страны. Они свидетельствовали, что венгерские правящие круги не хотели повернуть оружие против гитлеровской Германии, подумать о судьбе венгерского народа. Своей главнейшей задачей министры считали сохранение существовавшего режима. Разработанные ими условия сводились к следующему: 1) германская армия эвакуируется из Венгрии, подобно тому как это произошло в Финляндии; 2) Венгрию оккупируют войска всех трех союзных

держав; 3) венгерская полиция примет участие в поддержании порядка в стране. Было припято также постановление о разрешении деятельности левой и запрещении крайне правой прессы, а также об освобождении политических заключенных. Заседание совета министров подтолкнуло министра иностранных дел Хеннеи вызвать к себе 14 октября в 9 часов утра своего заместителя Юнгера-Арпти и обсудить с ним подготовительные мероприятия в связи с подписанием перемирия по дипломатической линии. Он настолько был не посвящен в уже предпринятые в этом направлении шаги регента, что обратился к шведскому и турецкому правительству с просьбой о посредничестве.

«Я решил,— писал он в своих воспоминаниях,— что просьбу о перемирии передам устно и письменно лично этим двум послам, а также дам указание нашим послам в Стокгольме и Анкаре предпринять подобные шаги и поставлю в известность все венгерские посольства о факте нашего обращения с просьбой заключить перемирие. Я намеревался, кроме того, дать указания нашим послам в Стокгольме и Анкаре попытаться, насколько это возможно, добиться принятия наших следующих просьб: вывод немецких войск из Венгрии должен быть осуществлен так же, как это было сделано в Финляндии. Венгрию оккупируют войска только союзных держав; внесение полицейской службы должны участвовать и венгерские органы правопорядка. Будапешт оккупируют союзнические войска, и Будапешт должен быть оккупирован ими в том порядке, который разработает совет министров. Я попросил закончить всю подготовительную работу по этому вопросу к 12 часам». Далее он пишет, что и на самом деле в 14 часов следующего дня им были припяты послы, когда, разумеется, было уже поздно.

После заседания совета министров Хорти показал текст прокламации Лакатошу, который одобрил его, но тон документа посчитал слишком резким. Фразу в тексте «Венгрия с сегодняшнего дня считает себя находящейся в состоянии войны с немцами» Лакатош позвал роковой и настаивал на ее изъятии.

Вечером Хорти принял вызванного из Шиофока начальника генерального штаба генерал-полковника Яноша Вёрёша, информировал его о последних событиях

и дал указания на следующий день передать войскам тайный приказ. Вокруг Будапешта находилось мало венгерских войск, и Вёрёш, хорошо понимая это, предложил Хорти выехать в Хуст, в штаб 1-й армии, с тем чтобы, находясь там и опираясь на ее поддержку, получить большую свободу действий, чем в Будапеште. Хорти это предложение не принял.

Обсудив все эти вопросы, Хорти, паверное, решил, что с подготовкой к перемирию дела обстоят нормально и он может спокойно ждать развития событий. Ему и в голову не пришло сообщить Советскому командованию точные сроки начала запланированных действий. А ведь это не только вытекало из условий перемирия, но и могло служить существенной гарантией в деле его успешного осуществления.

Между тем у Советского командования в связи с затягиванием выполнения предварительных условий соглашения о перемирии не могли не возникнуть сомнения в намерениях Хорти, и оно попросило прислать 12 октября в Сегед офицера для переговоров. Регент выполнил просьбу с запозданием, 13 октября, и то лишь после повторного обращения к нему венгерской делегации в Москве. В качестве своего представителя он направил в Сегед полковника Уташи.

Вести переговоры с ним должен был командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Это говорило о том, какое большое значение советская сторона придавала переговорам. Встреча состоялась 13 октября ночью, но вскоре выяснилось, что Уташи совершенно не подготовлен к ведению переговоров по существу дела.

Перед отъездом он не получил соответствующих инструкций и не мог привести никаких данных о численности и дислокации немецких войск в Венгрии, расположение венгерских войск знал приблизительно. От Р. Я. Малиновского Уташи узнал, что венгры подтвердили полномочия о подписании перемирия.

Это обстоятельство, а также бездеятельность Хорти побудили советское военное руководство (которое с 11 октября по просьбе Хорти приостановило дальнейшее продвижение своих войск) направить через Фараго ультиматум следующего содержания:

«Прибывший из Будапешта в Сегед венгерский

представитель, парламентер полковник Уташии Лоуренц,— абсолютно неосведомленный человек и в силу этого не мог вести переговоры с представителями советского командования по вопросу выполнения венгерским правительством предварительных условий перемирия.

Ренгерское правительство просило Советское правительство о прекращении наступления в направлении на Будапешт, с тем чтобы оно могло снять часть своих войск с этого направления и направить их в Будапешт.

Советское правительство выполнило эту просьбу венгерского правительства. Однако последнее не только не сняло свои войска с реки Тисы для направления в Будапешт, а активизировало действия своих войск, и особенно в районе Сольнока.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что венгерское правительство, по-видимому, стало на путь невыполнения принятых им на себя предварительных условий перемирия.

В связи с этим Верховное Главнокомандование советских войск требует от венгерского правительства в течение 48 часов с момента получения настоящего представления выполнить взятые на себя обязательства по предварительным условиям перемирия и в первую очередь:

1. Порвать всякие отношения с немцами и начать активные военные действия против их войск.

2. Приступить к отводу венгерских войск с территории Румынии, Югославии и Чехословакии.

3. Таким же путем, через Сегед, к 8.00 16 октября доставить представителям советского командования полные сведения по расположению немецких и венгерских войск и в то же время доложить вышеуказанным советским представителям о ходе выполнения предварительных условий перемирия.

По уполномочию Верховного Главнокомандования советских войск — заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал армии Антонов. 14 октября 1944 г. 19 часов 25 минут»*.

В ночь на 14 октября ультиматум А. И. Антонова был принят тайной радиостанцией в Будайской крепости, однако на события последующих дней существенного влияния он не оказал.

* Цит. по: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Книга вторая. М., 1973. с. 243—244.— Прим. ред.

Решающий день

Ясное утро 15 октября в Будапеште предвещало прекрасный день. Было воскресенье, и улицы заполнились людьми лишь перед обедом. Вот почему оказалось сравнительно мало свидетелей инцидента, произшедшего в 10 часов утра и ставшего прелюдией к драматическим событиям дня.

В это воскресное утро Миклош Хорти-младший, который уже довольно продолжительное время пытался вступить в контакт с югославскими партизанами, получил письмо якобы от директора торговой пристани Феликса Борнемисса с просьбой немедленно прибыть к нему на квартиру на площадь Эшкю, так как ему удалось установить связь с представителями определенных югославских кругов, которые бы хотели встретиться с Хорти-младшим. Сын Хорти в сопровождении личной охраны отправился на машине на площадь Эшкю. На квартире его схватили агенты гестапо. В это время на улице эсэсовцы Скорцени, переодетые в форму солдат рабочего батальона, в короткой перестрелке обезвредили охрану и увезли сына Хорти в качестве заложника.

Весть о похищении Хорти-младшего стала известна во дворце после 10 часов. Она вызвала большой переполох: в результате заседание коронного совета, назначенное на половину одиннадцатого, началось с запозданием. Коронный совет, на котором, помимо членов совета министров, присутствовали Амброди, Ваттаи, Барци и Вёрёш, начался с обсуждения военного положения. Вёрёш подчеркнул два момента в создавшейся обстановке: неудачный ход сражения на дебреценском направлении и уязвимость обороны в районе между Дунаем и Тисой, ввиду чего 1-я и 2-я армии могли оказаться под угрозой окружения. Поэтому уже заранее был отдан приказ отступить. «Всего лишь полчаса назад,— продолжал Вёрёш,— я получил от Гудериана ультиматум следующего содержания: «Вся территория Венгрии является территорией, где Германия ведет военные действия и где лишь германское верховное командование вправе отдавать приказы». В ультиматуме содержалось требование до 12 часов дня

отменить приказ, отданый Вёршем. Затем выступил Хорти, который, сославшись на тяжелое военное положение, а также на оскорбительные методы обращения немцев с венграми, заявил, что он запросил перемирия. Хорти обратился к министрам с вопросом, кто из них готов действовать с ним и впредь в интересах осуществления перемирия. После этого началась дискуссия — главным образом по вопросу о том, правомочен ли глава государства предпринимать какие-либо действия, не спрашивая мнения парламента. Поскольку Хорти на этот раз твердо отстаивал свою точку зрения, дискуссия быстро закончилась.

Все министры приняли решение, в том числе Ремени-Шнеллер и Юрчек, участвовать в новом правительстве, которое предстояло сформировать для выполнения условий перемирия. И что характерно для Хорти, его ничуть не покоробило участие в новом правительстве Ремени-Шнеллера и Юрчека, этих двух известных всем немецких прихвостней. Поскольку из-за дебатов о полномочиях главы государства заседание затянулось, Хорти пришлось уйти, не ожидая конца заседания, чтобы в полдень припять Везенмайера.

Хорти принял германского посланника в присутствии Лакатоша и Хеннеи. Разговор шел в довольно резком тоне. Хорти упрекнул Везенмайера за бесчинства немцев в стране и сообщил, что Венгрия запросила перемирия. Везенмайер пытался отклонить обвинения. Это еще больше распало Хорти, и он даже потребовал от Везенмайера объяснений в связи с похищением сына. Везенмайер спачала отрицал причастность немцев к похищению, утверждая, что ничего не знает об этом, затем сам перешел в наступление, обвинив Хорти-младшего в нелояльной деятельности по отношению к немцам. Везенмайер попросил Хорти, прежде чем тот начнет действовать, принять Рана, прибывшего в Венгрию с личным посланием Гитлера для разрешения противоречий между двумя странами. Хорти согласился, заметив, что это ничего не изменит.

Механизм пришел в действие. В соответствии с предварительной договоренностью во время приема Везенмайера в соседней комнате находились Илона Хорти, Амбрози и Тошт. По условному знаку в тот момент, когда Хорти сообщил Везенмайеру о памерении

выйти из войны, они отдали приказ о доведении до широкой общественности текста прокламации. Выполнение его было поручено правительенному комиссару на радио Эндре Хлатки. Приблизительно в половине первого Хлатки получил запечатанный конверт с текстом прокламации. Заметив, что документ не скреплен подписью премьер-министра, по получив от Лакатоша устное подтверждение, он отправил один экземпляр в государственную типографию, а второй взял с собой в здание радиостудии. Через некоторое время, в 13 часов 10 минут, по радио была передана прокламация. Вскоре ее передали еще раз. Начавшаяся в 14 часов 10 минут воздушная тревога помешала передать прокламацию в третий раз.

После встречи с Везенмайером Хорти вернулся к министрам и дал указание Вёрёшу отправить тайный приказ командующим 1-й и 2-й армиями. Хорти не сообщил министрам ни о беседе с Везенмайером, ни о предстоящей передаче прокламации по радио. Через несколько минут он удалился, чтобы принять Рапа.

В начале второго Ран вошел в кабинет Хорти. Первые слова их беседы прозвучали одновременно с началом передачи по радио прокламации Хорти.

Хорти, повторив Рану заявление, сделанное им Везенмайеру, произнес длинную обвинительную речь против Германии, и особенно против Риббентропа. Он подчеркнул, что Германия не предоставила ни достаточного количества оружия, ни войск для защиты Венгрии. Ран, этот хитрый дипломат, ничего не возразил. Он лишь спросил: «Предположим, регент прав. В чем же, по его мнению, выход?» «В немедленном перемирии», — ответил Хорти. После этого Ран заинтересовался условиями перемирия; получив информацию об этом, он ловко перевел разговор на другую тему, наиболее чувствительную для Хорти. Таким образом, спросил он, крупнопомещичья, аристократическая Венгрия отдаст себя русским? И главное, как сумеет сделать это Хорти, имя которого, по его мнению, тесно связано с программой переустройства Европы? «Добиваясь перемирия, — продолжал он, — вы копаете могилу своему режиму, совершаете самоубийство. Я также одобрил бы перемирие, если бы Будапешт оккупировали три англо-американские авиадесантные дивизии, — по-

пытался Ран сыграть на всем известном антисоветизме Хорти.— Но об этом нет и речи».

Хорти согласился с доводами Рана, однако заявил, что совершенного уже не изменить. Он спросил у Рана, нельзя ли найти повод вывести немецкие войска из Венгрии, чтобы избежать выполнения такого мучительного для него обязательства, как военное выступление против немцев. Ран по-прежнему не возражал; он заявил лишь, что окончательный ответ зависит от позиции его правительства. Он попросил Хорти, чтобы венгерские войска, выполнив условия перемирия, не открывали фронта перед советскими войсками до тех пор, пока он не получит ответа от своего правительства. Хорти, снова нарушив условия предварительного соглашения о перемирии, в принципе согласился и попросил Рана поддерживать связь с Лакатошем.

В то время как Хорти вел переговоры с Раном, в той комнате дворца, где заседали министры, началась настоящая суматоха. Прокламация Хорти, о которой члены правительства услышали по радио, застала их совершенно неподготовленными. Они поспешили привлечь к ответу за это Лакатоша, Хеннеи и Амброни. Последний заявил, что регент поручил ему проинформировать министров, однако из-за того, что заседание затянулось, времени для этого не оказалось.

Ваттап в своем дневнике так описывает этот момент: «Можно было наблюдать интересные сцены. Часть министров возмущена. Если бы они, говорили некоторые, знали, что прокламация прозвучит в таком тоне, они ни в коем случае не согласились бы войти во вновь формируемое правительство. Тон обращения слишком резок. Таким тоном разговаривать с немцами нельзя. Юрчек, Ремени обсуждают эту новость отдельно, уединившись в оконной нише. Амброни даже не сообщил министрам, что речь идет не о просьбе заключить перемирие и что такое перемирие уже заключено».

После этого министры приняли присягу, а вскоре пришел и Хорти. Обменявшись несколькими словами с министрами, он указал на стоящие перед ними трудности, затем попрощался с ними и ушел.

Совет министров, не обсудив вопросы, вытекавшие из новой ситуации, и ничего не решив, закончил работу. Лакатош, Хеннеи и Раковски направились в рези-

денцию премьер-министра по своим делам. Юрчек и Ремени-Шнеллер, как позже выяснилось, поехали прямо в германскую миссию.

Настроение разбредавшихся в разные стороны министров наиболее точно выразил министр обороны Чатай, заявивший Барци: «После этого можем отправляться по домам, немцы уже сегодня нас арестуют, а Будапешт начнут бомбить».

Вряд ли можно найти более удачные слова для характеристики политического и морального облика хортистского руководства, чем те, которые произнес министр обороны. Это высказывание свидетельствует о том, что, хотя министры и были вынуждены принять к сведению сообщение о подписании перемирия, они ничего не сделали для его успешного осуществления; их интересовала только личная безопасность.

Переданная по радио прокламация Хорти явилась полной неожиданностью не только для министров. Хотя о переговорах ходило много неопределенных слухов, об их успешном окончании знали лишь несколько человек, которым удалось сохранить это в полной тайне.

Прокламация регента застала врасплох как гитлеровцев, так и нилашистов. Как известно, немцы стремились до конца использовать Хорти в своих интересах. Именно эту цель преследовала миссия Рана 15 октября. Нилашисты, хотя и готовили путч, ежедневно наставая на его немедленном осуществлении, не звали, что именно этот день станет для них поворотным.

Салаш узнал о событиях по радио, находясь в охранявшейся немцами конспиративной квартире. В своих показаниях на суде 16 февраля 1946 года он рассказал: «В квартире я был один, ожидая развития событий. С нетерпением ждал, когда же кто-нибудь придет, от кого можно будет узнать подробности и кто расскажет, что же, собственно говоря, произошло».

Точно так же не осведомлены были и другие лидеры нилашистов — Кемень, Гера, Чиа. Сёллёши узнал о прокламации от своего соседа. Решив, что обстановка складывается неблагоприятно, он достал автомашину и бежал в Германию. Берегфикопался в своем саду в Шиофоке, ничего не зная о происходящем, пока к вечеру жена не сказала ему, что его по радио вызывают в Будапешт.

Крах хортистского режима

Улицы Будапешта были полны народу, но всеобщая растерянность подавляла проявления у некоторых чувства радости. Левые, ожидавшие поворота событий двумя-тремя днями позже, могли немедленно отреагировать лишь несколькими небольшими по масштабам выступлениями. Таким образом, в последующие после прокламации часы дальнейшее развитие событий в Будапеште зависело от того, какая сторона раньше сумеет захватить инициативу в свои руки.

Замешательство и неразбериха царили и среди военных. Часть командиров находилась не на службе, те, кто был в частях, не знали, что делать дальше.

Что касается венгерской армии, то на нее сильно повлияла дальнейшая судьба отданного Хорти приказа. Вёрёш, как было условлено, 15 октября во втором часу дня отправил в генеральный штаб приказ Хорти, в котором говорилось: «Немедленно действовать в соответствии с моим решением от 20 марта».

С Белой Миклошем и Ласло Верешем имелась договоренность, что обе армии после получения такого приказа устанавливают связь с Советской Армией и выступают против гитлеровцев.

При передаче приказа, однако, возникли трудности. В генеральном штабе приказ был принят по телефону для дальнейшей передачи в войска приблизительно в половине второго майором Капитаньфи. Он потребовал представить приказ в письменном виде, в результате чего было потеряно более получаса времени. Разумеется, Капитаньфи не понял смысла кодированного приказа. Но, будучи немецким наемником, как и большинство пилалистов-офицеров генерального штаба, он решительно отверг прокламацию Хорти и постарался сделать все, чтобы помешать осуществлению перемирия. Поэтому он тянул время с передачей приказа, подозревая прямую связь между телефонограммой и переданной по радио прокламацией.

Заместитель Вёрёша Лайош Надаш после передачи по радио прокламации сразу же начал действовать,

Не имея возможности пойти Вёрёша, он решил до выяснения других вопросов направить распоряжение трем армиям, сражающимся на фронте, о том, что прокламация не означает заключения перемирия и что войска до поступления нового приказа должны сражаться. Это распоряжение ему удалось передать в 1-ю и 3-ю армии, однако со 2-й армией установить связь не удалось. О полном переходе генерального штаба на сторону гитлеровцев и нацистов наиболее ярко свидетельствует указание начальника узла связи полковника Порезински, который заявил, что любые приказы, исходящие от регента и его окружения, передаваться не будут.

Не прошло и нескольких минут, как от майора Капитаньфи прибыл для передачи по каналам связи приказ Хорти, который, однако, капитан Палфи отобрал. Стрелка часов в это время подходила к половине третьего. Генеральный штаб, куда Вёрёш вернулся после заседания коронного совета, был похож на расстроеженный муравейник. Генералы Дежё Ласло, Енё Майор, полковник Надаш, майор Капитаньфи ждали от него точной информации о событиях. Вскоре к наследавшим на Вёрёша офицерам присоединился и Везенмайер. Он потребовал от начальника генерального штаба отдать приказ, запрещающий войскам складывать оружие. Вёрёш пытался отрицать, что знает о прокламации и о тайном приказе Хорти, содержание которого возмущенные офицеры, и в первую очередь генерал-лейтенант Ласло, потребовали сообщить. После некоторого колебания Вёрёш уступил требованиям гитлеровцев и своих сослуживцев и даже содействовал появлению нового приказа во изменение первоначального. Вёрёш, который в эти часы проявил не только политические колебания, но и трусость, не осмелился открыто выступить против своих коллег офицеров. Он полагал, что сумеет сформулировать приказ в такой форме, которая, соответствуя желанию гитлеровцев и пронемецких настроенных офицеров генерального штаба, в то же время не будет противоречить намерениям Хорти. Поэтому в написанный Надашем приказ он включил еще одно предложение.

В утвержденном им приказе говорилось:

«Прокламацию господина регента, переданную по радио, никто не должен воспринимать в том смысле, будто венгерская армия сложила оружие. До самого последнего времени речь шла лишь о переговорах о перемирии. Исход их еще непозвестен, поэтому каждый венгерский воин и каждая воинская часть по-прежнему должны вести борьбу и отражать нападения, с какой бы стороны они ни последовали».

Вёрёш, как он впоследствии неоднократно подчеркивал сам, объясняя случившееся, полагал, что фраза в военном приказе «отражать нападения, с какой бы стороны они ни последовали» призывала войска к сопротивлению и не сводила на нет прокламацию. Он считал, что нападения следовало опасаться со стороны не советских войск, а немецких и, следовательно, сопротивление нужно было оказывать немцам. Однако вопреки его желанию из приказа были изъяты слова, имевшие решающее значение, «с какой бы стороны они ни последовали», и тем самым искашен весь его смысл.

16 октября в пятом часу утра этот приказ был перепечатан и передан в войска, а в 5 часов 20 минут его передали по радио. Независимо от того, исказили приказ Вёрёша в войсках или нет, он несет за него полную ответственность. Поведение начальника генерального штаба Япоша Вёрёша, высшего должностного лица хортистской армии, характеризует во всей своей неприглядности политический и моральный облик не только самого Вёрёша, но и всего господствующего класса хортистской Венгрии, облеченного верховной военной властью.

К вечеру штабы всех армий вошли в контакт с будапештским узлом связи генерального штаба. Первым, между 17 и 18 часами, позвонил командующий 2-й армией Лайош Вереш и потребовал соединить его с канцелярией регента. Хотя начальник отделения узла связи капитан Сёрени и запретил соединять кого-либо с канцелярией регента, после вторичного требования Вереша разговор состоялся. К телефону подошел заместитель генерала Ваттая полковник Имре Погань. Вереш спросил, как следует понимать прокламацию регента после получения приказа начальника генштаба. После того как Погань повторил текст шифрованного приказа, Вереш, будучи одним из самых доверенных

людей Хорти, собирался действовать согласно этому приказу, однако был арестован своим же начальником штаба, а его войска перешли под командование немцев.

Подобные события разыгрались и в 1-й армии. Бела Миклош попросил Ваттана дать информацию об обстановке и получил от него в зашифрованном виде нужный ответ. Миклош отдал приказ об аресте немецких офицеров связи и выполнении ранее определенного военного маневра. Однако и здесь после получения приказа начальника генштаба возникла полная неразбериха. В то время как руководство армии колебалось, решительные действия нескольких младших офицеров-нилашистов, оправившихся на помощь гитлеровских войск, сделали невозможным участие 1-й армии в осуществлении предварительных условий перемирия. На 3-ю армию, командующим которой был известный нилалист генерал Йожеф Хеслени, Хорти в своих планах и не рассчитывал. И действительно, Хеслени уже вечером заявил о своей поддержке Салаши. Таким образом, находившиеся на фронте армии даже не могли предпринять каких-либо серьезных попыток осуществить перемирие на деле.

Не лучше сложилась обстановка и в самом Будапеште. Командир 1-го корпуса генерал-лейтенант Аггтелеки был готов выполнить свою задачу, он даже отдал приказ одной из небольших частей занять Цитадель. Однако командир части заявил ему и его заместителю генерал-майору Ивану Хинди, что выполнение этого приказа не обойдется без столкновения с немцами. Аггтелеки повторил свой приказ. Однако командир части не подчинился ему. После этого к командиру корпуса обратился Иван Хинди с несколькими офицерами и задал ему вопрос: памерен ли он командовать корпусом в том же духе, что и до сих пор, то есть воевать на стороне немцев? Аггтелеки потребовал от офицеров повиновения. Тогда Хинди, как он показал позднее, принял решение арестовать командира корпуса. «Я предупредил его,— заявил он на следствии,— чтобы он не покидал комнату, а в соседнем помещении приказал находиться штабному офицеру. Я приказал одному из находившихся там офицеров выключить телефон. Аггтелеки молча выслушал все мои слова и, ничего не ответив, повернулся к нам спиной».

Затем Хинди созвал совещание офицеров, на котором объявил, что берет на себя командование корпусом. Офицеры заверили его в своей поддержке. Их новый командир приказал: до тех пор пока не прояснится политическая обстановка корпусу не вмешиваться в ход событий и не выступать против немцев.

Таким образом, единственное крупное воинское соединение, находившееся в Будапеште, отказалось повиноваться и выполнять условия соглашения о перемирии. Дух, в котором Хорти на протяжении двадцати пяти лет воспитывал венгерскую армию, его постоянная поддержка крайне правых идей, рабское прислужничество фашистской Германии, воспитание ограниченного, ненавидящего народ, крайне реакционного офицерства привели к тому, что, когда регент Венгрии хотел использовать ее в целях, противоречивших ранее проводимой им политике, армия перестала повиноваться ему.

Таким образом, венгерские воинские части безучастно смотрели на то, как гитлеровские войска после неожиданного поворота событий 15 октября пришли в себя и уже к 4 часам того же дня взяли инициативу в свои руки. Захват мостов и радиостанции, чего не ожидали и сами немцы, произошел без всякого сопротивления и на редкость быстро. В тот день в Будапеште военных действий не было. Разъезжавшие по будапештским улицам тяжелые танки «тигр» служили главным образом для устрашения населения.

Во второй половине того же дня зашевелились и пилашисты. Приблизительно в 16 часов Винкельман привез Салаши в германскую миссию, где уже находилось 20—25 депутатов правого толка из числа пилашистов. Среди них были Ремени-Шнеллер, Юрчек, Бела Мартон, Лайош Сас и другие. Другая группа пилашистов собралась в штаб-квартире Эмпля Коварца на улице Пашарети, куда прибыли небольшие воинские подразделения, открыто перешедшие на сторону пилашистов. Вечером немцы начали раздавать им винтовки и пулеметы. Вслед за этим на будапештских улицах появились первые группы пилашистов, распространявших листовки.

Можно было предположить, что после обнародова-

ния прокламации Хорти начнут лихорадочную деятельность и члены его правительства, стараясь сосредоточить в своих руках все нити для выполнения условий перемирия и стать хозяевами положения. Однако этого не случилось. Во дворце до позднего вечера царила атмосфера полной бездеятельности. Поступавшие сюда тревожные сведения, приказ Вёрёша, события, разыгравшиеся в 1-й армии, убедили Лакатоша и нескольких министров, оставшихся с ним, в необходимости вступить в переговоры с немцами вопреки прежним намерениям. Тем более что повод для этого подал сам Хорти своими переговорами с Раном.

Между 17 и 18 часами Лакатош позвонил Везенмайеру, чтобы «внести предложение, отвечающее интересам обеих сторон». Однако немцы не выразили желания приехать к премьер-министру. Договорились, что Лакатош и Хенней посетят Везенмайера и Рана в германской миссии. Лакатош намеревался внести компромиссное предложение. Ради освобождения сына Хорти он был готов способствовать тому, чтобы венгерские войска продолжали воевать до особого указания. Одновременно Лакатош и Хеппен хотели склонить Рана и Везенмайера к мысли, что немецкие войска должны добровольно уйти из Венгрии. Обоим немецким представителям еще до переговоров с министрами было ясно, что Гитлер и не подумает вывести немецкие войска; переговоры с венгерским правительством они вели лишь с одной целью: выиграть время.

К этому времени для немцев положение стало проясняться. Они увидели, что венгерские войска никаких военных действий против них начинать не собираются. Приезд Лакатоша подкрепил их прежние предположения относительно возможности договориться с хортистами. Ран согласился передать Гитлеру просьбу Лакатоша. Он пожелал лишь, чтобы Лакатош подкрепил просьбу письмом от Хорти. Лакатош обещал прислать такое письмо, а это для немцев означало еще один-два часа выигрыша во времени. Ран снова нашел причину, чтобы затянуть переговоры.

За несколько минут до прибытия Лакатоша и Хенпей немецкий офицер доложил Рану, что замок в Будайской крепости минируют и германская миссия полностью отрезана от остальной части города. Ран

провел офицера в соседнюю комнату и договорился с ним, чтобы тот по сигналу еще раз вошел и доложил о минировании дворца. После того как переговоры закончились, Ран подал сигнал офицеру, и тот, как ему было приказано, повторил свой доклад. Гитлеровцы, сделав вид, что слышат об этом впервые, притворно выразили сильное возмущение и заявили, что в таком случае они не намерены вести переговоры. Лакатош пообещал отдать приказание о снятии минного заграждения и попросил, чтобы инцидент, произшедший без его ведома, не исключил возможности дальнейших переговоров.

В это время Бах-Залевски направил Лазару ультиматум, в котором требовал до 11 часов вечера убрать мины, угрожая в противном случае обстрелять дворец. Лазар обещал выполнить это на следующий день. Около 10 часов вечера Лазару позвонили из канцелярии правительства (вероятно, Лакатош или Хеннеи) и сообщили, что германский посланик протестует против установки минных заграждений, поскольку он не может из-за этого покинуть территорию дворца. Лазар обратился за указаниями к Хорти, который приказал сделать проход в минных заграждениях там, где желает проехать посланик.

Между тем Риббентроп, узнав о прокламации Хорти, вызвал к телефону Рана и Везенмайера. Нацистский министр иностранных дел, выйдя из себя, призвал к ответственности своих представителей в Венгрии за то, что они не начали военных действий по захвату регента и дворца. Ран попытался успокоить Риббентропа, заверив его, что с Хорти можно вести переговоры. «Адмирал Хорти по отношению ко мне проявил глубокое понимание и предупредительность, и мы обязательно с ним договоримся. Пожалуйста, доверьтесь во всем нам», — заявил он. Однако Риббентроп не принял этих объяснений и со злостью бросил трубку.

К этому времени Везенмайер и Ран уже более или менее были уверены в успехе дела. Поступавшие к ним сведения со всей ясностью говорили о том, что если во дворце они еще не стали хозяевами положения, то страна и Будапешт находятся под их контролем, следовательно, события развиваются в их пользу. В 21 час 20 минут по радио был передан приказ Салаши, написанный еще в начале октября.

«Мне пришлось сделать выбор между нашей патией и конституцией, между истиной и правом, между жизнью и законом. Я выбрал нашу нацию, истину и жизнь! — говорилось в нем.— Только сделав этот выбор, нация получит настоящую конституцию, жизнь — настоящий закон, а истина — настоящее право. Верное и ответственное служение моей нации повелевает мне сделать это. Правильность сделанного мной шага подтвердит история, и воля нашей пати освятит его. Это моя вера. Желание нашей нации жить, ее призвание и честь настоятельно потребовали устраниТЬ с пути ее свободной воли и действий все препятствия, угрожающие ее существованию. Я верю и убежден, что наша патия выполнит свою историческую миссию и на стороне Германии, Италии, Японии, а также всех наших союзников пойдет к полной победе...»

Поскольку позднее было получено согласие Хорти на добровольную передачу власти, текст переданного по радио приказа, свидетельствующий о насильственном захвате власти, причинил националистам немало неприятностей. Вскоре после этого был повторен боевой приказ Вёрёша. За ним последовали прокламация националистов и воззвание КАБС. Они призывали членов союза оказать вооруженную помощь националистам. На этом формально и закончился переход власти.

Однако главарь националистов, пришедших к власти, Ференц Салаши все еще находился в германской миссии, не имея возможности из-за минных заграждений покинуть ее. Поэтому Ран посчитал необходимым перевести Салаши в более безопасное место. По его просьбе ночью в германскую миссию прибыл венгерский офицер, чтобы помочь провести через проход в минном заграждении немецкого представителя и сопровождавших его лиц. Ничего не подозревавший лежавший венгерский офицер дал разрешение. Ран громко позвал Салаши: «Шнайдер, наденьте фуражку и идите сюда». Вскоре появился лидер националистов в немецкой офицерской шинели и в надвинутой на лоб фуражке. Быстро с венгерским офицером они без помех добрались до виллы гитлеровцев па улице Берц.

События, разыгравшиеся в Будапеште, вскоре стали широко известны в стране. Господствовавшее до того состояние неопределенности и неразберихи у правящей

верхушки сменило чувство безразличия. Хорти заявил, что положение безнадежно, и поручил действовать за него своим советникам, утверждая их противоречившие одно другому распоряжения. С одной стороны, он поручил Яношу Вёрёшу действовать полностью по своему усмотрению в отношении представления А. И. Антонова по вопросу установления связи с маршалом Р. Я. Малиновским. С другой стороны, чуть позже Хорти согласился с указанными выше предложениями, которые представили на его утверждение вернувшиеся из германской миссии Лакатош и Хеннеи, после чего они спешно направили их обратно в миссию. Все это произошло между 19 и 21 часами 16 октября. Выступление Салаши по радио, прокламация нилалистов, а затем арест единственного верного Хорти командира воинской части полковника Латорцаи, о котором стало известно в 11 часов ночи, окончательно завершили дело.

Теперь Хорти и его клика, вовсе не заботясь о судьбе страны, все помыслы обратили на обеспечение своей личной безопасности. Ваттаи первым предложил в связи с безнадежным положением и во избежание возможной нилалистской расправы передать регента Хорти и его семью под защиту немцев. Это предложение Ваттаи обсудил с Амброци, затем они вдвоем перешли в резиденцию премьер-министра и сообщили это находившимся там министрам Лакатошу, Раковски и Хеннеи. Амброци заявил министру внутренних дел барону Петеру Шеллу, что Хорти должен отказаться от власти. Лакатош посчитал эту идею вполне приемлемой, однако счел необходимым предварительно добиться согласия Хорти. Осуществить это взялись Ваттаи и Амброци. Приблизительно около половины двенадцатого ночи Ваттаи, Амброци и Тошт договорились с Хорти. О его согласии Ваттаи сообщил Лакатошу, когда было уже далеко за полночь. Затем Ваттаи установил контакт с советником германской миссии Фейном и в четверть третьего ночи передал германскому посланнику следующее письмо:

«От имени Венгерского королевского правительства с уважением сообщаю вашему превосходительству, что правительство, принимая во внимание создавшуюся обстановку, с целью избежания гражданской войны и

возможного в связи с этим кровопролития решил уйти в отставку, тем более что ему стало известно о таких событиях, о которых до этого оно не было проинформировано. И именно по этой причине его высокопревосходительство господин регент принял решение отречься от регентства и снова стать частным лицом. Его высокопревосходительство выразил желание передать себя и свою семью под защиту имперского правительства и поручил мне обратиться с просьбой к имперскому правительству предоставить ему и его семье убежище в Германии».

Везенмайер, немедленно связавшись со ставкой Гитлера, передал просьбу Хорти. Для нацистской Германии это решение было наиболее благоприятным. Устранение Хорти без применения насильственных мер и переход власти к нацистам легальным путем — при молчаливом соучастии Хорти — означали, что Венгрия остается сателлитом Германии. Что же касалось Хорти и его окружения, то Гитлер предоставил им убежище.

О результатах дипломатических переговоров военные еще не знали. На рассвете Бах-Залевски и Скорченко начали деятельно готовиться к штурму крепости, который был назначен на 6 часов утра. Для оказания сопротивления немцам генерал Лазар расставил в крепости небольшую по численности охрану. Хорти и члены его семьи встали в 5 часов утра. Женщин отправили к папскому нунцию, после чего Хорти сообщил Лазару, что считает необходимым продолжать сопротивление. Боевые действия венгров начались с отступления. Охране было приказано сократить линию обороны; тем самым был выполнен ultimatum Бах-Залевского: освободить подходы к германской миссии.

Личная охрана регента еще не успела занять новые позиции, как Лакатош позвонил Лазару и, ссылаясь на достигнутую с немцами договоренность, приказал прекратить боевые действия. Лазар ответил, что выполняет приказания Хорти, и, кроме того, подчеркнул, что новый приказ он сможет отдать лишь после завершения отхода. Он попросил Лакатоша решить вопрос с Хорти. Однако Лакатоша уже не надо было об этом просить. Ваттак между 5 и 6 часами утра снова разговаривал с Хорти, и тот решил прекратить сопротивление, заявив, что отдает себя под защиту немцев.

Несколько позже к регенту пришли Везенмайер и Лакатош. Везенмайер сообщил, что прибыл с целью доставить Хорти в безопасное место. В ответ на вопрос Хорти, какова будет дальнейшая судьба его семьи, германский посланник сообщил, что они отправляются в Хатваньский дворец. Еще не было 6 утра, когда их машина выехала из крепости. Начальник охраны Лазар ничего об этом не знал, он лишь услышал гудки автомобиля. Позже ему был передан приказ Хорти прекратить сопротивление. Но уже было поздно. Немецкие подразделения, начавшие в 6 часов утра атаку в нескольких местах, наткнулись на сопротивление. Стычка, которую даже нельзя назвать боем, длилась всего 20 минут, и уже в половине седьмого немцы, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, овладели замком. Рац сообщил в ставку верховного главнокомандования об успешном и бескровном завершении акции.

После этого германские дипломаты видели свою задачу лишь в том, чтобы соблюсти некоторые конституционные формальности. Отставка Хорти, естественно, заставляла сделать вывод, что он тем самым содействует назначению нового главы государства. Этим цовым «главой государства», который всю ночь провел на вилле у эсэсовцев, разумеется, был Салаши.

На следующее утро Везенмайер принял Салаши, сообщил ему оочных событиях и направил его в Хатваньский дворец для переговоров с Хорти относительно формальной передачи власти. Хорти вместе с Лакатошем, Ваттаи и Тоштом находились во дворце, когда туда прибыл Салаши с Кеменем и Вайной.

Стоявший у дверей эсэсовский охранник доложил Хорти, что с ним желает говорить новый премьер-министр, и пригласил регента пройти в другую комнату, где между ним и Салаши состоялся разговор с глазу на глаз. Согласно показаниям Лакатоша, Хорти, вернувшись от Салаши, заявил, что «этот тип хочет, чтобы я передал ему власть, но я выгнал его». На самом деле Хорти вовсе не отклонял столь решительно притязаний Салаши на власть. В своих мемуарах он и сам пишет, что в ходе беседы сказал Салаши, что «он не назначаст и пусть тот обратится со своей просьбой к немцам, и те наверняка это сделают».

На судебном процессе Салаши заявил: «Регент ска-

зал мне, чтобы я навел порядок, решал все общеправовые вопросы. Он уверен в правильности сделанного им шага и просит меня лишь об одном: действовать в соответствии с интересами нации и служа ей».

После встречи с Хорти Салаши сказал Вайнен, Кеменю и Везенмайеру, что хотя он и не получил письменных полномочий, но устного согласия Хорти добился. Ныне из-за отсутствия документов трудно установить истину. Вероятнее всего, что оба участника переговоров отошли от нее, хотя в то же время в высказываниях обоих содержатся определенные ее доли. Известно, что тогда Хорти не дал никакого письменного подтверждения о назначении Салаши. В то же время, зная дальнейший ход событий, можно предположить, что Хорти и не отказал ему категорически. Немцы были уверены в том, что коль скоро Хорти уже отказался от власти, то рано или поздно он утвердит и назначение Салаши.

16 октября во второй половине дня Лакатоша срочно вызвали в германскую миссию, где его ожидали Ран, Везенмайер и Фейн. Они потребовали от Хорти следующее: 1) письменное отречение по всей форме; 2) назначение Салаши премьер-министром; 3) отказ от прокламации, переданной по радио за день до этого, объяснив, что это не что иное, как только злоупотребление его именем.

В противном случае, заявили германские представители, они не смогут выполнить условия, гарантированные Гитлером, и поведут в печати кампанию против Хорти, приостановленную утром. Лакатош выразил сомнение в том, что Хорти примет эти условия. По его мнению, можно было рассчитывать на выполнение третьего условия, в осуществлении которого он взял на себя роль посредника.

Днем, приблизительно в половине четвертого, Лакатош спаса побывал у Хорти в Хатваньском дворце и передал ему требования немцев. Вопреки ожиданиям Лакатоша регент принял их целиком. После этого Лакатош дважды проделал путь между Хатваньским дворцом и германской миссией на улице Вербёци. И лишь после того, как гитлеровцы обещали выполнить просьбы Хорти (разрешить забрать с собой личные вещи и

отпустить сына на свободу), тот в 4 часа дня подписал воззвание, написанное на немецком языке:

«Настоящим объявляю недействительным свое воззвание к венгерской нации от 15 октября и подтверждаю изданный начальником генерального штаба приказ по войскам, в котором дается указание решительно продолжать борьбу. Тяжелое военное положение требует, чтобы армия, верная своим славным традициям, защищала свою родину. Да приведет бог армию и Венгрию на путь к лучшему будущему.

16 октября 1944 года

*Миклош Хорти** *

Вскоре после этого гитлеровцы приняли Лакатоша и договорились с ним, что об отречении регента и Салапши они будут вести переговоры с Хорти сами. Однако последовавшие за этим посещения Хорти Везенмайером, Раном и Салапши не дали результатов. Была уже половина восьмого вечера, когда гитлеровцы снова вызвали бывшего премьер-министра в миссию, где уже собралось немало народу. Кроме Рана, Везенмайера, Фейна, Галлера, здесь находились Райниш, Берегфи и Кемень. Разговор шел об отказе регента подписать подготовленный Салапши на трех листах акт отречения от власти. Лакатош предложил сократить текст. Иначе, по его мнению, регент не подпишет его. Кемень возразил против сокращения текста, подготовленного Салапши. Потеряв терпение, Ран заявил, что жизнь любого немецкого солдата дороже сына регента, и потребовал немедленно подготовить соответствующий манифест об отречении, в противном случае Хорти-младший предстанет перед судом и будет расстрелян. Лакатош и Ран тут же сформулировали текст манифеста Хорти об отречении и представление, по которому Ференцу Салапши поручалось сформировать «правительство сплочения национальных сил».

Везенмайер, взяв оба документа, в сопровождении Лакатоша отправился во дворец, где в это время Хорти упаковывал вещи. Здание было полно людьми Скорцени. После ряда возражений регенту все же обещали отпустить его сына на свободу; Хорти подписал манифест. Назначение Салапши явилось последним актом в

* Цит. по: «Венгрия и вторая мировая война», с. 342.—
Прим. ред.

деятельности Хорти как главы государства. Этим Хорти как бы подвел итог своей двадцатипятилетней антипародной и антинациональной деятельности, благословил политику, проводимую в интересах германского фашизма, показал, что интересы своего класса и личные интересы для него выше интересов народа. Ради собственного сына он пожертвовал сыновьями сотен тысяч людей, пожертвовал народом, отдав его на произвол немецко-фашистского и национал-социалистского сброва.

Вечером по радио было передано заявление Хорти: «Его превосходительству председателю обеих палат венгерского законодательного органа!

Мой регентский привет венгерскому парламенту!

В трудный и тяжелый час венгерской истории настоящим заявляю о своем решении. В интересах успешного осуществления военного руководства, а также обеспечения внутреннего единства и сплочения нации я слагаю с себя обязанности регента и отказываюсь от всех законных прав, связанных с прерогативами регента. Одновременно поручаю Ференцу Салашу формирование правительства национального сплочения.

Хорти» *

После этого Везенмайер с триумфом доложил о своем успехе в ставку Гитлера. Заключительным аккордом этой акции можно считать появление в газетах краткого сообщения о том, что Гитлер наградил Эдмунда Везенмайера в знак признания заслуг военным орденом Рыцарский крест с мечами.

На этом завершились события 15 октября. Они положили конец робким попыткам хортистов выйти из войны; Венгрия продолжала оставаться на стороне фашистской Германии. 15 октября режим Хорти потерпел полный крах. Ведь несмотря на то, что необходимость разрыва с Германией понимал и сам Хорти, классовая ограниченность, ненависть к народу, боязнь прогрессивных сил и — не в последнюю очередь — личная трусость сделали его неспособным повернуть страну против гитлеровской Германии. Тем, что Хорти содействовал приходу Салаша к власти, он завершил свою антипародную деятельность и привел венгерский

* Цит. по: «Венгрия и вторая мировая война», с. 342.—
Прим. ред.

народ, что было ясно и ему, к полной катастрофе. Последнее письмо Хорти, направленное кардиналу Шереди, преследует единственную цель — оправдать себя. В нем он сообщает главе католической церкви Венгрии, «что его свободное решение выражено в воззвании, переданном по радио 15 октября», а после того, как его схватили немцы, все прочие «заявления или подпись были сделаны под принуждением». В книге «Мои воспоминания», вышедшей в свет в 1953 году, Хорти также чувствовал необходимость оправдать себя, умалять свою ответственность за пропущенную трагедию.

«Вопреки нашей воле нас принудили вступить в войну, да еще в такую, которая велась в интересах экспансиистской политики Гитлера. В войне с Россией нас с Германией объединяло единственное — мы сражались против коммунизма, но никаких территориальных претензий у нас к ней не было. Мы заранее знали, что не сможем рассчитывать ни на какую благодарность за нашу поддержку в войне, не говоря уже о трех миллиардах пенгё, которые нам безвозвратно осталась должна Германия за наши военные поставки». Это признание еще более усугубляет личную ответственность Хорти и одновременно разоблачает преступную антипародную и глупую политику его режима.

В эмигрантской историографии и в мемуарной литературе день 15 октября считается поворотным моментом в истории Венгрии, а господство Салаша, длившееся несколько недель, рассматривается совершенно изолированно от предшествовавших двадцати пяти лет хортистского господства. Верно, что Хорти презирал Салаша и его националистское отребье, однако характер всего режима Хорти, распространяемая им на протяжении двадцати пяти лет фашистская идеология, преступная политика в годы второй мировой войны, его непривязь к прогрессивным сплкам, колебания в вопросе о выходе из войны и в довершение ко всему невыполнение предварительных условий соглашения о перемирии с Советским Союзом — все это привело к власти националистское отребье. Если бы не было двадцатипятилетнего режима Хорти, националисты никогда не смогли бы захватить власть в Венгрии в свои руки и Венгрия никогда не скатилась бы до положения последнего сателлита фашистской Германии.

Ласло Франк

ЗЕЛЕНЫЙ ПОТОК

FRANK LÁSZLO

Zöld ár

Budapest 1975

Моей жене

От автора

«Nonum prematur in annum», — говорили древние римляне.

«Только через девять лет представляй на суд читателя свой труд, а до этого пусть плод дозреет».

Трижды по девять лет и даже больше времени прошло с того момента, когда была начата эта книга.

В конце января 1946 года мне, прокурору города Капошвара, было поручено министерством юстиции выступить в роли народного обвинителя на процессе по делу Ференца Саласи и его сообщников.

Документы процесса, личные записи в ходе судебного разбирательства позволили сделать первые наброски этой книги уже в 1946 году.

Однако тогда прошло еще слишком мало времени после описанных в ней событий, чтобы можно было с холодной объективностью написать о самом кровавом периоде венгерского фашизма, заключительным актом которого стал судебный процесс над Саласи. Почти тридцать лет дозревала во мне эта тема, прежде чем первоначальные наброски могли стать книгой.

За эти тридцать лет выросло новое поколение, зрелыми людьми стали тогдашние дети, и многие еще живы из числа тех, кто был активным или пассивным участником событий того времени.

Для нового поколения все, о чем здесь рассказано, — уже история, а для нас, представителей старшего поколения, — наша жизнь. Молодые имеют право на то, чтобы узнать правду, а наш долг — зная эту правду, помнить о ней.

Фашизм еще не исчез с мировой арены. И мы не должны забывать об этом!

Салаши затягивает войну

Последний сателлит

5 февраля 1946 года Ференц Салаши предстал перед судом венгерского народа. 1 марта ему был вынесен приговор, а 12 марта он закончил свою жизнь на виселице.

Это был первый в венгерской истории политический процесс, когда народ через своих судей, используя свои законные права, привлек к ответственности человека, обладавшего властью главы государства, вместе с членами его правительства и приговорил их к смерти за антинародные преступления.

По своему содержанию суд над Салаши отличался от процессов над Квислингом, Муссертом, Антонеску, Петеном, Лавалем и другими военными преступниками. Эти коллаборационисты в Норвегии, Голландии, Румынии и Франции стали прислужниками Гитлера тогда, когда германская военная машина еще работала на полную мощность и гитлеровцы одерживали одну победу за другой. Разумеется, это не может служить их оправданием. Да и могут ли вообще разумные люди объяснить причины предательства, когда какая-то группа людей заставляет свою страну играть позорную роль последнего сателлита стоящей на пороге гибели нацистской Германии, не учитывая при этом катастрофических последствий сделанного ею шага.

Каково же было военное положение Венгрии к 15 октября 1944 года, то есть к моменту путча?

К этому времени Финляндия, Болгария, Румыния не только порвали со своим союзником — Германией, но и выступили против нее. У немцев остался один единственный сателлит — Венгрия.

Советская Армия в результате успешно осуществленной Белорусской операции вместе со своими польскими братьями по оружью приступила к освобождению Польши, войска 4-го Украинского фронта, преодолев Дуклинский перевал, вступили на территорию Чехословакии; всего несколько дней отделяло от того

момента, когда в ходе Дебреценской операции была полностью освобождена Румыния и территория Венгрии к востоку от Тисы. Советские войска вместе с Народно-освободительной армией Югославии, соединениями и частями болгарской Народной армии вели заключительные бои за Белград.

Войска союзных с СССР государств, высадившиеся в Северной Франции, вступили в Париж, Брюссель, Антверпен, освобожденные французскими и бельгийскими патриотами, заняли Кале, подошли к западным границам Германии. Под их контролем находился Юг Франции и большая часть Италии. 3 октября германское верховное командование отдало приказ об отводе немецких войск из Греции, патриоты которой 12 октября освободили Афины и Пирей.

Катастрофическое военное положение фашистской Германии было ясно даже гитлеровским гауляйтерам в оккупированной Венгрии. На судебном процессе в Будапеште Везенмайер заявил, например, что он еще до 15 октября, то есть до прихода к власти Салаша, считал войну проигранной.

Если бы нацисты не пришли к власти, показал на следствии один из организаторов путча, эсэсовский генерал Винкельман, германские войска и месяца не продержались бы в Венгрии.

Это говорили нацистские дипломат и генерал, которые не колеблясь должны были выполнять приказы гитлеровской верхушки с целью продлить свое существование и власть. А поскольку в тот момент их интересы требовали принести в жертву Венгрию, Везенмайер и Винкельман действовали в этом направлении.

На суде Везенмайер заявил также, что на месте Салаша он никогда бы не взял на себя такой роли. «Салаш был единственным,— сказал он,— кто согласился взять на себя ответственность в таких страшно невыгодных для себя условиях».

Однако иначе пытался представить свою роль в тот момент лидер нацистов после разгрома гитлеровской Германии. Находясь в американской тюрьме, Салаш продолжал вести свой «хунгаристский дневник». В расчете, что дневник, несомненно, побывает в руках англичан и американцев, он, стараясь завоевать доверие реакционных кругов Запада, писал: «Трудно

представить, что произошло бы, если бы Венгрия вышла из войны... Если бы хунгаристское движение не взяло в свои руки 16 октября 1944 года бразды правления страной и не смогло в течение полугода удерживать ключевые позиции на юго-востоке Европы, в бассейне Дуная... советские войска уже в первой половине ноября были бы под Веной...»

С глазу на глаз с Салапи

Когда перед началом судебного процесса я допрашивал Салапи, мною руководили прежде всего мой профессиональный долг, а также чисто человеческое любопытство.

Сидя в одной из комнат второго этажа в доме № 27 по улице Марко, я ждал Салапи.

Когда в комнату ввели широколицего мужчину в темно-сером демисезонном пальто, я предложил ему сесть, а затем все время старался понять, что за человек находится передо мной. Окажется ли он таким, каким я его представлял себе, осповываясь на самых противоречивых словесных описаниях?

Я начал задавать ему вопросы.

- Ваш род занятий?
- Вождь нации.
- Что значит «вождь нации»?
- До моего сведения не доведено, что Государственное собрание освободило меня от этого поста.
- Этот пост вы заняли после 15 октября 1944 года?
- Да.
- Но ведь, по существу, на неосвобожденной территории страны хозяином положения была Германия.
- Германия была нашим союзником.
- Будайскую крепость 16 октября захватили немецкие войска СС. Часть депутатов были арестованы и находились в немецких концентрационных лагерях. Но ведь законы страны не предусматривают поста «вождя нации»?
- Я был вождем нации.

— Вы бежали из Венгрии. Попали в плен. Затем были переданы венгерским властям. Хорошо знаете, что Венгрия по форме государственного правления является республикой, во главе которой стоит президент, делами страны ведают ответственные министерства. Как же понимать, что в этой обстановке вы продолжаете называть себя «вождем нации»?

— Я — вождь нации.

Дискутировать с этим человеком бесполезно. У него не было никаких других аргументов. Допрос, представляющий собой, в сущности, беседу, продолжался.

— Я считаю,— заявил Салаш,— что лиц, совершивших ошибки политического характера, нельзя отдавать под суд. Их следует изолировать и убедить в ошибочности взглядов. Я не согласен с тем, что меня отдают под суд.

— Надеюсь, вам известно, какие кровавые жертвы понесла страна, сколько тысяч вагонов пародного добра было отправлено в Германию после 15 октября в результате ваших «политических ошибок». Я знаю, вам показали Будапешт. Вы видели разрушенные мосты, школы, детские сады, церкви, жилые дома. За это вам придется держать ответ и перед судом!

— Нет. Не думаю. Все, что перечислил народный прокурор, сопутствует войне. А вообще, я считаю, что война далеко еще не окончена. Битва на Каталаунских полях * еще впереди.

— В ваших дневниковых записях я уже встречал это выражение. Скажите, что вы под ним понимаете?

— Не считаю нужным более подробно излагать свои мысли. Считаю, что народный прокурор знает, что я имею в виду.

— Вы считаете, что война еще далеко не окончена, война будет продолжаться между Советским Союзом и остальными союзниками?

— Это сказано вами, народный прокурор.

— Насколько я помню битву на Каталаунских полях не выиграл Аттила. Чего вы ждете от такой битвы?

Ответом на этот вопрос было молчание.

* Каталаунские поля — равнина в северо-восточной Франции, где в 451 году произошла «битва народов», в результате которой был положен конец продвижению гуннов в Западную Европу.— Прим. ред.

Судебный процесс начался

Кто были обвиняемые?

Большой зал Музыкальной академии, пожалуй, единственное во всем Будапеште здание, где стекла остались целы и где можно провести судебный процесс. Электрическое освещение уже действует. В зале очень холодно. Сидим в зимних пальто, записи делаем в перчатках. Справа от меня — общественный обвинитель. Это пожилой адвокат, убежденный антифашист. Он так замерз, что даже шляпы с головы не снял.

Коллегия венгерского народного суда состоит из семи человек: по одному народному заседателю — представителю от профсоюзов, Коммунистической, Социал-демократической, Национальной крестьянской, Буржуазно-демократической партий, а также от Партии мелких сельских хозяев. Судебное разбирательство ведет судья, член будапештской судебной палаты.

Члены народного суда занимают места на сцене зала Музыкальной академии. Справа — народный прокурор и общественный обвинитель. Позади — секретарь, он ведет протокол. Слева от судей, напротив нас, — семь обвиняемых, сзади них — защитники. Салаш и еще трех других обвиняемых защищают по два адвоката.

Судебный процесс по делу Ференца Салаша и его сообщников по обвинению в военных и других преступлениях председатель суда объявляет открытым.

Обвиняемые:

Ференц Салаш. Родился 6 января 1897 года в Кошице, женат, бывший офицер генерального штаба, майор. Свои политические взгляды изложил в брошюрах под общим названием «План построения венгерского государства». Образцом для подражания считал Дюлу Гёмбёша, офицера генерального штаба, ставшего премьер-министром. Однажды Гёмбёш, уже будучи премьер-министром, вызвал Салаша к себе. И вот

что тот рассказал об этой встрече родителям в письме от 4 мая 1931 года, предупредив их, что о содержании письма никому рассказывать нельзя, не то Гёмбёш, если об этом узнает, «паверняка выгонит его из армии». Премьер-министр, пишет Салаши, отпустил его со словами: «Брось политикаствовать, не то беды не оберешься. А мое место займешь лишь тогда, когда меня не будет. Но не раньше. Будь здоров!»

Салаши направили служить в воинскую часть, находившуюся в Эгере. И там он понял, что карьера офицера не для него. Он решил полностью посвятить себя политической деятельности и потому подал просьбу об увольнении из армии. 1 марта 1935 года его просьба была удовлетворена.

В том же году он создал «Партию воли нации», а в 1936 году выставил свою кандидатуру в Помазе на промежуточных выборах депутатов в парламент и с треском провалился.

После этого Салаши со своим самым старым соратником по партии Шандором Чпа отправился в Германию.

В 1937 году его партия объединилась с Объединенной венгерской национал-социалистской партией, и Салаши возглавил партию под названием Венгерская национал-социалистская партия. В 1938 году она была переименована в партию «Хунгаристское движение». В том же году Салаши был приговорен к трем годам тюрьмы за намеренное насильственно свергнуть режим Хорти и захватить власть, опираясь на свою крайне правую партию. Пока Салаши находился в предварительном заключении, три его брата — кадровые офицеры — обратились с просьбой освободить его, поручившись словом офицера. Венгерская королевская куртина отклонила их просьбу, мотивируя это тем, что уголовное судопроизводство не признает такого поручительства, как честное слово офицера. После этого братья Салаши предложили внести залог: вначале 10 тыс. пенгё, а затем 50 тыс. пенгё.

Чтобы представить себе размеры этой суммы, достаточно сказать, что в то время высококвалифицированный рабочий зарабатывал в неделю от 16 до 24 пенгё. Откуда же могла быть у братьев столь большая сумма? Список будапештских членов партии, которой руково-

дил Салаши, свидетельствует, что в ней состояли довольно денежные люди.

В 1940 году Хорти амнистировал Салаши. Однако после освобождения из тюрьмы он с еще большей энергией стал рваться к власти.

Енё Наслухацз Сёллёши. После 15 октября 1944 года — заместитель премьер-министра, до этого владелец аптеки и трех жилых домов. Первопачально имел 20 хольдов земли, затем прикупил еще 73 хольда. Приобрел ценные бумаги. Считал себя социалистом-агарием и потому примкнул к нилашистам. На вопрос, как же он, будучи социалистом-агарием, закупал землю в том районе страны, где крестьяне так бедствуют от нехватки земли, ответил, что одна ласточка еще не делает весны.

Барон Габор Кемень. Родился 14 декабря 1910 года в Будапеште, образование — высшее юридическое, был чиновником уездной администрации, затем журналистом, женат, после 15 октября 1944 года — министр иностранных дел в нилашистском правительстве. Падав в отставку с чиновничьей должности, переехал в Будапешт. В партии Салаши ведал внешнеполитическими вопросами, писал статьи в нилашистскую газету.

Карой Бергер Берегфи. Родился в 1888 году в Червенке, женат. К 15 октября 1944 года имел звание генерал-полковника, до июня 1944 года — командующий 1-й армией. Отстраниен от должности за то, как показал последний начальник генерального штаба в хортистской армии генерал-полковник Янош Вёрёш, что, когда на фронте было особенно тяжело, разъезжал по тыловым госпиталям, спрашивая у тяжелораненых: «Храбро ли воевал, сынок?»

Занимавший до путча пост премьер-министра Геза Лакатош сообщил Яношу Вёрёшу о решении уволить Берегфи в отставку с 1 января 1945 года, а пока временно назначить командующим резервной армией, что было скорее позванием, чем реальной военной должностью. Чтобы утешить Берегфи, Хорти наградил его высшим военным орденом. После 15 октября 1944 года Берегфи — министр обороны в нилашистском правительстве, что находилось в вопиющем противоречии с существовавшей ранее практикой, согласно

которой высший офицер, находящийся на действительной военной службе, не мог быть министром обороны. Одновременно Салаши назначил Берегфи начальником генерального штаба. Берегфи был бессменным членом созданного 16 октября 1944 года регентского совета, состоявшего из трех человек.

На судебном процессе Берегфи заявил, что он не член нилашитской партии, однако он был единственным в правительстве Салаши, кто сфотографирован с нилашитской повязкой на рукаве.

Впрочем, Салаши знал Берегфи еще по военной академии, где тот преподавал будущему лидеру нилашитов. В «хунгаристском дневнике», где Салаши фиксировал события — естественно, под своим углом зрения, — есть запись:

«Регент и Чатаи [министр обороны в правительстве Лакатоша] дали указание Берегфи отступить, чтобы сохранить войска. Но немцы были против, и он на это не пошел, за что и был смешен».

Вопрос народного прокурора к Салаши:

— Требовали ли вы от Берегфи, когда он был министром обороны, начальником генерального штаба и командующим сухопутными войсками, проявлять больше рвения в работе?

Салаши: Нет.

Вопрос: Вы были довольны им?

Салаши: Да, я был им доволен.

Д-р Шандор Чия. Родился 4 февраля 1894 года в Надьбапе, занимал должность секретаря в управлении местной железной дороги, женат. Самый давний прииверженец Салаши, член регентского совета.

В своем первом проекте, составленном на случай захвата власти, Салаши предполагал создать пост наместника, обладающего высшей властью в государстве. Разумеется, первым кандидатом на этот пост он предложил себя, вторым — Чия.

В марте 1945 года Салаши создал коронный совет. На его заседаниях председательствовал сам, а когда не имел возможности исполнять эти обязанности, его замещал Чия.

Габор Вайна. Родился 4 ноября 1891 года в Кездивашархее, окончил торговую академию и военную школу, при Хорти — майор запаса. 3 февраля 1945 года

Салаши произвел его в полковники запаса. Одновременно он забронировал за ним должность начальника генерального штаба, которую по совместительству исполнял Берегфи, на тот случай, если бы пришлось снять Вайна с поста министра внутренних дел.

Народный прокурор на процессе задал Вайне вопрос:

- Вы когда-нибудь слышали об Иштване Керне?
- Да, это был мой псевдоним.
- Где вы им пользовались?
- В отделе контрразведки.
- С какого и по какое время вы работали в контрразведке под этим псевдонимом?
- С 1924 года и, кажется, до 1931 года.
- В чем заключалась ваша работа?
- Я был офицером запаса и за выполнение капитанских обязанностей получал вознаграждение от руководства отделом.
- В каких следственных делах принимали участие?
- Во многих, особенно в чехосlovakских делах.

Самым крупным из них было дело полковника Барбаша, затем — подполковника генерального штаба Апата Хорвата и другие.

«Ознакомлю присутствующих с одним документом,— продолжает прокурор.— Впервые Керн-Вайна стал известен во время процесса Габора Оприша, сотрудника будапештской полиции, необоснованно арестованного по обвинению в шпионаже. Это было, когда левые депутаты в парламенте потребовали освобождения брошенных в тюрьму на улице Конти профсоюзных деятелей и рабочих. Тогда господин Гabor Вайна и стал Керном, продолжая и в дальнейшем оставаться платным провокатором при генеральном штабе; по его вине погибли многие. Не прошло и двадцати лет, как Вайна, будучи нацистским министром внутренних дел, отдал под суд военного трибунала, известного своей жестокостью, сотни невинных людей, подавляющая часть которых была повешена во дворе тюрьмы на улице Конти».

— Я никогда не выступал против рабочих,— пытался оправдываться Вайна.

При этом Вайна почему-то забыл о своих показаниях на следствии, где он рассказал, что познакомился

с Салаши в 1930 году в генштабе. В 1937 году тот неоднократно встречался с ним. Тогда Вайна по заданию контрразведки руководил службой по борьбе с саботажем на предприятиях военной промышленности в Задунайской Венгрии. Бряд ли саботажем занимались директора предприятий и другие руководящие сотрудники. Вайне было поручено действовать прежде всего против рабочих.

Занимался Вайна и коммерцией. Какой именно, установить не удалось. Однако следующее его признание позволяет догадываться о ее характере: «Мои материальные дела были в полном порядке... Ежегодный доход колебался в пределах 30—40 тыс. пенгё. Через Вильмоша Бечеи и Милана Темеши я участвовал в финских поставках оружия на общую сумму 35 тыс. пенгё. В этом деле я был посредником».

До того как стать нацистским министром внутренних дел, он был не только шпионом и провокатором, но и торговцем смертью. А став министром внутренних дел, загубил тысячи ни в чем не повинных людей. Его карьера шла по прямой линии «вверх».

Однако время стали распространяться слухи о том, что его жена еврейского происхождения. Действительно, кто-то из ее родственников по материнской линии был евреем. Опасаясь, как бы это обстоятельство не повредило его карьере, он рассказал об этом Салапи. И тот успокоил его, повторив слова Гитлера: «Кто сврэй, а кто нет, решаю я».

Однако Вайну это не успокоило. Заботясь прежде всего о своей карьере, он разошелся с женой.

Д-р Йожеф Гера. Родился 24 октября 1896 года в Мако, женат, детский врач, домовладелец. Из-за деятельности в партии «Скрещенные стрелы» потерял должность врача, приехал в Будапешт, где стал одним из руководителей этой партии. После 15 октября 1944 года, когда Салапи был занят на постах «вождя нации» и премьер-министра, Гера руководил нацистской партией. Со 2 марта 1945 года — член регентского совета.

Что касается процедуры ведения процесса, то необходимо отметить, что все выступления записывали парламентские стенографистки. Они тут же расшифровывали стенограммы и отдавали их печатать на ма-

шинке. В вечерних передачах венгерского радио приводились отрывки из выступлений на дневных заседаниях народного суда. Иностранные и венгерские корреспонденты имели полную возможность убедиться в том, что судебный процесс, который длился более трех недель, проходил в условиях самого строгого соблюдения законности.

В этой связи следует напомнить, что судебный процесс, организованный салашистами в декабре 1944 года по делу генерал-лейтенанта Яноша Киша и его сподвижников, участвовавших в движении Сопротивления, длился всего три дня. Шестеро обвиняемых были приговорены к смертной казни. Троим смертную казнь заменили тюремным заключением. Приговоренные к смерти сразу же после вынесения приговора были повешены.

Одним из судей на том процессе был полковник жандармерии Ласло Хайначёи, который, будучи свидетелем по делу Салаши, на заданный ему вопрос ответил: «Как судья я не чувствовал себя в тот момент независимым».

Когда 26 февраля 1946 года Салаши было предложено последнее слово, он говорил почти четыре с половиной часа — с половины девятого утра и до часу дня, — и никто не прерывал его болтовни.

Сидя в тюрьме, Салаши непрерывно делал записи в своем дневнике. Он отмечал, какая погода, что он ел, какие книги читал, какие впечатления сложились у него о председателе судебной коллегии, прокуроре, общественном обвинителе.

В дневнике он подробно пишет о речи, с которой выступил, когда ему предоставили последнее слово, и с удовлетворением отмечает, что он смог свободно высказать свою точку зрения.

При уточнении на суде анкетных данных Салаши между ним и председателем судебной коллегии произошел спор. Когда Салаши на вопрос о профессии объявил себя «вождем венгерской нации», председатель расценил, что это заявление направлено на подрыв существующего общественного строя. Салаши прекрасно знал, что произошло в Венгрии после ее освобождения. Тогда председатель судебной коллегии задал вопрос, не стоит ли суд перед необходимостью

медицинского освидетельствования Салаши. На это Салаши ответил, что он не нуждается в обследовании его психического состояния, но, если суд считает это необходимым, он с готовностью подчинится его требованию. Суд не посчитал нужным проводить медицинскую экспертизу.

Тогда Салаши обвинил председателя судебной коллегии в предвзятости и заявил протест, который, однако, с полным основанием был отклонен народным судом, поэтому защитник Салаши взял протест обратно.

Позже ко мне неоднократно обращались с вопросом: нормален ли Салаши психически.

Нормален. Салаши не был сумасшедшим.

Оборонительная тактика Салаши и его сообщников на суде

После того как Салаши и его сообщники ознакомились с обвинительным заключением, председатель судебной коллегии объявил, что в соответствии с уголовным судопроизводством допрос обвиняемых будет вестись поочередно, в отсутствие других, причем уже допрошепные могут оставаться в зале суда и присутствовать при допросе следующих. Обвиняемые имеют право делать замечания и задавать вопросы, касающиеся показаний соучастников по данному делу и свидетелей.

Затем председательствующий попросил увести всех обвиняемых, кроме Салаши. Начался допрос Салаши.

— Вы ознакомились с обвинительным заключением?

— Да.

— Признаете ли вы себя виновным?

— Виновным себя не признаю.

Так заявили на суде и остальные шесть обвиняемых. Сёллёши и Ксемень при этом добавили, что сожалеют о случившемся.

Была ли у обвиняемых возможность, после того как их взяли в плен в начале мая 1945 года, согласо-

вать тактику своей защиты? Такая возможность у них, безусловно, была. Вот один из примеров.

При допросе Шандора Чиа председатель судебной коллегии предъявил доказательства того, что Салади все время настойчиво подталкивал немцев к передаче власти ему и его партии и даже просил их провести операции полицейского и военного характера, в том числе арестовать премьер-министра.

Чиа: Я не согласен, господин председатель, ибо это противоречит тому, что всегда говорил Салади, а именно: партия нацистов стремится взять власть в свои руки, выполняя волю нации и регента, и отвергает любую немецкую помощь. Позвольте заметить, что вчера в общей камере, где находился и Берегфи, у нас зашел об этом разговор.

Председатель: Вы были там вместе с остальными обвиняемыми?

Чиа: Да.

И Чиа рассказал, что в камере они обсудили все, о чем говорили на судебном заседании и что должны говорить впредь.

Все семеро обвиняемых защищались одинаково. Наиболее ярко это видно из показаний Салади.

Для своей защиты они привели следующие доводы.

Довод первый. Все они были убеждены в победе немцев, что давало им основания считать свою деятельность полезной государству.

В своем последнем слове, обосновывая свою уверенность в победе гитлеровцев, Салади сказал: «Я был абсолютно уверен в победе немцев, потому что нейтральные и немецкие военные специалисты писали о новом немецком оружии (о нем не раз говорил Гитлер), которое решит успех войны. Я верил в победу потому, что и Везенмайер, который с 19 марта 1944 года являлся германским посланником в оккупированной немцами Венгрии и личным представителем Гитлера, говорил: «Есть оружие, которое может превратить квадратные километры земли в пыль и пепел».

Гитлер, Риббентроп и японский посол Осипма успокаивали Салади тем, что Германия располагает оружием, с помощью которого она непременно выиграет войну.

В своем выступлении 12 сентября 1944 года Гитлер сказал: «...я решил применить оружие, обладающее уничтожающей и решающей силой».

Как известно, с подобного рода категорическими заявлениями Гитлер выступал не раз. 3 октября 1941 года после боев под Брянском и Вязьмой он тоже заявил: «...враг повержен и больше никогда не поднимется».

Несомненно, Салаши помнил эту пресловутую речь. Возможность убедиться в том, что Советская Армия не была сломлена, представили ему и ее бой в октябре 1944 года на территории Венгрии.

На суде Салаши подал прошение о вызове в качестве свидетелей бывших министра иностранных дел фашистской Германии Риббентропа, начальника генштаба генерал-полковника Гудериана и министра военной экономики Шпеера, чтобы выяснить, как он заявил, «на правильной ли основе я принял свое решение или они просто плохо меня информировали».

А вот что заявил генерал-полковник Берегфи, считавший себя отличным знатоком военной обстановки:

«Теперь, господа, правда на вашей стороне, но, если верить Черчиллю, все висело на волоске, все могло измениться. Если бы война хотя бы еще немногого продлилась, обстановка в корне изменилась бы... Когда мы вступили в войну и вели ее на протяжении многих лет, я был убежден, что немцы выиграют войну, несмотря на то что она протекала первоначально».

Один из народных судей спросил его:

— Когда вы поняли, что немцы проиграли войну?
— В середине апреля 1945 года.

Довод второй. Из предыдущих высказываний Салаши следует, что гитлеровцы превратили бы всю страну в поле боя и нанесли бы ей гораздо больший ущерб, чем тот, который был нанесен Венгрии в результате перехода власти в его руки. Таким образом, путч, считали нацисты, был совершен в интересах страны.

В связи с этим Салаши сказал в своем последнем слове: «Тут высказывалось мнение, что речь могла идти о месяце войны или о нескольких неделях. Война продолжалась бы столько же, сколько и при нашем варианте [нацистского путча. — Ред.], но с более

ужасными последствиями».

Невольно напрашиваются вопросы: а разве после захвата власти салашистами страна не стала полем битвы? Разве не превратился в руины Будапешт? Разве немцы не вывезли все, что только могли вывезти? Разве они не грабили население? Режим Салэши не только не мешал гитлеровцам, он помогал им и своими грабежами, убийствами, безудержным террором, еще больше увеличивал страдания народа.

Доказательство третий. По словам Салэши, он якобы не просил немцев о вмешательстве, следовательно, пришел к власти без поддержки извне.

В своем последнем слове он заявил: «Я приложил все силы к тому, чтобы заставить немцев держаться как можно более пассивно».

Однако документы того времени ясно свидетельствуют, что без военного и дипломатического вмешательства гитлеровцев салашистский путч не завершился бы успехом. К этому вопросу мы еще вернемся. А пока приведем выдержку из телеграммы Салэши Гитлеру от 21 октября 1944 года:

«...Я хочу сообщить о безусловной и тотальной позиции Венгрии в идеальных рамках соглашения трех держав и антикоминтерновского пакта, о решимости венгерской армии героически и до конца сражаться на стороне своего соратника по оружию — Великой Германии. В исторические часы прихода к власти нацистов моя первая благодарность от имени всей венгерской нации адресуется вам, мой фюрер».

В знак благодарности за помощь, оказанную во время октябрьских событий 1944 года, Салэши наградил личного представителя Гитлера германского посланника Эдмунда Везенмайера Большими крестом Венгерской святой короны на ленте, командующего войсками СС в Венгрии Отто Винкельмана — Большими крестом Венгерской святой короны, атташе Курта Галлера — Средним крестом Венгерской святой короны на ленте.

Награды вручали: Везенмайеру — Салэши, Винкельману и Грейфенбергу — Берегфи, Курту Галлеру — чрезвычайный посол Золтан Багоши.

Доказательство четвертое. Хорти якобы добровольно передал власть Салэши.

О какой «добровольной» передаче власти могла идти речь, когда дворец Хорти в Буде был захвачен эсэсовцами и сам он отдал себя «под защиту» германского рейха? К тому же Салаш, безусловно, знал, что Хорти добровольно не согласился бы назначить его премьер-министром.

Довод пятый. Государственное собрание якобы на конституционной основе присвоило Салашу звание «вождя нации», о котором до этого никто и понятия не имел.

10 февраля 1942 года палата представителей обсуждала законопроект об учреждении поста заместителя регента. С помощью нового закона Хорти планировался передать пост регента по наследству своему сыну.

Это являлось препятствием для Салаша, поскольку в случае освобождения поста регента предложению парламентской фракции нилашистской партии, с чьей помощью Салаш планировался добиться власти, могло не пройти. Поэтому Шандор Чна от имени своей партии выступил тогда в парламенте со следующим заявлением:

«Партия «Скрещенные стрелы» не считает палату представителей, а также Государственное собрание нынешнего состава компетентными обсуждать и утверждать такой законопроект; партия «Скрещенные стрелы» считает, что этот вопрос может быть решен лишь новым составом Государственного собрания, избранного путем честных и справедливых выборов, проведенных на всей территории страны».

После 15 октября 1944 года нилашистская партия уже без всякого опасения приняла закон о «вожде нации». Этому не помешало то, что многие члены Государственного собрания находились в тюрьмах и в немецких концлагерях, что со значительной части страны нилашисты и гитлеровцы были изгнаны и освобожденную территорию это Государственное собрание уже не представляло.

И если уж Салаш ссылался на соблюдение формальной конституционности, следует вспомнить, что премьер-министр Лакатош не ушел в отставку, Хорти не освободил его от занимаемой должности. Таким образом, формально в Венгрии с 16 октября 1944 года было два премьер-министра. И даже не два, ибо Хор-

ти еще до октябрьских событий направил командующему 2-й армией генерал-полковнику Лайошу Верешу конфиденциальное письмо, в котором назначил того премьер-министром на случай, если какая-либо иностранная держава помешает ему, Хорти, свободно осуществлять свою волю.

Поскольку это и произошло как раз утром 16 октября, премьер-министром в соответствии с назначением Хорти должен был стать Лайош Вереш. Однако и его немцы рано утром 16 октября арестовали в расположении 2-й армии. Салаши嘗試ed шантажировать суд. «Надеюсь,— заявил он,— все присутствующие хорошо понимают, что они должны подтвердить высказанные здесь мнения и убеждения и быть готовы нести за них ответственность в том случае, если вдруг окажутся на стороне побежденных или произойдет решающий поворот судьбы...» «Великая битва на Каталаупских полях XX века еще не завершена. Она впереди...» — угрожал он тем, кому народ доверил суд над салашистами.

Поверженный идол

Один из салашистских министров и член первого регентского совета Ференц Райниш на втором судебном заседании заметил, что Салаши перед публичным выступлением гримировался. Тем самым он хотел сказать, что Салаши, выступая перед публикой, был актером, который играл роль «вождя пации».

Это позерство Салаши наложило отпечаток на все его поведение во время судебного процесса. На Салаши его сообщники смотрели снизу вверх. Некоторые из них считали его кумиром. И Салаши嘗試ed остаться таковым в их глазах. Он знал, что его слова на суде может услышать по радио вся страна, а не только публика, заполнившая зал судебного заседания. Салаши хотел сохранить среди своих сторонников, скрывавшихся по всей стране, легенду о себе как о вожде, единственно достойном поклонения. Именно

поэтому он продолжал играть роль, с готовностью отвечая на каждый вопрос. Когда же его загоняли в угол фактами, опровергшими его заявление на суде, он отказывался давать объяснения и упорно повторял то, что было для него более выгодно. Он давал показания с каменным выражением лица. Все дни он сидел напротив меня, всего лишь в нескольких шагах, и я внимательно наблюдал за ним. Иногда — особенно в том случае, когда суд занимался не им,— Салаши расслаблялся, с его лица сходила напряженность. Однако, заметив, что я наблюдаю за ним, он сразу же принимал позу «вождя» и снова становился другим. Впоследствии из его дневника, который он вел в тюрьме, я узнал, что он меня ненавидел. Во время судебного процесса меня неоднократно спрашивали, испытываю ли я к Салаши чувство ненависти. Однозначно ответить на этот вопрос далеко не просто. Салаши был для меня воплощением ненавистного и злодейского режима. Этот режим можно было лишь ненавидеть. И я, естественно, испытывал такую непреклонную ненависть. И нельзя человека разделить таким образом, чтобы одна его часть представляла сдержанного, объективного юриста, а другая — человека, который чувствует, любит и ненавидит.

Я был с Салаши с глазу на глаз, разговаривал с ним, имел возможность целыми днями наблюдать за ним. И даже спорил с ним, насколько с ним это вообще было возможно. Если говорить в целом о моих впечатлениях, то мне трудно было понять, как могло случиться, чтобы подобный человек оказался во главе государства и взял на себя ответственность, которая повлекла за собой бессмысленную гибель многих тысяч людей.

Салаши очень долго готовился к своему последнему слову. Выступление он тщательно подготовил. Председатель судебной коллегии прерывал его лишь тогда, когда Салаши слишком уходил в сторону и начинал пророчествовать. В таких случаях председатель делал ему замечания, чтобы он говорил по существу дела.

16 февраля во время допроса Гabora Вайны председатель судебной коллегии объявил, что Кемень, допрос которого был окончен за несколько дней до этого, обратился к нему с просьбой предоставить ему возмож-

ность сделать заявление в отсутствие других обвиняемых, поскольку при них он чувствует себя чрезвычайно стесненно.

Председатель судебной коллегии выполнил его просьбу.

«После раздумий и внутренней борьбы в долгие бессонные ночи я со всей искренностью должен признать,— сказал он, в частности, в своем заявлении,— что шел неправильным путем и сейчас ясно вижу тот неизмеримый ущерб, который был нанесен в результате событий 15 октября. За все содеянное я искренне раскаиваюсь перед своей родиной».

Лед дал трещину; однако ледоход еще не начался.

После объявления приговора все обвиняемые подали прошения о помиловании.

Енё Сёллёши: Я совершил ошибку, когда оставил гражданскую службу и вступил на зыбкую почву политических распри. Я тысячу раз сожалею об этом; как провинциальный аптекарь, я был неискушен в политической жизни и к тому же чрезмерно благонамерен. Я также сожалею, что своевременно не вышел из правительства Салати. После первых же неблагоприятных явлений, замеченных мною (а они были), мне нужно было сделать соответствующий вывод.

Чиа: Глубоко сожалею о совершенном мною преступлении, каюсь перед венгерским народом, прошу соблаговолить направить мою просьбу о помиловании с вашим положительным мнением президенту республики.

Берегфи: 16 октября 1944 года — в день, когда судьба сразила всех нас,— я оказался пленником уже сложившихся обстоятельств. Салати как верховный главнокомандующий давал мне распоряжения. Исполняя его приказы, я совершал преступления... Я совершал преступления, однако не делал это сознательно, в чем торжественно каюсь перед своим народом. Второе мое преступление в том, что своими указаниями я затянул войну. И в этом я также торжественно каюсь перед народом. Я не разобрался в политике Салати, не контактировал с ним, да и 16 октября не брал на себя перед Салати никаких обязательств политического или общественного характера.

В своем дневнике Салаши записал, что Гера в тюремной камере заявил: «...Салаши нас обманул и поэтому должен отвечать за последствия. Идол оказался низвергнутым в моих глазах...»

Зашитник Геры передал устное заявление своего подзащитного: «...Если его заблуждения, дела и их последствия квалифицируются как преступления, он переживает за содеянное; именно факты, вскрытые на судебном процессе, низвергли с пьедестала его кумира и открыли ему глаза».

Сидя в зале заседаний, Салаши слушал все это с неизменно каменным выражением лица. Он продолжал играть роль. Но только в одиночной камере он признается самому себе и записывает: «Гера, Сёллёши и даже Кемень отказались от меня».

10 марта 1946 года, за два дня до приведения приговора в исполнение, Салаши пишет в своем дневнике, что его посетил журналист и, в частности, спросил: если бы ему еще раз пришлось начинать жить заново, сделал бы он то же самое? Что ответил Салаши журналисту, осталось неизвестным. Однако в дневнике он записал: «Не совсем то же самое, потому что, в конце концов, прошлое многому меня научило».

Идол даже в глазах тех, кому Салаши казался таковым, был низвергнут.

Как Салати пришел к власти 15 октября 1944 года

Власть любой ценой

С 1936 года Салати стал заявлять, что он стремится добиться власти чего бы это ни стоило. Он знал, что его партия слаба, представляет лишь очень незначительную часть политических группировок страны. Согласно его показаниям, даже в 1944 году члены его партии составляли 1—1,5% от общей численности населения Венгрии (лидеры буржуазных партий имеют обыкновение преувеличивать; вполне возможно, что в националистской партии и такого количества членов не было). Именно потому, что Салати с упорством маньяка рвался к власти, он считал любое средство подходящим для достижения своей цели.

Он предпринимал попытки в двух направлениях: через немцев и через Хорти. И постоянно зондировал обе стороны, стараясь выяснить, на каких условиях они согласились бы вести с ним переговоры.

30 июня 1938 года, отвечая на вопрос представителя балтиморского газетного концерна Эмиля Ц. Хейпмопда, какие отступления он будет поддерживать с другими тоталитарными государствами, Салати заявил:

«Оттесненная на запад условиями Трианонского мирного договора, Венгрия сможет обеспечить свою государственную самостоятельность лишь в том случае, если будет ориентироваться на свой геополитический базис, на фашистскую польскую империю и на национал-социалистскую германскую империю».

Эта концепция Салати ни в чем не отличалась от политики хортистов в этом вопросе. Гитлеровцы были о Салати невысокого мнения и долгое время слышать не хотели о нем. Еще в 1943 году Салати дал указание Габору Вайнсу, ставшему впоследствии министром внутренних дел в его правительстве, отправиться в

Германию и через своих родственников постараться наладить связь с национал-социалистской партией. Однако Вайне не удалось установить контакт с немецкими нацистскими руководителями.

Салаш написал письмо Гиммлеру, в котором доказывал необходимость в целях успешного окончания войны созыва в Германии совещания руководителей европейских фашистских партий. От Венгрии, разумеется, должен был бы поехать лидер хунгаристской партии Ференц Салаш. Однако инициатива созыва такой встречи могла исходить только от Гитлера. Это было первое открытое предложение нацистов перевести Венгрию на рельсы тотальной войны. Цель Салаша была ясна. Если бы Гитлер согласился с его предложением и созвал руководителей европейских нацистских партий, в том числе и Салаша, то последний стал бы в Венгрии политической фигурой, человеком, с которым Гитлер сел за стол переговоров. И если бы на этих переговорах обсуждалось более тотальное участие других народов в войне, то для нацистов это могло бы служить указанием для захвата власти, и предполагалось, что в Венгрии Гитлер будет действовать через Салаша. Однако любовь Салаша осталась тогда неразделенной, поскольку немцы добивались всего, что им было нужно в Венгрии, с помощью Хорти.

5 мая 1943 года Салаш направил премьер-министру Каллан меморандум. В нем, в частности, говорилось: «Необходимо как можно быстрее обсудить законы, которые позволят обеспечить нашему народу тотальные политические, экономические, общественные и идеологические условия ведения войны, которую, totally мобилизуя силы и средства, ведет и противник».

В августе 1943 года Салаш записал в «хунгаристском дневнике», который был отобран у него американцами при взятии его в плен и передан венгерским властям, что «Германия непобедима».

В декабре 1943 года нацистская партия переживала большие бесприятности. На одном из заседаний руководства партии Арпад Хениси признал, что организационная работа не ведется, число членов партии катастрофически уменьшается, наблюдается — даже

среди функционеров — резкий спад хунгаристских настроений — словом, нужно что-то делать, иначе партия развалится.

В феврале 1944 года Салашি раздумывает над тем, что произойдет, если немцы оккупируют Венгрию. Пожалуй, не случайно, что эта мысль пришла в голову Салаши еще за месяц до реальной оккупации страны, так поразившей всех своей неожиданностью. Он записал в своем дневнике, что оккупация может иметь двоякие последствия: во-первых, нилалистская партия, используя конъюнктуру, добьется больших результатов, в чем она явно заинтересована, и, во-вторых, если коммунисты начнут действовать, нилалистская партия потопит их выступление в крови.

Однако после того, как 19 марта 1944 года произошла оккупация страны гитлеровцами, Салашি был страшно разочарован. Нилалистская партия не была допущена к власти, так как Венгерской партией жизни было образовано правительство во главе со Стойяни. В правительстве большую роль стала играть партия Имреди, а также национал-социалистская партия, возглавлявшаяся Палфи — Баки. Салаши не получил никакой должности, и поэтому его планы оказались не реализованными.

Тогда Салаши дает указание: любой ценой установить связи с немцами.

Первым наладил связь с эсэсовским генералом Губером Габор Вайна. Губер указал ему на необходимость сплочения всех крайне правых сил. Он обещал Вайне блестящие перспективы, заявив, что будущее — за нилалистами.

Еще 31 марта Салаши встретился на квартире Вайны с германскими агентами Гёттлем и Урбаном. Гёттель завел разговор о внешнеполитической обстановке, затем спросил у Салаши, что он думает по поводу оккупации, на что Салаши ответил: «Немцы с оккупацией опоздали; это нужно было сделать после Сталинграда или самое позднее год тому назад, когда Венгрия располагала еще довольно большими людскими и материальными ресурсами; за последнее же время отношение в стране к немцам ухудшилось».

Власть любой ценой — кредо Салаши, и в интересах достижения этой цели он не постыдился бросить

упрек германским агентам в том, что Германия-де опоздала с оккупацией Венгрии.

Еще 7 октября 1940 года Салаши заявил: «Я борюсь за обладание такой моральной, духовной и экономической личной властью, какой обладает вождь итальянского народа».

В январе 1942 года на заседании расширенного совета партии «Скрещенные стрелы» Салаши сказал: «Мы хотим и требуем, чтобы неделимая власть, обеспечивающая порядок в венгерском национал-социалистском трудовом государстве, находилась только и исключительно в руках партии «Скрещенные стрелы».

После 19 марта 1944 года Стойяи предложил Салаши: распустим все правые партии и создадим одну общую партию, с тем чтобы в правительстве участвовали и нилашисты. Салаши отклонил этот проект создания коалиции, заявив, что «хунгаристское движение, партия «Скрещенные стрелы» борется за безраздельную власть».

Салаши утверждал, что численность его партии — 100—150 тыс. человек. С такой малочисленной партией он не смог бы добиться власти, поэтому, чтобы осуществить свои мечты, он решил действовать в двух направлениях: во-первых, предложил свои услуги официальным германским кругам, чтобы они помогли ему прийти к власти; во-вторых, предложил услуги Хорти, чтобы при случае достичь своих целей с его помощью.

Везенмайер принимает Салаши

После 19 марта 1944 года власть в Венгрии практически находилась в руках двух человек. Один из них — Везенмайер, который представлял германскую дипломатию и через Риббентропа подчинялся Гитлеру; второй — генерал СС Винкельман, представлявший эсэсовские вооруженные силы и подчинявшийся Гитлеру через Гиммлера. Оба они, как это бывает часто, не всегда действовали согласованно. Для достижения своих целей Салаши нужно было обеспечить как дипло-

матическую, так и военную поддержку. Это было совсем не легко, и Салаши смог добиться своей цели лишь тогда, когда гитлеровцы, окончательно отчаявшись в попытках сохранить Венгрию в своих руках с помощью Хорти, не смогли найти иного выхода, как сделать ставку на лидера нилалистов.

У Везенмайера был свой человек в Венгрии — Имреди,— с помощью которого он предполагал осуществить военные цели Германии в Венгрии, обеспечить ее полное участие в войне. Поэтому партия Имреди получила в правительстве Стойяи в лице Ратца пост заместителя премьер-министра, а в лице самого Имреди — пост министра экономики.

«Человеком» Винкельмана был Ласло Баки, который стал статс-секретарем министерства внутренних дел в правительстве Стойяи, после того как на протяжении ряда лет был агентом гестапо в Венгрии.

Поэтому Салаши нужно было вызвать у немцев недоверие и к Венгерской партии обновления во главе с Имреди, и к Венгерской национал-социалистской партии, возглавляемой к тому времени Баки, и тем самым сделать свою партию приемлемой для гитлеровцев. В марте 1944 года Везенмайер через Енё Сёллёши вызвал к себе пять руководящих деятелей хунгаристской партии. Сёллёши сообщил об этом Салаши, и он не разрешил им идти к Везенмайеру, передав через Сёллёши германскому посланнику, что переговоры от имени хунгаристской партии полномочен вести лишь Салаши.

3 апреля Салаши встретился с Везенмайером; их беседа продолжалась 1 час 45 минут. Салаши заявил посланнику, что убежден в победе Германии и поэтому считает необходимым участие Венгрии в борьбе до победного конца. Это, по его мнению, сможет обеспечить лишь нилалистская партия. Салаши заверил посланника в своем глубоком почтении к Гитлеру.

Везенмайер припал Салаши потому, что, считая правительство Стойяи недостаточно надежным, стремился защитить германские интересы от всяких случайностей. Следовало также «иметь про запас» и другую возможность, на случай, если в результате непредвиденных обстоятельств не удастся осуществить цели, которые гитлеровцы намечали достичь оккупа-

цией Венгрии 19 марта. Везенмайер был согласен на вхождение Салаша в правительство, однако Салашин такое компромиссное решение не устраивало.

Везенмайер попросил лидера нилашитской партии быть с ним всегда честным и откровенным, ибо только при этом условии можно сотрудничать. Он определил, что каждый из них должен говорить по поводу этой встречи, поскольку ее не сохранить в тайне, да в этом и не было необходимости.

Итак, первый шаг был сделан. Салашу удалось — впервые за многие годы — установить контакт с официальными германскими кругами, и он с восторгом пишет об этом в своем дневнике: «Рухнула стена, разделявшая великую Германию и хунгаристскую партию».

Салаш на приеме у Хорти

Если первую попытку установить контакты с германскими официальными кругами Салаш предпринял в 1943 году, то его попытки попасть на прием к Хорти имеют более давнюю историю. Салаш неоднократно, лично и через других лиц, пытался добиться встречи с Хорти. Эти лихорадочные и порой комичные усилия объяснялись его стремлением приобрести политический вес. Представители политических группировок внутри Венгрии относились к нему пренебрежительно, свысока и насмешливо. Малочисленность его партии, псевдомистицизм идеологии, настоящий на пепопятных, бредовых идеях и крикливых фразах, а также то, что члены его партии принадлежали к низшим по своему происхождению слоям господствующего класса или к люмпен-пролетариату, — все это было для правых кругов свидетельством его «нереспектабельности». Если бы Хорти принял Салаша, это бы означало, что сам регент согласился вести переговоры с руководителем партии, не являющимся к тому же депутатом Государственного собрания. И Хорти, который был весьма низкого мнения о Салаше, не пожелал придать ви-

димость «респектабельности» ни ему, ни его сторонникам.

В октябре 1938 года Салати попытался через Лайоша Фишера Керстеша, флигель-адъютанта Хорти, попасть на прием к регенту, но это ему не удалось.

5 октября 1940 года он попробовал добиться аудиенции у Хорти через графа Пала Телеки, однако и на этот раз ему не повезло.

11 ноября 1941 года Салати обратился к регенту с письменной просьбой:

«Я обращаюсь к вам как к верховному главнокомандующему и первому ответственному лицу нашей нации с покорнейшей просьбой принять и выслушать меня. Мотивы моей просьбы следующие: в результате ошибок политического, экономического и общественного руководства, допущенных нынешним режимом, между главою государства и возникшим по воле венгерского народа, организованным партией «Скрепленные стрелы» венгерским национал-социалистским движением образовалась такая пропасть, которая, по моему убеждению, исключает возможность хорошего и здорового руководства государством и может привести как государство, так и нацию к катастрофе. Считаю своим долгом в качестве руководителя партии «Скрепленные стрелы» и организованного ею венгерского национал-социалистского народного движения доложить обо всем вашему высокопревосходительству, а также лично сделать вашему высокопревосходительству в интересах ликвидации этой пропасти и обеспечения государственного руководства и будущего нации такие предложения, которые, подкрепленные решениями главы государства и нации, их силой и поддержкой, инициативой и доброй волей, сделали бы возможным развертывание на народной основе венгерского национал-социалистского движения».

Салати пытался внушить всем мысль, что его движение — это движение всего венгерского народа, что за ним стоят широкие народные массы.

Однако Хорти не был склонен верить Салати, что его движение поддерживает весь венгерский народ, и 25 ноября 1941 года Салати получил отказ, подписанный одним из чиновников канцелярии регента.

«...По высочайшему повелению имею честь сообщить вам,— говорилось в нем,— что его высокопревосходительство господин регент не видит причин, чтобы принять вас для обсуждения затронутых в вашем прошении внутривелических вопросов. В соответствии с действующими законами господин регент осуществляет исполнительную власть исключительно через ответственный перед Государственным собранием совет министров, во главе которого стоит венгерский королевский премьер-министр. Таким образом, поднятые вами вопросы следует адресовать премьер-министру».

Ответ из канцелярии регента был прост и ясен, но не так-то просто было отделаться от Салаша. 5 декабря 1941 года он снова обратился к Хорти с письменным посланием. На этот раз оно было еще более объемистым и верноподданническим. В нем Салаш подробно изложил суть своей просьбы, обрисовал перед регентом «катастрофическое», на его взгляд, внутривелическое положение страны, слезно просил избавить его партию от нападок и предоставить ему аудиенцию, на которой он «хотел бы лично изложить свои предложения относительно развертывания венгерского всенародного национал-социалистского движения».

Однако и на этот раз, несмотря на предварительно принятые меры через своих собратьев по пилештской партии, Салаш получил отказ Хорти. Регент спаса адресовал лидера пилештов к премьер-министру королевского правительства Венгрии, который уже оставил без ответа попытки ближайшего окружения Салаша добиться через него аудиенции у Хорти.

События последующих лет не благоприятствовали тому, чтобы Салаш снова мог просить аудиенции у Хорти. Его партия переживала кризис, ряд руководящих деятелей вышли из нее, а число членов партии значительно сократилось. В этих условиях и сам Салаш понимал, что его движение не настолько значительное и массовое, чтобы он мог, учитывая предыдущие отказы, просить аудиенции у регента.

Однако в 1944 году настало время и для Салаша. 3 апреля его принял германский посланник и полномочный министр, и благодаря этому он сразу приобрел вес в политической жизни Венгрии — ведь с ним вели

переговоры немцы! Хорти стал бояться каждого, кто был близок к гитлеровцам; он опасался, что они повсюду ищут человека, которого можно посадить на его место.

Итак, 3 мая 1944 года Хорти принял Салаши, и они оба разыграли интересный спектакль. Салаши стремился любой ценой прийти к власти, Хорти — любым способом удержать власть в своих руках. Хорти хотел бы обезвредить для себя Салаши и на какое-то время добиться спокойствия для себя. Он пытался вызвать у Салаши недоверие к гитлеровцам и поэтому говорил ему о том, что накануне 19 марта немцы выманили его из страны, вследствие чего и сложилась катастрофическая обстановка, и что еще нельзя с уверенностью сказать, кто победит. Но он, регент, считает, что нужно «выждать и посмотреть». Когда же Салаши крикливо заявил, что и во внутренней, и во внешней политике он поддержит линию гитлеровцев, Хорти не осмелился потребовать от него умерить свой пыл.

С Везенмайером Салаши встретился и вел переговоры раньше, чем с Хорти, и регент не знал, каковы отношения между ними. Однако он советует Салаши быть осторожнее с немцами, поскольку, мол, с ними невозможно вести переговоры. Положение Германии, говорит он, напоминает положение загпанного кабана, на которого со всех сторон обрушаются удары.

Встречу с Хорти Салаши стремился использовать для достижения двух целей: с одной стороны, завоевать доверие регента, с другой — породить у того недоверие к его советникам, к тем, в чьих руках власть. Салаши полагал, что, если эта двойная игра завершится успехом, он получит от Хорти конституционным путем полномочия на формирование правительства, а значит, и долгожданную власть.

Свой разговор с регентом Салаши начал с того же заявления, которое он сделал в своем выступлении 7 октября 1940 года: «Вы всегда были для меня главой государства, есть и будете главой государства!»

Он рассказал, что несколько лет назад эрцгерцог Альбрехт прощупывал почву для сближения с партией «Скрепленные стрелы». Поскольку в 1920 году Хорти был облечен лишь временными полномочиями регента, эрцгерцог интересовался, не поддержит ли Салаши

действия, цель которых — приход к власти Альбрехта Габсбурга? В случае успеха он, Салаш, будет вознагражден. Это предложение Салаша тогда отклонил, считая, что подобные действия Альбрехта означают измену.

По словам Салаша, он лишь совсем недавно узнал, что за несколько месяцев до 19 марта 1944 года на квартире Феликса Сентпирмаи* собирались политики правого толка, среди которых был и Бела Имреди, и вели переговоры с Везенмайером. Везенмайер задал им два вопроса. На первый вопрос, возможно ли в Венгрии сплочение правых сил, он получил положительный ответ. На второй — смогут ли эти силы прийти к власти без помощи извне — был дан отрицательный ответ. По мнению Салаша, результатом этих переговоров была последовавшая 19 марта оккупация Венгрии гитлеровской Германией. К этому сообщению Салаш добавил, что если бы он узнал об этих переговорах и их последствиях еще до 19 марта, то решительно бросился бы к главе государства, чтобы уговорить его воспрепятствовать намеченнной акции. Однако он скрыл от Хорти, что, когда уже после 19 марта один из представителей германской разведки в Венгрии Гёттель задал ему вопрос относительно целесообразности оккупации Венгрии, он ответил, что ее следовало бы осуществить сразу же после Сталинградской битвы.

Желая вызвать у Хорти недоверие к его приближенным, Салаш спросил регента, известно ли ему, что, пока он 18 и 19 марта был в Германии, те, кто теперь находится у власти, сидели в германской миссии и лихорадочно делали между собой посты. А он, Салаш, направил в этот момент Шандора Чия к регенту, чтобы заверить Хорти в непоколебимой преданности ему партии «Скрещенные стрелы».

Затем он спросил у Хорти, знает ли тот, что представители некоторых кругов заявляют, что оба они настроены против немцев. Тенденциозность этого вопроса очевидна. Из слов Хорти Салаш понял, что тот обижен на немцев, и хотел это использовать, изобразив дело так, будто и его считают противником немцев.

* Один из агентов германской разведки в Будапеште.—
Прим. ред.

В связи с этим Хорти заметил, что он не понимает до конца, что означает национал-социализм Салэши. Что касается слова «национал», то оно понятно, более того, «национальный» — единственная платформа, которую он признает как основу для действий; если же «социализм» означает, что государству следует оказывать помощь беднякам, то у него нет возражений. Но он против крайностей.

Итак, после того как Хорти встретился с Салэши, последний стал в глазах правых политической фигурой. И Салэши решил это обстоятельство выгодно использовать для себя, поскольку члены его партии были разочарованы тем, что после оккупации страны гитлеровцами к власти пришли не они, а две другие крайне правые партии. Хорти предупредил Салэши, что он не должен официально заявлять об их встрече; в дружеском же кругу он может лишь сказать, что поблагодарил регента за помилование, в результате которого осенью 1940 года был досрочно освобожден из тюрьмы, и о том, что они беседовали о внутриполитических проблемах.

Что же сделал Салэши? 13 мая он явился на прием к Везенмайеру и передал ему содержание своей беседы с Хорти. Обсуждая с ним внутриполитическое положение Венгрии, он высказал свои соображения о том, что вмешательство Германии создало основу для организации салашистских сил, что он готов принять участие в правительстве и в качестве минимального требования выдвинул бы обеспечение за его партией портфелей министров внутренних дел и обороны.

Салашисты и германские агенты

После встреч Салэши с Хорти и Везенмайером салашисты развернули бурную деятельность. Венгрия в этот период кишила германскими агентами, и салашисты нашли дорогу к ним.

25 мая 1944 года состоялась беседа Салэши с секретарем германской миссии Куртом Галлером,

советником Везенмайера по внутриполитическим вопросам, которому он сообщил сведения о некоторых лидерах профашистских группировок в Венгрии. Галлер поинтересовался у Салаши, может ли он и впредь обращаться к нему за информацией. Салаши заверил Галлера, что тот всегда может располагать им.

31 мая 1944 года Кемень встретился с Куртом Галлером, который спросил его, нет ли опасности, что Венгрия вдруг объявит о своем нейтралитете, на что Кемень ответил, что такая возможность исключается благодаря боевой милитаристской, героической позиции партии «Скрепленные стрелы», а также общности судеб обеих великих стран в Европе.

5 июня Габор Вайна у себя на квартире беседовал с доверенными лицами Гёттля.

6 июня Габор Кемень встретился в своем доме с Галлером и информировал его о политических и военных деятелях правого толка, попросив при этом сохранить его информацию в тайне.

7 июня Габор Кемень посетил пресс-атташе германской миссии Брунхофа, с тем чтобы получить у него разрешение на издание газеты. На возражение Брунхофа, что такого рода разрешения в Венгрии дают соответствующие венгерские власти, к которым и следует обратиться, Кемень заявил, что он отвечает за международные связи хунгаристской партии и поэтому обратится к венгерским властям за разрешением на издание газеты, после того как получит предварительное согласие в германской миссии. Одновременно в разговоре с Брунхофом он с ультраправых позиций подверг резкой критике существующий в Венгрии режим.

9 июня Кемень посетил Галлера и высказал ему свои соображения по поводу того, что в Венгрии необходимо держать за линией фронта большие контингенты германских войск, учитывая возможность саботажа и партизанского движения.

18 июня Габор Вайна при встрече с Гёттлем сообщил ему, что в случае необходимости Салаши готов выступить и против регента.

«Если бы регент занял позицию, противоречашую интересам нации,— сказал он,— в результате чего на карту было поставлено само существование венгерской

нации, Салаши выступил бы против главы государства».

Само собой разумеется, то, что следовало считать жизненными интересами нации, когда ставилось на карту само ее существование, Салаши определял сам. Гёттель спросил, каким образом Салаши будет вмешиваться в события, если он намерен оставаться только вождем партии, не занимая пост премьер-министра.

Таким образом, немцы считали возможным представление Салаши поста премьер-министра. Вот что по этому поводу сказал Вайна — будущий нилашитский министр внутренних дел: «Известно ли господам, кем был Аттила? Кнутом господним. Салаши также станет кнутом господа бøга в полном смысле этого слова, и никто никогда не будет знать, когда и куда он нанесет удар».

Пресмыкаясь перед гитлеровцами, нилашисты были готовы идти на любое преступление.

21 июня Вайна имел беседу с германским директором Дунайского пароходного общества Йожефом Урбаном, во время которой спросил его, смогут ли нилашисты получить моральную поддержку немцев, если Миклош Каллаи, бывший премьер-министр, нашедший убежище после событий 19 марта в турецком посольстве, будет выкраден оттуда «неизвестными» лицами. Урбан не одобрил этот план, поскольку осуществление его вызвало бы слишком много шума.

22 июня 1944 года состоялись новые переговоры нилашистов с Гёттелем. В них участвовали Эмиль Коварц и Пал Ваго. Когда германский агент предложил на пост премьер-министра Фиделя Палфи, нилашисты, разумеется, запротестовали. И не потому, что между ними и Палфи была особая разница в политических взглядах, просто Палфи имел свою фашистскую партию. К слову сказать, впоследствии в правительстве Салаши он получил портфель министра. Присутствующие упрекнули Гёттля в том, что немцы поддерживают Имреди. В свою защиту Гёттель заявил, что по сведениям, полученным в самых высоких инстанциях, у регента самое отрицательное мнение о Салаши.

23 июня Салаши написал памятную записку, которую 26 июня уполномоченный партии по зарубежным связям Габор Кемень передал в присутствии

Енё Сёллёши Везенмайеру. В этом документе, адресованном Гитлеру, Салаш, претендую на принципиальность, писал:

«Хунгаристское движение придерживается позиции, требующей венгеро-немецкой общности судеб по всем линиям,— общности, настоятельно диктуемой самой жизнью».

28 июня Кемень, Сёллёши и Вайна вели переговоры с германскими представителями Галлером, Брунходом, Нойгебойером и Фоке. Кемень передал Галлеру экземпляр пастырского послания венгерского кардинала Шереди и одновременно агентурные сведения на министров Ремени-Шнеллера и Иштвана Антала.

9 июля Габор Кемень встретился с Галлером и попросил у него разрешения на издание газеты своей партии.

21 июля руководители хунгаристской партии посетили Везенмайера, чтобы выразить свою радость по поводу того, что Гитлер остался жив после покушения, организованного на него 20 июля 1944 года.

22 июля Кемень донес Галлеру, что Геза Лакатош и его сторонники готовят путч. Он договорился с ним о том, что Вайна будет систематически сообщать такие данные, которые он бы вообще не получал или получал с опозданием, например информировать о некоторых политических кознях Каллаи.

25 июля Салаш посетил Везенмайера. В ходе их беседы личный уполномоченный Гитлера сообщил ему, что располагает весьма положительной информацией о Берегфи и знает также, что Берегфи — искренний приверженец «вождя партии». Оба они были максимально откровенны друг с другом, что в немалой степени способствовало окончательному решению всех вопросов.

28 июля Кемень передал Галлеру подготовленный Ференцем Салаш меморандум от 25 июля о переустройстве Европы.

Этот проект ставил своей целью не много ни мало как установление в Европе — в случае победного окончания войны — власти Гитлера; его заместителем по проекту должен был стать Муссолини.

10 августа Салаш во время беседы с Везенмайером передал ему список министров на случай смены власти в Венгрии, разумеется в пользу хунгаристов,

27 августа Кемень встретился с Галлером на квартире Вайны и сообщил ему, что предпринимаются попытки вывести Венгрию из войны. С этого момента нилашисты использовали любой повод, чтобы доказать немецким официальным и полуофициальным органам следующее: Венгрия готовится выйти из войны и этот акт может стать для Германии роковым. Немцы в своих же интересах должны воспрепятствовать этому. Единственная их опора в Венгрии — хунгаристская партия.

Плод созревает

С середины июля Салаши уже не верил Хорти, поскольку ему стало известно, что тот намерен поручить исполнение обязанностей премьер-министра Лакатошу.

После выхода Румынии из войны 24 августа Лакатошу было поручено сформировать правительство; и одним из первых мероприятий этого правительства явилось запрещение деятельности всех политических партий, в том числе и хунгаристской партии.

25—27 августа Габор Вайна ищет контакты с премьер-министром Лакатошем и начальником канцелярии регента Амбродзи, чтобы устроить для Салаши встречу с Хорти.

29 августа Хорти принял Салаши. Он сделал это для того, чтобы иметь возможность апеллировать к его патриотическим чувствам, «дабы он не совершил какую-нибудь глупость».

Амбродзи провел Салаши к Хорти и впоследствии так характеризовал лидера нилашистов: «Я ожидал увидеть человека худосочного, с горящим взором и фанатичным лицом, передо мною же предстал коренастый человек, с улыбкой на лице, похожий скорее на циника, чем на мечтателя. Увидев Хорти, Салаши стал горячо изливать свои чувства преданности регенту, а после аудиенции заявил, что уходит с незабываемыми впечатлениями».

Эту встречу, как и все беседы, касавшиеся его партии, Салаши подробно описал в «хунгаристском дневнике»: «Регент создает впечатление человека чрезвычайно нервного, суетливого, весьма беспокойного; руки его трясутся, ими он постоянно вытирает пот со лба. Он сдал еще в мае, но тогда был довольно спокоен; теперь Хорти, поставленный перед фактом принятия трудного решения, боролся со своими чувствами, он скорее старался убедить в правильности своей точки зрения самого себя, чем меня, «вождя партии».

Салаши заявил Хорти, что в сложившейся ситуации перед нацией должны быть намечены решающие цели и во главе государства нужно поставить такого человека, которому бы верили и его цели считали священными. Поэтому он предложил ему, регенту, возглавить нацию, а его опорой должна стать партия «Скрепленные стрелы», которая, по мнению Салаши, глубоко пустила корни во всех слоях венгерского общества. Эту партию он, ее вождь, вместе со своей персоной предлагает регенту.

Регент пропустил мимо ушей это предложение.

Салаши попросил у Хорти полномочий начать переговоры с руководителями партий относительно достижения с ними договоренности и предоставить ему потом возможность лично доложить регенту об их результатах. (Обычно переговоры с лидерами партий вел премьер-министр, назначенный регентом при формировании правительства.)

Регент не ответил п на это предложение. Тогда Салаши попросил Хорти дать свое согласие на то, чтобы он, Салаши, начал переговоры с ответственными лицами в правительстве в целях достижения необходимой консолидации сил и создания правительства на самой широкой основе.

Регент раздраженно прервал Салаши и стал резко критиковать германское военное руководство, особенно постоянное вмешательство Гитлера в дела военных. По словам Хорти, война, «к сожалению», должна скоро окончиться. Сделав ударение на слове «к сожалению», Хорти хотел подчеркнуть, что он считает поражение немцев неминуемым. Обстановка в стране критическая, продолжал Хорти, необходимо правительство сильной руки, заниматься политикой нет времени.

Это нужно отложить до того момента, когда русские не будут стоять у отрогов Карпат. Правительство, составленное по желанию немцев, потерпело фиаско, поэтому он создал правительство в первую очередь административного характера.

Салати заметил, что в стране «поговаривают» об антиконституционном ведении дел регентом.

Хорти ответил, что есть закон, который разрешает правление страной регентскими указами и постановлениями, и попросил руководителя хунгаристского движения оставаться вместе со своей партией в тени, соблюдая спокойствие.

Салати заверил регента, что его партия до сих пор соблюдала спокойствие и будет соблюдать его впредь, пока ее не спровоцируют, и попросил разрешения у Хорти побывать на приеме у Гитлера.

Регент не возразил, но попросил Салати не делать этого теперь, так как «вскоре все изменится и тогда станет ясно, что нужно делать».

В заключение, делая выводы о беседе с Хорти, Салати писал: «Он уже не верит в победу немцев и о дружбе с Германией говорит в прошедшем времени». «Вождь партии» был убежден, что «регент решился на серьезный шаг и в течение последующего месяца определенно будет ждать чего-то, возможно, поддержки англосаксов в выходе Венгрии из войны. Регент не хочет вести дела в конституционном порядке... Позиция регента облегчает положение партии хунгаристского движения».

Подготовительную работу салашисты вели и по другой линии.

20 апреля 1944 года из Германии вернулся Эмиль Коварц, который бежал туда 1 апреля 1941 года, дабы не отбывать пятилетний срок тюремного заключения*, и снова взял в свои руки дело организации хунгаристской партии. Этот человек, не останавливавшийся ни

* Коварц был одним из руководителей заговора, раскрытоого хортистской полицией в июле 1940 года. Заговорщики ставили своей целью похитить Хорти и заставить его не только амнистировать находившегося в тот момент в тюрьме Салати, но и назначить лидера пилашистской партии премьер-министром.—*Прим. ред.*

перед какими препятствиями, с не меньшей амбицией, чем вождь его партии, тоже стал рваться к власти.

17 февраля 1920 года Коварц, будучи шофером в особом белогвардейском отряде, участвовал в убийствах активистов Венгерской Советской республики, именно он сбрасывал их трупы в Дунай.

После запрещения деятельности всех партий в августе 1944 года Коварц получил от Салаши указание перевести партию на нелегальное положение. Под руководством Коварца на улицах, площадях, в корчмах стали собираться группы нилашистов. В это время Салаши сообщил Коварцу о том, что он ясно видит сферы влияния двух высокопоставленных представителей немцев в Венгрии — Везенмайера и Винкельмана. Поскольку Винкельман связан с вооруженными силами, Салаши поручил Коварцу устроить ему встречу с генералом, и Коварц сделал это.

30 августа Галлер встретился с Салаши в его квартире, где лидер нилашистов рассказал о беседе с регентом и изложил свои впечатления по этому поводу. Это было сделано с одной целью — вызвать у гитлеровцев недоверие к Хорти.

На следующий день Салаши, снова встретившись с Галлером, понтересовался, сообщил ли он Везенмайеру о приеме Салаши регентом. Одновременно он задал ему вопрос: сколько еще хунгаристской партии надо ждать? «Три недели», — передал Галлер ответ Везенмайера Салаши.

Накануне, 27 августа, на квартире Вайны произошла беседа Галлера, Габора Кеменя и Эмиля Коварца, во время которой речь зашла о готовящемся в стране путче с целью вывести Венгрию из войны. Коварц посоветовал Галлеру арестовать путчистов.

28 августа Кемень и Коварц, явившись к Галлеру, начали излагать новые домыслы о предполагаемом путче. На вопрос Галлера, достаточно ли сильна хунгаристская партия и может ли она действовать, Кемень ответил тоже вопросом: «Что вы, Галлер, имеете в виду: массовую демонстрацию или нападение на полицию?» Уйдя от прямого ответа, Галлер сказал, что «в теоретическом плане» нужно организовать нападение на полицию. Полиция вооружена лучше, чем армия, заметил Кемень, одпако баррикадные бои можно

было бы начать и народные массы приняли бы в них участие. (Кемень хорошо понимал, что хунгаристская партия не пользуется поддержкой народных масс, которые были бы готовы к баррикадным боям, однако он пытался заверить гитлеровцев в массовом характере движения).

Галлер заявил Кеменю, что немцы не могут дать им оружие, ибо оно нужно им самим, и посоветовал попробовать достать его где-нибудь в другом месте.

На вопрос Кеменя, не имеет ли Галлер в виду в данном случае жандармерию или армию, Галлер ответил: «Да!»

Кемень. Имеются части, которые могли бы перейти на нашу сторону, но все решает то, когда к их акциям подключатся германские вооруженные силы.

Галлер поинтересовался, может ли Салаши за 48 часов организовать эту акцию.

Кемень. Да, но только Салаши надо дать возможность предварительно выяснить ряд вопросов.

Зайдя к Везенмайеру, Галлер передал ему содержание беседы и пожелание Салаши, а затем, выйдя от него, уклончиво ответил, что «это были вопросы только теоретического плана».

31 августа Коварц сопровождал Салаши к Винкельману; их беседа состоялась с глазу на глаз. После окончания ее Салаши сообщил Коварцу, что он и Винкельман пришли к соглашению. Немцы не останутся в стороне, если в Венгрии произойдут события, подобные выходу из войны Румынии, они всячески помешают этому, введут в страну войска, в первую очередь танковые, и расположат их вокруг Будапешта, они имеют в резерве большое количество самолетов.

Салаши дал указание Коварцу разработать и согласовать с Винкельманом план насильтственного свержения правительства. В соответствии с этим указанием Коварц вступил в контакт с Винкельманом, который отдал распоряжение майору Крумхольцу обсудить с представителем Салаши детали плана.

10 сентября Везенмайер заявил Кеменю, что венгерское наступление в Южной Трансильвании потерпело неудачу, было бы лучше, если бы Хорти улетел в Швейцарию, и что начальник генерального штаба Янош Вёрёш — мошенник.

На это Кемень ответил, что Вёрёш такой же, как и остальные, и что, между прочим, он предлагал передать венгерские войска в Южной Трансильвании под командование немцев.

На следующий день Кемень во время беседы с Галлером заявил, что, поскольку на состоявшемся накануне заседании коронного совета было принято решение о выходе из войны, Салаши считает это решение необязательным для нации, а действия правительства и регента — антинациональными. Он намерен сформировать собственное правительство и немедленно взять власть в свои руки. Для этого, однако, требуется одно условие: немцы должны проявить инициативу в осуществлении необходимых политических и полицейских мероприятий, поскольку нилалисты, например, не могут арестовать премьер-министра.

Это первое и достаточно четкое признание нилалистской партии в том, что немцы — единственная сила, которая необходима им для создания правительства Салаши.

На следующий день состоялся новый разговор между Кеменем и Галлером. Кемень сообщил, что Салаши не собирается ждать краха хортистского режима — его только «могло бы вынудить к этому» (разумеется, со стороны немцев) — и что он, Салаши, хотел бы посоветоваться по этим вопросам с Винкельманом и военным атташе в Венгрии генералом Грейфенбергом.

На вопрос Галлера, нельзя ли обойтись встречей только с Везенмайером, Кемень ответил «нет», так как по политическим вопросам обсуждать уже нечего и Салаши считает необходимым проведение военной акции; проявления этой инициативы он ждет от немцев, поскольку начать ее один он не может. Галлер ответил весьма уклончиво, заявив, что внутриполитические проблемы в Венгрии должно решать наиболее жизнеспособное и сильное движение.

В ответ на это Кемень заметил, что от немцев постоянно слышишь одно: «Нужно ждать, ждать».

Таким образом, игра становилась все более ясной и со стороны гитлеровцев. Нилалисты торопили немцев, а те давали уклончивые ответы, продолжая в то же время стимулировать деятельность нилалистов, держа их в своих руках.

11 сентября после заседания совета министров, на котором был спят вопрос о заключении перемирия, несмотря на принятое накануне решение коронного совета, Салашি поспешил сообщить Галлеру, что он не считает более Хорти законным главою государства и намерен против воли регента взять власть в свои руки. Галлер спросил его, в чем проявились нарушения конституции со стороны Хорти. Салашি сказал, что Хорти трижды нарушил конституцию: а) при назначении Лакатоша он предварительно не посоветовался с руководителями политических партий; б) 11 сентября на заседании совета министров было принято решение о выходе Венгрии из войны без предварительного выяснения мнения народа об этом; в) третье нарушение конституции состоит в том, что Лакатош запретил деятельность политических партий.

16 сентября на квартире Винкельмана Салаши вел переговоры с генералом Грейфенбергом и, желая понравиться ему, заявил, что немцы вооруженным путем должны передать власть салашистам. Салаши сообщил, что в Венгрии имеется от 800 тыс. до 1 млн. человек, которых немцы могут использовать как солдат, и, если он, Салаши, придет к власти, эти люди будут предоставлены им для ведения тотальной войны.

Грейфенберг был обеспокоен событиями в Затисье, связанными с продвижением Советской Армии. И Салаши пытался успокоить его, заявив, что он и его организация будут начеку. В тот же день через Гера Салаши передал министру обороны Чатаи письмо, в котором предложил использовать нилашпистов для борьбы в тылу советских войск.

На другой день Кемень сообщил Галлеру, что к нем подключается и Райнппш и, таким образом, захват власти произойдет «на самой широкой национальной основе».

Кемень: Дальнейшее ожидание может нанести ущерб ударным силам. Твердо ли вы намерены оказать помошь правым силам в Венгрии?

Галлер: Это решает фюрер.

Кемень: Не удивляйтесь, если я буду постоянно торопить с решением данного вопроса. Это не отсутствие такта, а ясное понимание обстановки и веление

времени. Со своей стороны я всегда могу повторять лишь одно: *ceterum censeo*.

Всем, кто сдавал экзамен на аттестат зрелости в гимназии, было известно выражение «*Ceterum censeo Carthaginem delendam esse*». [«В остальном полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Этими словами заканчивал свои речи римский сенатор Катон старший.]

Председатель суда спросил Кеменя:

— Каково происхождение выражения *ceterum censeo*?

— Оно означает, что нужно решать.

— Нечего сказать, «образованный» министр иностранных дел,— сделал вывод председатель суда.

— У меня было «отлично» по латыни! — самодовольно заметил Кемень.

В двадцатых числах сентября Винкельман доложил Гиммлеру, что лучшим решением вопроса он считает захват власти Салаши вооруженным путем.

Чтобы осуществить насильственный захват власти, Салаши предложил следующее: а) вооруженные силы немцев должны сосредоточиться за армиями Миклоша в Карпатах и Вереша в Трансильвании, чтобы сделать невозможным для этих армий отход в глубь страны в случае, если Венгрия выйдет из войны; б) немцы должны арестовать премьер-министра; в) немцы вызовут регента в Германию, как они это сделали перед 19 марта 1944 года, и в его отсутствие производят в Венгрии большую чистку; г) вместе с партийными функционерами-нилашистами, которых немцы вооружат, они захватывают общественные здания и государственные учреждения; д) до этого желательно арестовать с помощью офицеров, верных Хорти, генералов Бакан и Харди.

Два дня спустя Салаши вновь задает Галлеру вопрос: «Почему нет решения в связи с обстановкой в Венгрии?»

22 сентября Габор Кемень сообщил Галлеру, что его призывают в армию и что он хотел бы уклониться от военной службы. Было решено, что Кемень добровольно вступит в ряды СС и тем самым будет освобожден от службы в армии. От частей СС он получит броню и для большей гарантии с 26 сентября под фа-

милией Фишера будет скрываться в здании, принадлежащем немцам.

В тот же день, 22 сентября, Галлер передал Салаши, что Везенмайер приглашает его на 26 сентября к себе. Везенмайер, вернувшись от Гитлера, сообщил Салаши, что Гитлер рассматривает его как единственное ответственное лицо в Венгрии. Посланник попросил Салаши немедленно переселиться в здание германской миссии, чтобы быть в безопасности. Салаши переселяется к Везенмайеру и показывает ему список членов будущего правительства. Начиная с этого дня и вплоть до 15 октября 1944 года, Салаши — «гость» немцев. Он заявляет Везенмайеру, что не придерживается принципа захвата власти конституционным путем; перед Государственным собранием этот вопрос можно будет поставить и потом, а Государственное собрание в Венгрии в прошедшие 25 лет всегда голосовало за тех, кто у власти. Он не сомневается, что так же произойдет и теперь.

Итак, решение вопроса о захвате власти теперь целиком зависело от гитлеровцев.

Эмиль Коварц начинает действовать

Одновременно с переговорами, которые Салаши вел с немцами по политической линии, он предпринял шаги для подготовки партии «Скрещенные стрелы» к насильственному захвату власти. Эту работу по договоренности с Винкельманом 31 августа Салаши поручил Эмилю Коварцу.

13 сентября 1944 года майор Крумхольц, майор жандармерии Гольдштейн и неизвестный офицер из окружения Винкельмана, а также Коварц и Салаши проводят очередное заседание. На переговорах, продолжавшихся до утра, были обговорены основы их взаимодействия.

Коварц пытался добиться от Винкельмана следующего: а) предоставления ему соответствующего помещения, где бы он мог спокойно работать и где бы

исключался случайный арест его венгерскими властями; б) обещания немцев иметь дело исключительно с руководством хунгаристской партии, ибо только в этом случае нилашисты могут взять на себя ответственность; в) перед началом операции немцы заблаговременно ставят нилалистов об этом в известность; г) гитлеровцы вооружают функционеров-нилалистов.

Немцы обещали удовлетворить требования рукоудителей нилалистов и предоставили Коварцу сначала здание командования немецкой дивизии в Хювешвельде — районе на окраине западной части Будапешта, — а затем, через десять дней, — школу на улице Пашарети, которую до этого занимала немецкая воинская часть. Освободив здание, немцы оставили свою охрану, чтобы представители венгерских властей не проникли к Коварцу.

Гитлеровцы предоставили в распоряжение Коварца военные машины, на которых руководители партии «Скрещенные стрелы» объезжали партийные организации в провинции и поддерживали связь со штабом Коварца.

Свои директивы нилалистским организациям в провинции штаб, опасаясь, что их пакеты могут быть вскрыты на почте соответствующими органами, рассыпал через немецкие воинские части.

Насильственный захват власти нилашисты предполагали осуществить следующим образом:

1. Используя армию. Это обеспечивал штаб Берегфи. Его связной подполковник Поржежипски доложил, что армия к этому подготовлена. По условному сигналу в воинские части и казармы прибудут венгерский и германский офицеры и обратятся к солдатам с призывом переходить на сторону пилалистов, убеждая, что сопротивление бессмысленно.

2. Подготовкой полиции и жандармерии к путчу занимался Габор Вайна. По этому вопросу он вел переговоры с немецким офицером, с которым его свел Коварц. Вайна также доложил Коварцу, что все те, с кем он постоянно поддерживал связь, к выступлению готовы.

3. Кадровыми вопросами в партии много лет занимался Чаба Гал. Он подготовил план, какие важнейшие

посты займет тот, кто перейдет на сторону нилашистов.

4. План государственного строительства, разработанный Вильмошем Дельником Кёфараго, ставил своей целью исключить после мятежа какие-либо помехи для выполнения правительством Салаша своей программы.

Наиболее важное, что нужно было осуществить в ходе путча, Эмиль Коварц взялся выполнить сам — обеспечить захват власти нилашистами в Будапеште. Разработанный Коварцем план состоял в следующем: запечатанные конверты с планом действий, которые полагалось знать только организаторам и руководителям партийных ячеек, должны были передать им по условному сигналу специальные люди. Коварц подробно расписал, как следует осуществить захват радиостудии, почты, телефонной станции, предприятий водоснабжения, газоснабжения, электростанций, железной дороги, трамвайного и автобусного транспорта и других жизненно важных объектов. Организация путча велась так, чтобы член одной нилашистской ячейки ничего не знал о деятельности другой. Руководителей ячеек вызывали по тревоге в различное время и в разные места, с тем чтобы и они не могли знать точное время начала путча. План действий нилашистов в Буде Коварц хранил при себе: именно здесь находилась их ставка, и он лично руководил действиями 15 октября. Коварц подготовил посыльных, которые по его сигналу должны были поднять по тревоге руководителей ячеек.

Крумхольц сообщил Коварцу, что важнейшие объекты (мосты и т. д.) будут захватывать немцы; потом они передадут их пилашистам, и те обеспечат их охрану. Будайский замок захватывает германская армия и будет удерживать его до тех пор, пока нилашисты не возьмут власть в свои руки.

Командир немецкой дивизии, разместивший у себя нилашистский штаб, попросил у Коварца план замка и сведения о его охране. Эту просьбу Коварц адресует нилашистски настроенным офицерам из личной охраны регента.

Скордени, с сентября 1944 года находившийся в Венгрии, пытался узнать, нет ли в замке тайных подземных ходов, через которые туда можно было бы не заметно пропихнуть.

План путча Коварц подготовил быстро, еще в сентябре; после доклада Салаши Коварц постоянно торопил немцев с началом акции, считая, что, чем дольше подготовленные им силы находятся в состоянии ожидания, тем меньше становится их способность к активным действиям.

Решающие дни

Итак, Салаши пребывал в здании германской миссии. Но чтобы как-то внешне показать, что он не находится целиком и полностью в распоряжении немцев, через несколько дней он переселился в помещение эсэсовцев на улице Вербёци. В «хунгаристском дневнике» свое переселение Салаши объясняет тем, что это «отвело бы подозрение в том, что все свои шаги он предпринимает при полном согласовании с официальными немецкими властями».

Все дни до 15 октября заняты активными переговорами. Везенмайер снова летит к Гитлеру. Салаши постоянно торопит гитлеровцев, считая, что они не должны медлить ни минуты. Те же уходят от прямого ответа.

2 октября Коварц доложил Салаши, что пришло решение Гитлера о захвате власти нацистами и что это решение на днях нужно провести в жизнь. Он получил текст военного приказа Салаши, с помощью немцев переправил его в Вену, и, отпечатанный там многотысячным тиражом, приказ 15 октября был разбросан в Будапеште.

В тот же день, 2 октября, Салаши встречается с Везенмайером и Винкельманом и узнает от Везенмайера, который вернулся из ставки Гитлера, решение фюрера: регент не может более оставаться у власти, его нужно отстранить, власть должен взять в свои руки Салаши. Винкельман предлагает план удаления Хорти из страны. Салаши же, однако, считает, что более целесообразно оставить Хорти в Венгрии, чтобы «на процессе большого национального предательства и измены

он мог сыграть роль главного свидетеля и сам бы себе вынес приговор».

4 октября Салаш представил Везенмайеру список членов будущего правительства нилалистов. Германский посланник сделал несколько замечаний, он не одобрил назначения Габора Кеменя министром иностранных дел, считая его слишком молодым и неопытным, и предложил на его место Ласло Сабо, бывшего посла при Муссолини. Назначение Кеменя министром иностранных дел Салаш объяснил тем, что тот полностью разделяет его мысли относительно будущего устройства Европы, где вопросами внешней политики станет заниматься Берлин, и поэтому венгерское государство не будет нуждаться в каком-то особо опытном министре иностранных дел.

Одновременно Салаш передал Везенмайеру два варианта подготовленного им плана захвата власти.

Не бездействовала и депутатская фракция партии «Скрещенные стрелы», всячески стремясь сорвать в парламенте заключение соглашения о перемирии. В конце сентября Енё Сёллёши получил от Салаши указание создать при содействии реакционно настроенных депутатов группировку с целью добиться запрещения ответственным лицам в государстве вести переговоры о перемирии без предварительного согласия на это Государственного собрания. Черновик политической платформы этой группировки был подготовлен Сёллёши, однако в окончательной ее выработке принял участие Ласло Бардоши. Председатель палаты депутатов Андраш Надь Ташнади предоставил в распоряжение этой группировки специальное помещение. На аудиенции у Хорти он высказал беспокойство относительно законности ведения регентом переговоров о перемирии.

4 октября Лакатоша посетили депутаты — члены Венгерской партии жизни Бела Лукач, Ференц Барцистарший, Ференц Жиндели и Иштван Кёльчей, которые заявили ему, что они хотят создать в парламенте партийный блок с участием нилалистов.

После разговора с ними у Лакатоша осталось впечатление, что такая группировка уже создана.

8 октября Салаш встретился с Везенмайером, и последний спросил его, не померен ли созданный из

депутатов Национальный союз парламентским путем произвести изменения в правительстве и передать власть Салаши. Салаши ответил, что это невозможно, так как большинство в парламенте преданно защищает интересы существующего режима, в лучшем случае инициатором этого может стать «сильное меньшинство» в парламенте и если немцы поддержат его, то этот план осуществим.

9 и 10 октября Салаши в новой беседе с Везенмайером и Галлером выразил недовольство тем, что все еще нет его официального признания; ведь если, как сообщил ему Везенмайер, Гитлер именно его считает ответственным за положение в Венгрии, почему же до сих пор ему не определен тот пост, на котором он мог бы действовать соответствующим образом? Венгрия может поставить миллионы центнеров зерна и мобилизовать в армию миллионы людей, заявил Салаши, и все это он намерен сделать для немцев. Они же должны установить режим с германской военной администрацией.

11 октября — новая встреча Салаши с Везенмайером; последний подтвердил, что Салаши в глазах Гитлера — единственное ответственное лицо в Венгрии. Венгрия будет вознаграждена за свои заслуги перед Германией, но время захвата власти не наступило. Салаши вновь проявил нетерпение, заявив, что начиная с 1 октября нилашисты готовы к прыжку и время для захвата власти наступило. Салаши просит устроить на следующий день встречу с Винкельманом. Германский посланник снова отдался молчанием.

14 октября Галлер, посетив Салаши, сообщил ему, что и в этот вечер беседа с Винкельманом не состоялась. Разговор зашел о том, что правительство делает попытки вывести Венгрию из войны.

За три дня до путча попытку добиться своего предпринял Национальный союз. Двенадцать членов этого союза во главе с его председателем Лайошем Сасом посетили Лакатоша, у которого в это время находились министр обороны Чатаи и министр иностранных дел Хеничи. Потерю родины, заявил Сас Лакатошу, можно предотвратить, только продолжая войну, которая будет обязательно выиграна союзными с Германией государствами. Находившийся в составе делегации Райшиш

зачитал прокламацию, в которой говорилось о целях Национального союза.

После того как была зачитана прокламация, написанная в вызывающем тоне, еще более резко выступил имредист Андор Ярош, заявивший, что Национальный союз приложит все усилия, чтобы сорвать попытки правительства вывести страну из войны.

Делегация задала Лакатошу вопрос: как обстоят дела с поездкой Фааго в Москву? Лакатош ответил, что ничего не знает об этом.

Ярош вновь угрожающе заявил, что «народ не позволит ступить на путь бесчестья; у нас не может быть выхода из войны, Венгрия не совершил предательства».

Таким образом, к 15 октября все было готово для насилиственного захвата власти нилалистами: жандармерия, полиция, партийный актив; был составлен текст манифеста регента об отречении от власти, продуман порядок ее захвата, в парламенте имелась группировка, поддерживавшая нилалистов. Последние ждали только нажатия кнопки, прйказа гитлеровцев и их вмешательства. Путч должен был начаться тогда, когда этого захотят немцы. А у немцев такое желание могло возникнуть лишь тогда, когда для них стало бы ясным, что с регентом больше нельзя иметь дело. Только по разрешению гитлеровцев и их распоряжению должен был прийти в действие весь нилалистский аппарат.

15 — 16 октября 1944 года

Похищение Хорти-младшего

15 октября утром Хорти-младший попросил у генерал-лейтенанта Лазара машину и телохранителей, заявив, что у него есть дело в Пеште. Несмотря на предупреждение генерала, что в столь смутное время рискованно куда-либо выезжать, к тому же скоро начнется коронный совет и сыну Хорти необходимо на нем присутствовать, Хорти-младший продолжал настаивать на своем; он не сообщил, какие именно у него дела, и сказал лишь, что не хочет использовать машину регента, поэтому поедет в одной из машин его охраны.

Генерал-лейтенант Лазар выделил для сопровождения Хорти-младшего трех телохранителей. Это произошло, как утверждал Лазар, примерно в половине десятого утра. Немного позже Лазар услышал стрельбу и взрывы. Затем появился один из телохранителей Хорти-младшего, который рассказал следующее: когда сын регента вышел из машины (двоих других телохранителей оставались в ней), он последовал за ним, сел на лавочку и стал наблюдать. Вскоре к нему подсели два немецких солдата-эсэсовца. Заметив в кустах других немецких солдат, телохранитель пошел к телефонной будке и подготовил 20 филлеров, чтобы набрать номер. Вдруг сзади на него напали люди в гражданском платье. Двоих он сбил с ног. В это время началась стрельба. Немцы дали автоматную очередь по машине. Находившиеся в ней телохранители приняли бой. Оба охранника были тяжело ранены. Один скончался на месте, другого отправили в больницу. Тот, кто доложил Лазару о случившемся, был ранен в руку. Все это происходило на перекрестке улиц Галамб и Папришта.

«Где находился Хорти-младший?» — спросил председатель коронного совета генерала Лазара.

«В конторе директора Пристани свободного при-
чала», — ответил тот *.

Лазар направил на место происшествия охрану, но Хорти-младшего там не оказалось. Начальник личной охраны Хорти доложил об этом регенту, для которого с этого момента ничего не могло быть более важным, чем спасение сына и семьи.

Последний коронный совет

14 октября 1944 года начальник канцелярии сове-
та министров Дюла Амброци дал указание государ-
ственному секретарю по печати Эндре Хлатки пребыть
к нему утром следующего дня, поскольку ему надо
было кое-что сообщить. Он распорядился также, чтобы
государственная типография была готова 15 октября,
то есть в воскресенье, печатать листовки.

15 утром Хлатки явился к Амброци и тот передал
ему прокламацию регента для зачтения ее по радио
после специального распоряжения, полученного по
телефону. Амброци договорился с начальником личной
охраны Хорти, чтобы тот выделил людей для охраны
Хлатки.

Затем начальник канцелярии подготовил программу
заседания коронного совета:

1. Сообщение регента относительно просьбы о пере-
мирии.

2. Опрос членов правительства: кто из них возьмет
на себя ответственность заключить перемирие.

3. Ознакомление присутствующих с прокламацией
регента.

* В это время в конторе находился подосланный гестапов-
цами провокатор, выдававший себя за представителя И. Броз
Тито. Обезвредив охрану, люди Скорzeni ворвались в контору
и захватили Хорти-младшего.— *Прим. ред.*

4. Ознакомление министров, взявших на себя ответственность за осуществление перемирия, с ходом переговоров по этому вопросу.

После 10 часов утра коронный совет начал работу. Кроме намеченной программы, он рассмотрел также ряд важнейших обстоятельств, возникших, как доложил за день до этого премьер-министр Лакатош Хорти, в связи с отставкой старого и образованием нового правительства. Регент, заявив, что он ведет переговоры о перемирии, попросил каждого высказаться, поддерживает тот его в этом или нет. В соответствии с предварительной договоренностью первым взял слово премьер-министр. Затем начальник генштаба Янош Вёрёш ознакомил присутствующих с военной обстановкой, подчеркнув, что советские войска одерживают победу в дебреценском сражении. После него выступили министры. Все это затянулось настолько, что времени для ознакомления с прокламацией и ходом переговоров о перемирии не хватило, так как в 12 часов прибыл Везенмайер, уже несколько дней добивавшийся встречи с Хорти.

После встречи с германским посланником Хорти принял присягу от нового правительства Лакатоша. В него вошли все те, кто дал согласие на ведение переговоров о подписании перемирия со странами антигитлеровской коалиции. Среди членов правительства были Лайош Ремени-Шнеллер и Бела Юрчек. Они также присягнули Хорти, а на следующий день эти двое стали членами правительства Салаша и присягнули ему.

Регент принял нового премьер-министра, министра иностранных дел и информировал их о ходе переговоров о перемирии.

Между 13 и 14 часами Хорти беседовал с Раном, который, судя по показаниям Везенмайера, ознакомил его с положением дел, после чего регент выразил сожаление о содеянном и обещал германскому диплату как-то поправить дело. Ран предложил Хорти заявить, что прокламация исходит не от него, а от кого-то другого. Тогда Хорти может остаться регентом, поскольку у него, Рана, есть возможность на некоторое время заставить немецкую прессу не сообщать о прокламации.

Офицеры нарушают присягу

После встречи с Хорти Везенмайер связался по телефону с командованием немецкой армии, где ему сообщили, что венгерский вопрос будет решен насилиственным путем, начало выступления — 16 октября в 6 часов утра. Для выполнения операции под кодовым названием «Панцерфауст» («Бронированный кулак») в Будапеште были подготовлены специальные части под командованием генерал-лейтенанта СС Бах-Залевски, в их состав вошли и подразделения Скордени.

Приблизительно в 13 часов в помещении узла связи генштаба, находившегося в здании министерства обороны, по соседству с замком Хорти, появились начальник узла связи подполковник Поржекински и капитан Багамери. Они отдали приказ дежурному офицеру старшему лейтенанту Балажу Чонтошу, поддерживавшему постоянную связь с тремя венгерскими армиями, ничего не передавать без их ведома.

Примерно в 14 часов от начальника генштаба поступило распоряжение для передачи его по телеграфу командующим 1-й и 2-й венгерскими армиями: «Немедленно приступить к выполнению приказа от 20 марта». Согласно этому заранее обусловленному приказу, генерал-полковники Бела Миклош и Лайош Вереш должны были установить контакт с Советской Армией. Однако офицер генштаба Капитаньфи забрал телеграмму, и обе армии так и не получили нужного сигнала.

Около 15 часов Винкельман провел Салаша к Везенмайеру, и тот сообщил лидеру нилашистов, что настало время боевой готовности. После этого в ставку Коварца прибыл посыльный от Салаша с приказом пачать акцию. Этот приказ Коварц распространил через своих людей в Пеште, что же касается Буды, то здесь по его указанию возле фуникулера на углу улиц Пашарети и Варошмайор сразу же стали собираться группы нилашистов по 30—40 человек; они останавливали машины и грабили их. Так началось их участие в путче.

С 17 до 19 часов немцы грузили на машины винтовки — 750 штук для людей Коварца и 750 — для

КЛБС, командование которого должно было выполнить задачи, поставленные Коварцем.

Несколько раньше с узла связи была отправлена телеграмма. Содержание ее сводилось к тому, что в регентской прокламации речь шла не о заключении перемирия, а о переговорах по этому поводу. Это означает, что борьба продолжается и тот, кто сложит оружие, подлежит немедленному расстрелу.

Подобную телеграмму можно было передать только по распоряжению начальника генштаба и за его подписью. Однако такой подписи под телеграммой не было.

Телеграммы были отправлены в 1-ю, 2-ю и 3-ю венгерские армии, их командующим генерал-полковникам Беле Миклошу, Лайошу Верешу и нилашистски настроенному генерал-лейтенанту Хеслени. От них требовали также, чтобы они заявили о своей позиции в этом вопросе.

Генерал-лейтенант Хесленн ответил, что он полностью одобряет текст телеграммы. Командующие 1-й и 2-й венгерскими армиями ответа не прислали, хотя их и торопили.

В половине шестого вечера из штаба 2-й армии попросили подойти к аппарату генерал-лейтенанта Ваттап, но генерал не явился, вместо себя он направил своего заместителя полковника Поганя. Командующий 2-й венгерской армии задал ему вопрос, что с регентом и его семьей. Погань сообщил, что с ними все в порядке. После этого генерал Вереш спросил, почему прокламацию регента следует понимать не так, как она прозвучала по радио. Однако он не получил ответа на этот вопрос. Разговор закончился заверениями Вереша в верности регенту.

Примерно в это же время в канцелярию регента позвонил заместитель Габора Фараго генерал-майор Темешвари, который высказал свои опасения по поводу возможного захвата немцами радиостудии. Ему было дано указание направить туда жандармов на грузовиках. Однако вскоре пришло сообщение, что немцы уже проникли в здание венгерского радио.

В одной из казарм Будайской крепости был размещен 2-й батальон 9-го полка под командованием подполковника Месароша. Когда генерал-лейтенант Лазар

позвонил в казарму и попросил проинформировать его о положении дел в подразделении, прaporщик, оставшийся там за старшего (остальные офицеры покинули место службы, выжидая, как будут развиваться события), отказался сообщить что-либо начальнику личной охраны Хорти. Лазар дал приказ арестовать его, но этого приказа никто не выполнил.

Около 16 часов Лазар направил офицера из личной охраны регента к командиру будапештского корпуса генералу Аггтелеки. Однако тому не удалось установить контакта с Аггтелеки, в штабе корпуса его задержали. Заместитель командира корпуса генерал-майор Хинди перешел на сторону нилашистов, отстрелил от командования корпусом генерала Аггтелеки и арестовал его.

А в это время по радио передавали приказ Яноша Вёрёша о дальнейшем продолжении войны и о том, что перемирие не означает прекращения вооруженной борьбы.

Ночные переговоры

Поздно вечером стало известно, что нилашисты и немцы захватили важнейшие объекты, а хортисты ничего не сделали для того, чтобы покончить со своей пассивностью. Когда по радио передавали обращение Яноша Вёрёша, Лакатош предложил Хорти обратиться к гитлеровцам с просьбой вернуть сына и генерала Бакаи. За это он должен был поддержать обращение Вёрёша и тем самым взять уже на себя объяснение того, что переговоры о перемирии до прибытия ответа русских не означают капитуляции, что войска должны продолжать боевые действия. Хорти принял его предложение, и Лакатош вместе с министром иностранных дел отправился в германскую миссию. Однако гитлеровцы отказались вести с ними устные переговоры по данному вопросу и потребовали письменного предложения. Лакатош вынужден был вернуться и продиктовать своему секретарю это предложение. Примерно в

21—22 часа он показал написанное Хорти, и тот все одобрил.

Около 23 часов Ваттаи, зайдя в кабинет Лакатоша, предложил в целях безопасности регента отдать последнего под защиту гитлеровцев, сохранив тем самым жизнь и ему, и его семье. Лакатош одобрил это предложение, но отказался быть посредником в этом деле. Тогда Ваттаи, Амброци и флигель-адъютант регента Тошт отправились к Хорти и заявили ему, что сопротивление бессмысленно, что даже час вооруженного столкновения может обойтись двумя сотнями человеческих жизней. По словам Амброци, Хорти и слышать не хотел о своем отречении. Он заявил, что вопрос о прекращении сопротивления должен обсуждаться с немцами Лакатош; он, Хорти, ставит лишь одно условие — с ним должны остаться его семья и сын, а также Тошт, Амброци, Ваттаи и Лазар. Гитлеровцы должны защитить его от мести нилашистов.

Ваттаи вернулся к премьер-министру и в присутствии Хеннеи и Чатаи передал ему содержание разговора с регентом. Лакатош связался по телефону с германской миссией; оттуда прибыл советник миссии Фейн. Премьер-министр сообщил ему условия регента, которые сводились к следующему:

1. Регент передает власть тому, кого рекомендуют представители Германии.

2. Себя и свою семью он отдает под защиту гитлеровцев.

3. В Германии должна быть прекращена всякая информация по радио и в прессе о прокламации регента, ибо грубый тон ответа Гитлеру сделал бы невозможным пребывание регента на территории Германии.

4. Немцы должны оградить регента от насильственных действий крайне правых сил.

Приближенные Хорти обсуждали все эти вопросы до половины пятого утра.

В 5 часов утра Везенмайер связался по телефону со ставкой Гитлера и сообщил условия регента.

Приблизительно в четверть шестого Фейн сообщил Лакатошу, что у него есть важные новости. Немцы получили приказ не применять оружия, следовательно, и Лакатош должен отдать такое же распоряжение.

И Лакатош отдал его, даже не убедившись в правильности сообщения. Фейн попросил Лакатоша прибыть в германскую миссию для срочных переговоров и предложил доставить туда венгерского премьер-министра на своей машине.

Примерно в это же время флигель-адъютант Тонти стал всех будить, сообщая, что готовится штурм дворца. Все его обитатели встретились на большой дворцовой лестнице, куда пришел и Хорти.

Члены семьи регента воспользовались подземным ходом, чтобы отдать себя под защиту нунция — постоянного дипломатического представителя римского папы. Генерал-лейтенант Лазар доложил по телефону Хорти, что немцы фаустпатронами подорвали ворота ограды с южной стороны замка и площади Себени, ранив нескольких охранников регента. Охрана открыла ответный огонь, и противник, потеряв несколько человек убитыми и большое количество ранеными, отступил. Вооруженные столкновения произошли и на других участках обороны замка.

Без четверти шесть Лакатош подъехал к германской миссии. Здесь его ждал Везенмайер, с которым они тут же отправились на машине в сторону замка в сопровождении двух грузовиков с немецкими автоматчиками. По дороге Везенмайер сообщил Лакатошу, что у них мало времени, жизнь регента в опасности, штурм дворца начнется в 6 часов утра. Удивленный Лакатош спросил Везенмайера: как же так? Ведь Фейн уверял, что вооруженного столкновения быть не должно. В ответ Везенмайер промолчал.

Заместитель начальника канцелярии регента полковник генерального штаба Имре Погань показал на следствии, что 16 октября 1944 года в половине шестого Ваттаи приказал ему собрать всех, в том числе обслуживающий персонал военной канцелярии, отправиться к главному входу и ожидать там дальнейших распоряжений. «Нужно быть готовым к тому, что замок вскоре подвергнется нападению», — сказал он. Погань выполнил приказание. Они спустились в холл главного входа. Рассветало. На улице стоял серый туман. Холл освещался слабо, и на лестнице было совсем темно. В человеке, стоявшем спиной к дверям главного входа, они узнали Везенмайера.

Появившийся через некоторое время премьер-министр Лакатош сообщил Везенмайеру, что вот-вот должен появиться Хорти. Когда Хорти подошел к Везенмайеру, тот сказал ему: «На мою долю, ваше величество, выпала неприятная миссия — поместить вас в безопасное место, поскольку через 12 минут начнется штурм замка».

Везенмайер сообщил Хорти, что Гитлер распорядился обеспечить Хорти «княжеский прием». Это устраивало регента Венгрии, поскольку его уже ничто не интересовало, кроме своей судьбы и безопасности семьи.

Таким был «герой-моряк», которому, как он любил говорить, «не положено первым покидать палубу тонущего корабля».

В обмен на «княжеский прием»

16 октября в 14 часов Лакатоша привезли в германскую миссию, где его приняли Фейн, Везенмайер и Ран. Гитлеровский дипломат довольно резко отчитал его.

«Сейчас половина второго,— заявил Ран.— До двух часов еще удастся удержать германскую прессу и радио от сообщений, позорящих имя регента. Гитлер обещал ему княжеский прием, однако это возможно лишь в том случае, если будут выполнены необходимые формальности».

На вопрос Лакатоша, что это за формальности, Ран ответил: а) письменное отречение регента; б) назначение Салаши премьер-министром; в) новое возвзвание регента, в котором было бы оговорено, что «вчерашняя прокламация появилась в результате злоупотребления моим именем».

Лакатош выразил сомнение в том, что регент согласится сделать такое заявление.

После этого Лакатоша отвезли во дворец Хатвань, где он сообщил регенту, что обещанный немцами «княжеский прием» возможен лишь в том случае, если он примет упомянутые выше требования.

В это время находившийся во дворце Хатвань флигель-адъютант Тошт пустил себе пулю в лоб. Именем он готовил шифрованные радиограммы во время переговоров о перемирии, держал связь с Москвой и расшифровывал прибывавшие оттуда телеграммы. Тошт был уверен, что гитлеровцы уничтожат его.

Возвратившись в германскую миссию, Лакатош сообщил, что регент намерен подписать документ об отречении и назначить Салаши премьер-министром. Гитлеровцы выразили пожелание, чтобы этот документ Лакатош подготовил вместе с Салаши. Лакатош ответил, что первые два требования должен обсудить и написать с Салаши Фейн, а за третье он берет ответственность на себя.

Гитлеровцы согласились с предложением Лакатоша, и Фейн начал переговоры с Салаши.

В 16 часов Лакатош приехал к Хорти и подписал документ об позывании возврата. Этот документ, по желанию Рана, был дополнен обращением к войскам, подписанным Хорти. В нем он приказывал продолжать вооруженную борьбу. В этот момент у Хорти было лишь два желания: вернуть сына и побывать в замке перед отездом из Венгрии, чтобы собрать вещи. Лакатош сообщил о желаниях Хорти гитлеровцам.

Когда Хорти вышел из комнаты, он столкнулся с ожидающим его Салаши, который хотел подписать бумагу об отречении регента от власти и своем назначении на пост премьер-министра, однако этой подписи он не получил.

Что касается Лакатоша, то примерно через час он получил от немцев ответ относительно просьб Хорти. Вердикт, они звонили Гитлеру. По их словам, Гитлер и Гиммлер обещали вернуть Хорти его сына. Везенмайер сообщил Хорти, что в 17 часов он может вернуться в замок, чтобы упаковать вещи.

Вечером 17 октября 1944 года Хорти отвезли на вокзал в Келенфельде. В этом будапештском пригороде его ждал специальный поезд. Вместе с женой, невесткой и внуком, а также сопровождавшими его лицами Хорти отправился в Вейлхейп, где ему и его семье был оказан «княжеский прием».

17 октября 1944 года — 5 мая
1945 года

Салапи объясняет...

Члены нового правительства, оказавшегося у власти, стали выступать с различного рода заявлениями. Так, в заявлении Ференца Райниша, переданном по радио, в частности, говорилось: «...Отказ от борьбы и ужасные последствия заключения перемирия означали бы полный подрыв сил нашего народа и рабство для нашей древней нации».

Не молчал и Салаши. 17 октября он сделал в прессе пространное «сообщение для нации», в котором пытался объяснить, чем был вызван пасильственный захват власти. «...Я считаю малыми все жертвы, принесенные во имя победы,— говорилось в сообщении.— В интересах родины мы с радостью готовы попести самые тяжелые жертвы. Мы сделаем все для уничтожения наших врагов — большевиков и англосаксов».

Бывший уездный начальник, затем лакействующий журналист Габор Кемень, заняв кресло министра иностранных дел, стал посыпать приветственные телеграммы главам государств, разумеется тем, с кем этот нилашитский министр иностранных дел поддерживал связь, и каждого, кому отсылал телеграммы, он заверял в своей верности. Естественно, что и он очень хотел слышать свой голос по радио и потому тоже выступал с заявлениями. Неважно, что слова, сказанные им, были брошены на ветер. Кемень заботился лишь о том, чтобы все его домыслы, прозвучавшие с высокой нилашитской трибуны, могли появиться в печати.

Министр внутренних дел Габор Вайна также посыпал в эфир многочисленные заявления о будущих планах нилашитов и заботился о том, чтобы вся его гипнотизация была подхвачена прессой.

17 октября «Будапештские ведомости» опубликовали следующее заявление Салаши: «Господин регент

удалился от исполнения государственных дел и принял к сведению отставку премьер-министра витязя Гезы Лакатоша и его правительства.

Учитывая обстановку и условия, требующие принятия чрезвычайных мер, он одобрил до урегулирования вопроса о главе государства план создания регентского совета из трех членов. До создания регентского совета, а также для внесения предложений относительно осуществления власти главы государства до момента законного принятия ее в качестве премьер-министра Венгерского королевства временно регентскими правами обладаю я, поскольку промедление может причинить тяжелый ущерб и поставить в опасное положение нашу нацию и нашу родину».

Бессспорно, что Хорти не поручал Салаши исполнять обязанности регента. Разумеется, Хорти и не мог дать такого поручения, поскольку это было не в его власти. Во время беседы Салаши с Хорти и речи не было о том, что для урегулирования вопроса о главе государства необходим регентский совет, так как создание его не предусмотрено венгерским законодательством.

В законе, принятом в 1937 году, подробно изложена процедура замещения поста главы государства при его освобождении. При отсутствии преемника власти права главы государства в ограниченных масштабах должны были передаваться Государственному совету, которому следовало подготовить выборы нового главы государства.

В тот же день, 16 октября, на свет появился за подписью Салаши документ о составе нового правительства, согласно которому «премьер-министр правительства Венгерского королевства, облеченный доверием временно решать дела главы государства, назначил министрами...» (далее шло перечисление фамилий министров и названия министерских постов).

Таким образом, Салаши назначил министров как глава государства, хотя сам он как премьер-министр никому не присягал (а по закону даже назначенный, но не присягнувший главе государства премьер-министр еще не имеет власти). Салаши же принял от членов правительства присягу, представляя в своем лице и премьер-министра, и главу государства.

17 октября 1944 года салашисты провели первое заседание совета министров, на котором был обсужден план работы правительства.

Венгерское телеграфное агентство сообщило по этому поводу следующее: «Члены правительства под председательством Ференца Салаши — председателя совета министров, облеченнего полномочиями временного руководителя государства,— во вторник, в час дня, провели первое заседание совета министров.

Совет министров составил план работы правительства, определил порядок и сроки выполнения задач до 1 января 1945 года. Далее он обсудил актуальные вопросы осуществления регентской власти. На первом заседании премьер-министр Венгерского королевского правительства, временно облеченный полномочиями руководителя государства, ознакомил правительство со своего рода программным документом».

В нем, в частности, говорилось, что «Салаши — единственно ответственное лицо за судьбу Венгрии». И это, пожалуй, убедительно доказывает, что именно Гитлер сделал Салаши главой венгерского государства.

В этом же документе Салаши утверждал, что получил от Хорти указание сформировать правительство и полномочия высшей военной власти. Одновременно он сделал заявление о душевном расстройстве Хорти. А это значит, что Хорти не правомочен был кого-либо назначать или давать ему поручения.

Салаши проговорился также о том, что, когда вечером 16 октября Хорти подписал манифест об отречении, самое большее, что он доверил ему,— ведение регентских дел, но не предоставил лидеру нилашистов своих прав главы государства и высшей военной власти. Это, однако, не помешало Салаши отстранить 16 октября генерал-полковника Белу Миклоша от командования 1-й венгерской армией, назначив на его место генерал-лейтенанта Деже Ласло. В документе же о смещении одного командующего армией с должности и назначении нового Салаши написал: «на основе предоставленных мне полномочий».

Салашисты, однако, быстро заметили, что в конституционном отношении ими допущены грубые ошибки. Сообщив официально о действительном положении вещей, они тем самым представили общественности доказа-

зательства о незаконном захвате ими власти. Поэтому 21 октября в печати появился новый план государственного устройства. Но и здесь не обошлось без казусов. Из документа вытекало, что Хорти поручил Салаши сформировать правительство лишь вечером 16 октября, а тот успел уже утром того же дня принять присягу от министров.

Заседание Государственного совета

Чтобы как-то «установить» свое новое положение, Салаш разыграл комедию с созывом Государственного совета. По закону 1937 года, в его состав входило семь человек: председатели верхней и нижней палат Государственного собрания, председатель совета министров, кардинал, председатель курии, председатель административного суда (или его заместитель), главнокомандующий вооруженными силами.

Государственный совет должен был провести выборы нового регента в течение восьми дней после освобождения поста главы государства.

Регент отрекся от власти вечером 16 октября, находясь с утра того же дня под «защитой немцев». Государственный же совет собрался лишь 27 октября, то есть через одиннадцать дней после освобождения регентского поста.

Его заседание открыл председатель верхней палаты барон Жигмонд Перени, который сообщил следующее:

«Причиной созыва Государственного совета является отречение регента Венгрии витязя Миклоша Хорти Надьбани от своего поста. Об этом он сообщил председателям обеих палат в письме от 16 октября 1944 года.

Документ об отречении был представлен председателями обеих палат 24 октября. В этот день заместитель председателя совета министров, показав оригинал документа, вручил нам его копию. Вот почему Государственный совет мы собрали только сегодня.

Как председатель верхней палаты, я с полной ответственностью утверждаю, что документ об отречении подлинный. Считаю необходимым остальным членам Государственного совета ознакомиться с ним. Прошу премьер-министра предъявить его».

Премьер-министр Салаш показал собравшимся оригинал регентского письма. После этого члены Государственного совета заявили, что у них нет сомнений в подлинности документа, а председатель продолжал: «То, что вы изволили видеть — письмо регента, — свидетельствует не только о его отречении, но и предоставляет полномочия Ференцу Салашу на формирование правительства национального единства.

Насколько нам известно, формирование правительства уже состоялось. Члены правительства принесли присягу премьер-министру, однако сам он до сих пор еще не присягнул. Прием присяги, наделение премьер-министра правами главы государства и тому подобное, несомненно, входит в круг обязанностей Государственного совета.

Поэтому я прошу премьер-министра присягнуть нам, а ведущего протокол члена Государственного совета Михая Якаба зачитать текст присяги».

Вслед за Якабом Салаш повторил текст присяги и поставил под ним свою подпись. Потом он взял слово по вопросу избрания Государственным советом нового главы государства. Салаш предложил перенести выборы регента, поручив ему временное исполнение обязанностей главы государства. В связи с этим он просил включить в протокол письменно сформулированное им предложение, и совет единогласно принял его, рекомендовав Государственному собранию продлить срок занятия регентского трона и предоставить право премьер-министру временно исполнять обязанности главы государства.

Что касается регентского письма, то необходимо заметить, что без скрепления подписью председателя совета министров оно не соответствовало конституционным требованиям. В этом случае членам Государственного совета следовало задать вопрос: если Хорти назначил Салаша премьер-министром, соблюдая все правила, то почему он не принял от него присяги? Другими словами, без присяги и подписи председателя совета министров на письме регента нельзя было считать Салаша премьер-министром Венгрии. Государственный совет должен был заметить также, что до тех пор, пока премьер-министр Геза Лакатош, который 15 октября вместе с новым составом правительства

присягнул Хорти, не был освобожден от своего поста или добровольно не отказался от него, не могло быть и речи о новом премье.

Государственный совет должен был знать, что в этом случае Ференц Салаши не имел права присягать ему в качестве премьер-министра, и члены Государственного совета должны были прекратить с ним какие-либо контакты.

Не на законном основании был образован и Государственный совет, так как выступавший в роли премьер-министра Ференц Салаши не был им. Тем более незаконным было участие в совете в качестве главнокомандующего Берегфи, которого назначил Салаши как лицо, якобы наделенное высшей военной властью. Государственному совету необходимо было принять решение о том, что без премьер-министра и главнокомандующего, назначенных на законном основании, он не имеет права проводить свои заседания.

Однако высочайшие персоны, блюстители венгерского законодательства ничего этого не заметили — вернее, не хотели заметить — и сделали все для легализации власти Салаши. Они признали законность документа об отречении регента и назначении Салаши премьер-министром.

Присягая Государственному совету, Салаши заявил, что наипервейшей его задачей будет «не ущемлять всех прав, свободы и территориальной целостности Венгрии». И это он говорил в тот момент, когда все права и свободы Венгрии были не только ущемлены благодаря его милости, но и полностью потеряны и полновластным хозяином в стране стал Гитлер.

Высочайшие персоны в Государственном совете, которых Хорти в свое время назначил председателями верхней и нижней палат, вторыми председателями курии и административного суда, которые получили от него много почестей и наград, присягали и клялись регенту, теперь, не раздумывая, оказывали главарю шайки авантюристов услуги, создав видимость законности его власти. Среди этих высокопоставленных мужей не нашлось ни одного, кто бы высказался против парашения законности и покинул заседание Государственного совета.

Правление Салаши

20 октября в «Будапештском вестнике» был опубликован указ о введении в стране осадного положения. По приказу Салаши начались облавы, тысячи прогрессивно настроенных людей отправляли в Комаром, где их передавали гитлеровцам, а те заточали депортированных из Венгрии лиц в лагеря смерти Дахау и Мauthаузен.

На судебном процессе министр внутренних дел салашистского правительства Габор Вайна показал, что во второй половине ноября его вызвали с заседания совета министров. Статс-секретарь министерства внутренних дел Ладаи и полновластный начальник Организации национального возмездия полковник жандармерии Норберт Оренди сообщили ему, что раскрыт крупный заговор военных. Возможно, ночью заговорщики, планировавшие открыть фронт перед наступавшей Советской Армией, будут арестованы. Вернувшись на заседание совета министров, Вайна сообщил об этом Салаши и Берегфи.

Организация национального возмездия была центральным органом государственной безопасности в министерстве внутренних дел. Ее власть распространялась на политических деятелей и даже на военных высокого ранга. К тому времени, когда начальник этой организации сообщил Вайне о заговоре, аресты уже начались. Был арестован и видный прогрессивный политический деятель Эндре Байчи-Жилински, хотя он обладал депутатской неприкосновенностью.

Дела арестованных передали особому трибуналу, созданному при министре тотальной мобилизации Эмиле Коварце. Этот трибунал, как позднее сообщило Венгерское телеграфное агентство, «7—8 декабря приговорил к казни через повешение генерал-лейтенанта в отставке Яноша Киша, полковника Енё Надя, подполковника инженерной службы Пала Алмашши, офицера генерального штаба капитана в отставке Вильмоша Тарчай, капитана в отставке Кальмана Ревая и Мишоша Маккаи. Указанные лица под руководством Эндре Байчи-Жилински и ныне скрывающегося Зол-

тана Тильди в октябре — ноябре 1944 года принимали участие в движении Сопротивления и в Венгерском фронте, целью которых было свержение правительства и главы государства, подготовка территории и проживающего на ней населения для захвата ее противником».

Народный суд по делу военных преступников пытался установить, на какой правовой основе был создан и действовал этот трибунал. Заместитель премьер-министра в салашистском правительстве Сёллёши заявил по этому поводу: «Ни закона, ни указа о создании трибунала издано не было».

Салаш договорился с немцами о том, чтобы взорвать будапештские мосты и помешать дальнейшему продвижению советских войск, хотя в это время Будапешт уже был окружен, советские части и так находились на другой стороне Дуная и эта акция никакого практического значения не имела бы.

В начале февраля 1945 года по приказу Салаша была проведена большая облава на лиц, уклонявшихся от военной службы. По донесению генерал-лейтенанта Финта, было схвачено 996 дезертиров, 2325 солдат, находившихся вне части, 4125 человек, укрывавшихся от призыва, 64 рабочих с военного производства, 129 лиц, уклонявшихся от работы на военном производстве, 5 партизан. 150 человек были казнены без суда и следствия.

Была создана венгерская эсэсовская часть; вступавшие в нее лица должны были на немецком языке давать клятву «верности верховному главнокомандующему Адольфу Гитлеру и вождю венгерской нации Ференцу Салаши».

Итак, в деле «защиты венгерской свободы» Салаш докатился до того, что заставлял венгерских солдат зачитывать текст присяги сначала на немецком, потом на венгерском языке. Сначала эсэсовцы давали клятву германскому фюреру и только потом — Салаши.

В январе 1945 года Салаш находился около Шопрана в Бренненберге. В этом пограничном с Австрией населенном пункте он продолжал разыгрывать роль главы государства. По его приказу планировалось ежемесячно проводить заседания коронного совета. Салаш устанавливал процедуру их проведения: как

оформить помещение, как рассадить министров, которые были обязаны присутствовать на каждом заседании и вставать при появлении в зале Салаши. Все должно было быть «по-королевски».

А в это время партийные функционеры, вооруженная охрана нилаштистов, особый отряд Организации национального возмездия и прочее нилаштистское отребье грабили и убивали людей. Нарушения законности приумножало своей деятельностью и министерство внутренних дел.

Эшелонами вывозил Салаши в Германию государственные ценности. За это отвечал генерал-лейтенант Маркоцзи.

29 марта 1945 года он докладывал министру внутренних дел в правительстве Салаши о том, что, начиная с 20 октября 1944 года и по 13 марта 1945 года, на территорию Германии венгерские транспорты с грузом прибывали в следующем количестве: с 20 октября 1944 года по 6 января 1945 года — 977 эшелонов, с 6 января по 25 февраля 1945 года военные материалы — 10 эшелонов, боеприпасы — 8 эшелонов, различные материальные ценности — 122 эшелона, всего 140 эшелонов. С 25 февраля по 13 марта 1945 года различные материалы — 12 эшелонов; подобным образом из Венгрии вывезено 314 барж с материальными ценностями — всего 1167 эшелонов, примерно 55 тыс. железнодорожных вагонов. В это число не входят материальные ценности, вывезенные на автомашинах, а также реквизированные армией, о чем у отдела сведений не имеется.

22 декабря 1944 года Сёллёши доложил Салаши, что ценности венгерской короны спрятаны в подвалном помещении женского лицея евангелистской церкви города Кёсега и что их сохранность в случае бомбежки не гарантирована. Он просил указать подходящее место для их хранения. Салаши распорядился отправить ценности в Велем, где находилась его резиденция. Отсюда они в тот же день были отправлены дальше, поскольку Салаши 27 марта покинул страну.

6 января 1945 года Гитлер поздравил Салаши с днем рождения. В ответной телеграмме Салаши написал: «Хунгаристская Венгрия твердо решила отдать

все силы общей борьбе и вести ее с непоколебимой верой в победу».

По приказу этого гитлеровского холуя все мирное население до семидесятилетнего возраста подлежало мобилизации на оборонные работы и военное производство, в армию забирали юношей из военизированной организации «Левенте». Многим из них не было и шестнадцати лет. За малейшее сопротивление или нежелание подчиниться приказу Салаши людей арестовывали и расстреливали. Не задумываясь о последствиях своих преступлений, Салаши 28 февраля 1945 года заявил в своей штаб-квартире: «За все аресты, прошедшие до сих пор, отвечаю я один. Я просил бы учесть каждого, что, в какой бы форме меня ни привлекли к ответственности, в том числе и за мою предыдущую деятельность, эту ответственность я беру на себя».

Тогда эти словаозвучали очень красиво, но они застряли у Салаши в горле, когда ему на самом деле пришлось нести ответственность перед Народным судом за свои злодеяния.

Мечта Салаши осуществляется

4 декабря 1944 года Гитлер наконец принял Салаши. «Вождя нации» сопровождали Берегфи и Кемень. С немецкой стороны в переговорах участвовали Гудериан и Кейтель. Гитлер успокоил нилалистов, заявив, что отбросит русских до Карпат, что решающий удар по русской армии будет нанесен им на венгерской равнине, однако пока он не располагает силами, которые можно было бы выделить, чтобы вернуть территории, занятые русскими.

Берегфи вел переговоры с Гудерианом, и тот сказал, что весной 1945 года немцы начнут борьбу за Венгрию. Все, что говорил Гитлер, у Салаши не вызывало сомнений. Его мечта осуществилась, его принял сам фюрер!

Во время беседы с Салаши Гитлер много говорил о дальнейшем ходе войны. Лидер нилашистов старательно записал выступление фюрера и, вернувшись домой, ознакомил с ним свое окружение.

Он сообщил, в частности, следующее: «Гитлер в общих чертах охарактеризовал мощь нового оружия. Он говорил о новых подводных лодках, которые поступят на вооружение весной будущего года и нанесут противнику потери, значительно большие по сравнению с теми, которые наносили немецкие подводные лодки в самые удачные для Германии месяцы. К тому же новые подводные лодки неуязвимы. Он говорил о новой ракете-снаряде, действие которой очень эффективно, а дальность полета не зависит от места и времени. Он отнес это оружие к типу «Фау». Гитлер говорил о новых типах самолетов, средняя скорость которых от 1000 до 1200 км в час. Гитлер упомянул также о новых танках, противотанковых орудиях, особенно похвалил он модернизированные фаустпатроны, которыми в германской армии будет снабжен каждый солдат. Он заявил, что имеется не только новое оружие, но и средство его самоуничтожения. Ведь в случае захвата новое оружие может быть легко скопировано».

12 декабря министр внутренних дел Вайна нанес визит Гиммлеру, который заверил его в том, что на Рождество 1945 года, то есть ровно через год, салашисты будут праздновать победу «в своей великой Венгрии».

Предсказание Гиммлера отчасти оправдалось: на Рождество 1945 года Салаши и его сообщники действительно были в Венгрии. Но не дома, а в тюрьме, ожидая расплаты за совершенные злодеяния.

Нилашистские главари грызутся

Одновременно с ухудшением обстановки на фронте обострялись отношения между министрами и военным руководством. Сваливая ответственность друг на друга, они ревниво следили за тем, чтобы кто-либо из

них не занял более выгодных позиций в правительстве.

Отвечая на реплику министра промышленности, брошенную им на регентском совете 26 января 1945 года в адрес военного руководства, генерал Берегфи написал в специальному письме к нему: «...Решительно отвергаю ваше необоснованное заявление о том, что большая часть старой армии отказалась служить!»

Министр промышленности ответил на письмо Берегфи с большим опозданием, 28 февраля 1945 года: «Поскольку любой ответ на послание министра может лишь помешать созданию атмосферы согласия и взаимодействия между нами, я доложил вождю нации, что не воспользуюсь правом ответа на ваше послание, господин министр».

Итак, министр промышленности не забрал своих слов назад. Своим выступлением на регентском совете и отказом дать ответ Берегфи он подтвердил свое заявление о том, что венгерская армия не хочет больше воевать.

Подобные выводы неплохо было бы сделать и «вождю нации», и министру обороны. Однако для них в тот момент самым важным было продлить власть, вернее, ее видимость.

Берегфи давно было ясно, что армия не хочет воевать. Это видно из его послания салашистскому политическому руководству. «Принятые мной 15 октября части и подразделения действующей армии,— писал он 22 декабря 1944 года,— все без исключения физически измотаны, духовно подорваны; среди личного состава царят неуверенность и уныние, войска ненадежны».

Вскоре началась грызня и между высшими чинами армии. 23 апреля группа генералов во главе с командующим ВВС генерал-полковником Кальманом Тернегром потребовала отставки министра обороны. Прочитав их меморандум, генерал-полковник Берегфи заявил, что отказывается не только от поста министра, но и от участия в регентском совете и что об этом он сообщит на следующий день «вождю нации».

Через два дня, 25 апреля, в 10 часов Берегфи пригласил к себе генералов и заявил им следующее: «Я просил отставки у вождя нации, однако он отклонил мою просьбу; итак, я остаюсь на своем посту».

Далее Берегфи сообщил, что Салаши приказал всех генералов, вручивших меморандум министру обороны, не только освободить от должностей и отправить на пенсию, но и начать против них судебное разбирательство.

Итак, как мы видели в первый момент, Берегфи испугался настолько, что заявил об отказе не только от военного поста, но и от гражданских обязанностей в регентском совете.

Затем появляется «вождь нации», который может отдать любое распоряжение, однако не имеет власти, чтобы добиться его выполнения. Поэтому комедия продолжалась, о чем свидетельствует протокол заседания регентского совета от 27 апреля 1944 года. В нем говорилось, что решение Салаши отстранить генералов с 24 апреля с занимаемых постов следует считать недействительным. Все должны оставаться на местах и выполнять свои функции.

Когда Салаши и Берегфи поняли, что их приказов никто не собирается выполнять, они попытались выбраться из создавшегося положения. Берегфи, желая завоевать авторитет у офицеров, представил дело таким образом, что именно ему они обязаны тем, что их не осудили на смерть, что это он, Берегфи, сделал специальное представление Салаши и тот, смилившись, утвердил его.

После всего этого смешно звучит сделанное 1 мая 1945 года очередное заявление Салаши о том, что «он не откажется от своего поста и своих прав. Не подчинится насилию. Только парламент может лишить его должности и звания вождя нации».

Лихорадочная мечта Салаши

Салаши считал Гитлера своим идолом.

Гитлер был фюрером, имперским канцлером, то есть главой государства и премьер-министром, и Салаши назвал себя «вождем нации», исполняя обязанности главы государства и премьер-министра.

По примеру Гитлера, который ввел приветствие «Хайль Гитлер!», то есть «Да здравствует Гитлер!», Салаши также ввел фашистское приветствие: «Выдержанка! Да здравствует Салаши!»

Гитлер сделал свастику символом фашистской Германии, и Салаши ввел свою свастику, скрещенные стрелы.

Члены гитлеровской партии носили коричневые рубашки, Салаши же одел своих приверженцев в зеленые рубашки.

Гитлер объявил о превосходстве немцев над всеми народами Европы, и Салаши провозгласил превосходство лиц венгерской национальности на его так называемой великой карпатско-дунайской родине.

Подобно Гитлеру, отправлявшему в концентрационные лагеря участников рабочего и профсоюзного движения, уничтожавшему прогрессивно мыслящих людей, Салаши заточал в тюрьму и отдавал под суд трибунала демократически настроенных венгров. Нацистские функционеры расстреливали свои жертвы без суда и следствия и сбрасывали их в Дунай. Так же как и Гитлер, который проводил политику преследования и уничтожения евреев в Германии и в других по-рабощенных им странах, Салаши, уничтожая в Будапеште лиц еврейской национальности, продолжил политику, которую начал Хорти, отправлявший сотни евреев в газовые камеры концлагерей.

Если Гитлер много лет состоял в связи с Евой Браун и не женился на ней, считая, что политик-холостяк пользуется большей популярностью среди женщин, то и Салаши жил с Гизелой Лутц, не вступая с нею в законный брак.

Если Гитлер 30 апреля 1945 года совершил самоубийство, то и Салаши... Ну нет! В этом отношении Салаши не последовал примеру своего кумира. Он надеялся скрыться и спастись.

Вернемся к тому, что же должна была представлять собой «великая карпатско-дунайская родина», которую Салаши лихорадочно мечтал создать наподобие гитлеровской «великой германской империи».

Из расовой теории Салаши извлек, что венгерская нация — «самая высшая» в Дунайском бассейне. Именно ей, заявлял он, предназначено создать здесь

империю и руководить остальными пакиями. Салаш провел так называемые «расовые изыскания», согласно которым человек имеет 64—67 признаков, позволяющих, по его мнению, точно определить расовую принадлежность каждого.

«Расовые изыскания,— заявил Салаш на следствии,— органическая часть хунгаристской идеологии. Они велись по моей инициативе. Практические шаги, сделанные моими последователями по определению расовой принадлежности, осуществлялись по моему предложению о необходимости антропологического контроля».

«Антропологический контроль» Салаша позволял установить о каждом все, что было выгодно нилашистам, поскольку право окончательного решения Салаш оставил за собой.

На службу расовой теории была поставлена и филология. Нилашисты употребляли слова и выражения, которые, по их мнению, напоминали об обычаях древних венгров, например «засека», «совет вождя нации», «особый отряд возмездия», «великая карпатско-дунайская родина» и т. д.

Салаш страстно мечтал о создании империи, простиравшейся от Карпат до Средиземного моря. Населить ее должна была так называемая хунгаристская нация, а управлять ею, по примеру римских императоров, должен был он — диктатор Салаша.

Портрет Салаши

Сумасшедший или идол?

Многие, имея в виду Салаши, задавали этот вопрос. Те, кто критически воспринимал искусственно сманипулированные им в явном стремлении сделать непонятными словообразования, полагали, что только сумасшедший может говорить так ужасно, почти не понимая венгерски, хотя и используя лексику венгерского языка. Приверженцы же Салаши, усматривавшие в его сумбурных выражениях какой-то неземной смысл и не осмеливавшиеся признаться в том, что не понимают его высказываний, слепо следовали за Салаши, превращая его в своем фанатизме в идола.

Салаши не был ни сумасшедшим, ни идолом. Салаши был одержимым человеком,— одержимым жаждой власти. Любые его действия и выступления можно легко и быстро объяснить, если видеть за ними именно эту причину. Чтобы осуществить свою цель — добиться власти,— он не брезговал никакими средствами. В своей речи общественный обвинитель чрезвычайно метко сравнил Салаши с офицером австро-венгерской армии Хоффрихтером, который посыпал отправленное печение сослуживцам-офицерам, имевшим более высокий чин, чем он, с тем чтобы по их трупам подняться по служебной лестнице. Военная карьера Салаши оборвалась, когда он имел чин майора генерального штаба; Салаши гордился своей отличной офицерской аттестацией, полагая, что достоин более высокого ранга, и он решил шагать по трупам, чтобы достичь более высокого чина.

На пути к достижению своей цели он был беспощаден. 19 марта 1944 года у него созрела мысль, что в случае прихода в страну немцев коммунисты могут активизироваться. И он записал в своем дневнике, что, если это произойдет, он со своей партией потопит коммунистическое движение в крови.

Придя к власти, Салаши отдал жесточайшие приказы о ликвидации движения Сопротивления. Именно он распорядился публично вешать его участников на

площади Верmezё*. Осуществить это ему помешала лишь сложившаяся к тому времени военная обстановка. Чтобы как-то продлить свою власть, он принес в жертву молоху войны все людские и материальные ресурсы и дошел до того, что стал призывать в армию детей.

Чтобы добиться власти, Салаши, когда нужно было льстить — льстил, нужно было обманывать — обманывал. Не гнушался Салаши и доносами. После 3 апреля 1944 года, например, когда Везенмайер впервые допустил его к своей особе, в венгерской политической жизни не было ни одного значительного, с точки зрения нилалистов, события, о котором Салаши немедленно не доносил бы немцам.

Салаши страдал манией величия: всем своим видом он изображал личность особую; на его лице постоянно было выражение превосходства. Оказавшись у власти, Салаши стал проявлять уже не регентские, а королевские замашки. Он создал коронный совет, назначил при своей персоне министра, ввел приветствие «Выдержка! Да здравствует Салаши!», потребовал, чтобы у всех на устах было его имя, распорядился написать «марш Салаши» и постоянно передавать их по радио. Внес изменения в венгерский государственный герб, в который поместил нилалистский символ — скрещенные стрелы и букву «х» — начальную букву слова «хунгарпэм». Сохранил личную охрану регента, окружил себя парадными атрибутами — в общем, вел себя, как ведет высокочка, пытающийся прикрыть свое внутреннее убожество внешним блеском.

10 июля 1945 года американцы сфотографировали Салаши, согласно существующему в тюрьмах порядку, и присвоили ему номер В-1121.

Но и тогда он продолжал вести дневник и делал в нем записи, рассчитанные на то, чтобы вызвать к себе расположение американцев, будучи твердо уверенным, что его записи обязательно попадут к ним. В частности, в тот день он отметил, что его могут отдать под суд. По отношению к своей персоне он считал компетентным лишь международный суд.

* Верmezё — площадь в Будапеште, в переводе — «Кровавое поле». Это название площадь получила после казни в 1795 году участников заговора венгерских якобинцев.— Прим. ред.

Что же касалось предания его международному суду, то, по его мнению, с такой инициативой могло выступить лишь государство, которое признано Ватиканом, Лондоном, Москвой и Вашингтоном. В связи с подобной инициативой, которая могла быть проявлена, он выдвигал такой аргумент: «Помимо всего прочего, мне присягало правительство Венгрии». Разумеется, присягнувшее ему правительство, считал Салаш, не станет возбуждать против него дело в международном суде!

9 июля 1945 года, отмечая в дневнике, что машина, в которой находились венгерская корона и драгоценные коронационные атрибуты, исчезла и ее наверняка реквизировали американцы, Салаш писал: «Констатирую, что об угоне грузовой машины я ничего не знал; о подобном намерении меня предварительно не проинформировали ни американцы, ни венгры». Американцы допустили оплошность: они, видите ли, не спросили у Салаша разрешения, тем самым проявив презрение этикета, принятого при королевских дворах.

Подобный, основанный на мании величия склад ума свидетельствует о том, что Салаш не был способен трезво рассуждать. Он мог лишь командовать и приказывать, но был не в состоянии логически мыслить, хотя принцип фюрерства признает лишь одну единственную мыслящую личность, лишь одну-единственную волю и исполнительную силу — вождя.

Пророчества Салаша. Истинно великие государственные деятели умели «предсказывать» судьбы своих народов. Эта способность не сверхъестественна, она не имеет ничего общего с гаданием авгуром на внутренностях убитых птиц и животных, а представляет собой анализ известных, объективных и реально оцениваемых фактов и извлечение из них соответствующих выводов.

Предсказаниями пытался заниматься и Салаш.

Выступая 9 января 1943 года, он заявил: «Минувший год оказался для нас в европейском географическом пространстве крайне неблагоприятным. Но все это позади. Кризисов больше не будет... Агония Советов даст возможность совершил возмездие в кратчайшие сроки».

Достаточно было бы сторонникам Салаша лишь раз задуматься над его предсказаниями, сделанными им

в 1942 и 1943 годах, как все опи тотчас же отвернулись бы от своего «оракула», понятия не имевшего о том, как сложатся события. Но Салаши в той же речи 1943 года в своих предсказаниях идет еще дальше. «1942 год действительно был решающим годом,—говорит он,— особенно для Советов и для Британской империи, поскольку де-факто они уже перестали существовать и остается лишь закрепить это положение де-юре, но за этим дело не станет».

«Бедный» Советский Союз и «бедная» Англия, которые в 1943 году в глазах Салаши уже не существовали! Остается лишь удивляться, каким образом армия «не существовавшего» Советского Союза достигла в 1944 году территории Венгрии, а союзные войска, в том числе и британские, высадились во Франции и изгнали гитлеровцев из Франции, Голландии и Бельгии. И если бы Салаши подумал над этим, то, возможно, у него возникло бы сомнение в своих способностях все знать и предвидеть, равно как и в своем призвании править Венгрией.

Религия и семья

Судя по дневнику Салаши, он любил свою мать и жену. Однако надо признать, что эта любовь Салаши, по крайней мере к жене, не была свободна от определенных влияний.

Его связь с Гизеллой Лутц началась еще в двадцатые годы. Как показала Гизелла Лутц при опросе свидетелей, она тоже была членом партии «Скрещенные стрелы», однако никакой работы в партии не вела.

Она объяснила, что вступить в законный брак они не могли из-за того, что офицер генерального штаба в случае женитьбы обязан был внести денежный залог в 100 тыс. крон. Офицеры лишь тогда получали разрешение на вступление в брак, если имущество или доходы будущей жены позволяли обеспечить прожиточный минимум, достойный офицерской семьи соответствующего ранга. Этой цели и служил «залог», проценты с которого вместе с офицерским содержанием

гарантировали соответствующий уровень жизни этих господ. Однако Гизелла Лутц сознательно обманывала себя, утверждая, что отсутствие крупного состояния помешало Салаши жениться на ней, ибо в начале тридцатых годов Салаши уже не был кадровым офицером и ему уже не надо было вносить залог.

29 июня 1945 года, находясь в американском плену в Аугсбурге, все еще продолжая изображать из себя «вождя нации», Салаши написал: «При переустройстве страны в духе хунгаризма в план хунгаристского университета я включил строительство грандиозного собора с пятидесятиметровой статуей Христа».

Салаши отлично сочетал строительство собора на бумаге с интернированием епископа на деле. Из этой кажущейся религиозности проистекала его склонность к суевериям. Такие люди, как Салаши, ударяются в мистику. В дневниковых записях 27 июня 1945 года Салаши ждет ответа от магической цифры «семь».

«В 1897 году я родился,— пишет он.— 1904 год — несчастный случай в вагоне при возвращении с курорта; 1911 год — несчастный случай во время купания в Кишмартоне, когда я чуть было не утопул; 1918 год — монархия распалась, стою на пороге новой жизни; 1925 год — поступление в генеральный штаб; 1932 год — в моей голове родился великий план создания венгерского государства, лучше всех сдал экзамены на должность штабного офицера; 1939 год — находясь в тюрьме за обоснование идеологии хунгаризма, за создание планов по переустройству земного шара. 1946 год?...»

Таким образом, Салаши считал, что каждые семь лет ему удавалось либо избежать несчастья, либо в жизни его происходило что-то приятное. Из этого он сделал вывод, что очередная кратная семи дата — 1946 год — тоже будет для него благоприятной. Однако на этот раз он оказался плохим предсказателем.

Судя по записям в дневнике, Салаши любил свою мать. К ней он хотел поехать в первый же день после прихода к власти (поскольку не виделся с ней целых 19 дней!). Однако ему и в голову не приходило подумать о других материах и о других детях, которые тоже любили своих матерей и которые по вине Салаши оказались навеки разлученными с ними.

ЭПИЛОГ

22 февраля 1946 года. Общественный обвинитель произнес речь на процессе по делу Салаш и членов его правительства.

25 февраля Габор Кемень, бывший нилашитский министр иностранных дел, пользуясь правом последнего слова, заявил: «Наш процесс, протекающий на глазах всей нации, послужит для меня тяжелым историческим уроком. Нужно отвечать за ту роковую политику, которой мы слепо следовали. Я убедился в том, что глубоко заблуждался, теперь глубоко раскаиваюсь и готов искупить свою вину служением родине. Переживая тяжелейшие правственные муки, я не собирался воспользоваться последним словом. И все же, осознав все то, что было вскрыто на процессе, я чувствую, что должен дать ответ на заданный ранее вопрос. Я вновь проанализировал совершенные мною преступления. Долгими бессонными ночами я пытался осознать печальную действительность и сурьые факты. Те разрушения и уничтожения, которые сопутствовали моей несчастной карьере».

Pater peccavi! * — признал министр иностранных дел и один из главных помощников Салаша. Он уже не оперировал непонятными, туманными словообразованиями из области внешней политики, а со смиренно опущенной головой признал, что совершил непоправимые преступления против своей нации. И этим он вынес приговор не только самому себе, но и всему хунгаризму и Салаши.

В тот же день с последним словом обратился к суду и бывший заместитель премьер-министра Енё Сёллёши.

«Пожалуй, гораздо тяжелее обвинять самого себя,— заявил он.— ...Я считаю своим долгом со всей откровенностью, как и подобает мужчине, заявить, что ошибался, что совершил преступление 16 октября, когда согласился принять пост заместителя премьер-министра. Это продолжалось десять месяцев, и я зпал,

* Грешец, отец! (лат.)

что наступит тот момент, когда мне придется отвечать за свои действия. И вот, находясь сейчас здесь, я, к сожалению, не могу сказать, что у меня не было возможности поступить по-иному».

Итак, и заместитель премьер-министра признал, что пошел по преступному пути. И он тоже вынес приговор самому себе и своим сообщникам: «...Нет, не венгерский народ — и это я признаю со всей убежденностью — отвечает за эту войну. Ответственны только руководители, в том числе и я, а венгерский народ — никоим образом».

После чего последнее слово было предоставлено Йожефу Гере, занимавшемуся вопросами партийного строительства: «Спустя восемь месяцев, которые я провел за пределами Венгрии, особенно после нравственных и физических мучений в американском плену, я с глубочайшим сожалением и болью думал о трагедии, которая постигла нашу нацию. И все же, представ три недели назад перед Народным судом, я не осознавал еще своей вины. Сейчас же, в своем последнем слове, я считаю своим моральным долгом сказать о том, чего я не мог понять в течение моих восьмимесячных нечеловеческих страданий и что стало ясно и очевидно для меня па этом судебном процессе, когда в моей душе перевернулся весь мир».

Да, раскаяние пришло слишком поздно, и венгерскому народу от него не было уже большой пользы. В душе у Геры и других мир перевернулся, но лишь после того, как они помогли превратить в руины другой мир. И все же прозрение сообщников Салаши имело важное значение. Венгерский народ на своем суде доказал преступникам их виновность, доказал, что они совершили преступление против Венгрии и венгров, против человечества. И преступники еще до приговора Народного суда сами вынесли себе приговор.

Салаши слушал осуждающие и обличающие его слова своих ближайших помощников с непроницаемой маской на лице. После последнего слова Геры я в перерыве судебного заседания вызвал к себе Салаши и спросил, не кажется ли ему, что бывшие руководящие деятели в его партии и правительстве отказываются от него, от его партии, от его режима; значит,

его движение, даже в своем руководстве, потерпело полный крах?

И тут впервые за время судебного процесса с лица Салави сошла маска непроницаемости, придававшая ему сходство со статуей. С опущенной головой он молча стоял передо мной, с каким-то необъяснимым выражением лица. Это молчание было приговором, который Салави вынес самому себе.

И когда после оглашения смертного приговора председатель суда спросил Салави, намерен ли он возбудить ходатайство о помиловании, его ответ «Да!» для меня уже не был неожиданным.

Приговор был приведен в исполнение 12 марта 1946 года в 15 часов 37 минут.

Приложение

Обвинительная речь народного прокурора Ласло Франка 22 февраля 1946 года

Уважаемые члены Народного суда! В этом зале вот уже три недели идет процесс по делу Ференца Салаши и его сообщников. И в Будапеште, и по всей стране за это время раздавалось много голосов, вопрошающих, зачем понадобилось проводить столь длительный судебный процесс, если и так каждому известно, что произошло 15 октября 1944 года, что совершил Ференц Салаши и его сообщники, и зачем Народный суд тратит на это время? Достаточно и двух часов для судебного разбирательства, а может быть, и того меньше, достаточно просто выйти с подсудимыми на берег Дуная, пройти с ними по набережной и выслушать немые показания свидетелей, подло и трусливо умерщвленных салашистами и сброшенных ими в Дунай, достаточно обратиться к свидетельским показаниям превращенных в руины домов, взорванных и разрушенных мостов и на основании этого вынести приговор.

Уважаемые народные судьи! Судить участников антинародного мятежа можно двумя путями. Один — это вздернуть их на уличных фонарях. Другой, по которому пошла демократическая Венгерская Республика, имея дело даже с такими обвиняемыми, — это путь законности. Демократическая страна придерживается законов, которые обвиняемые всегда обходили. Судебное разбирательство осуществляется в законных рамках уголовного судопроизводства, обвиняемым предоставлены самые широкие возможности для защиты. Каждый подсудимый может сказать в свою защиту все, что сочтет необходимым. У каждого из них имеется свой защитник, а у некоторых — даже два.

Я убежден, что этот путь — правильный, и, когда вы, уважаемые народные судьи, удалитесь на совещание, чтобы вынести приговор, он будет по-настоящему справедлив.

Третью неделю длится судебный процесс, третью неделю призывает к ответу народ Венгрии Ференца Салапи и его сообщников за то злодейство, которое они совершили 15 октября 1944 года по отношению к венгерской нации. По завершении судебного разбирательства мой долг — найти достойную форму обвинения Салапи и его сообщников, которые сидят рядом с ним на скамье подсудимых, а также тех, кто отсутствует здесь, и призвать виновных к ответу. 15 октября 1944 года — преступление не только этих семи обвиняемых. 15 октября — не первый их шаг, а последний. Эта дата — не причина, а следствие. 15 октября 1944 года, по существу, началось в июле 1919 года, тогда, когда из Сегеда выехал на белом коне их идейный вдохновитель * и, как очень верно заметил один из народных судей, пришел к власти с помощью иностранной силы и иностранного оружия. С помощью иностранной силы и иностранного оружия пришли к власти и эти обвиняемые.

Место, по которому ударяло копыто белого коня, сочилось кровью венгерского народа. Белый конь прошел по Задунайшине, мимо Балатона, по Шиофоку, по междуречью Дуная и Тисы и добрался до Будапешта. Что произошло в стране, оказавшейся под копытом белого коня, известно всем. Бросать трупы в Дунай начали не 15 октября 1944 года. Эмиль Коварц, ставший в 1944 году министром, это делал еще в 1919 и 1920 годах. В 1920 году он был в числе тех хортистских офицеров, которые убили двух беззащитных и ни в чем не повинных людей — Шомоди и Бачо — и сбросили их трупы в Дунай. Ласло Баки, бывший в 1944 году статс-секретарем, а после 15 октября ставший начальником отдела внутренней безопасности министерства внутренних дел, в ночь с 16 на 17 сентября 1919 года, будучи старшим лейтенантом из числа карателей, окружавших Миклоша Хорти, вместе с четырьмя другими офицерами-террористами в белых перчатках ворвался в капошварскую тюрьму и увез оттуда пятерых руководителей местных рабочих —

* Имеется в виду адмирал Хорти.— Прим. ред.

Шандора Латину и его товарищей; все они были зверски убиты в Надашдийском лесу, а трупы их захоронены в неизвестном месте.

Тот, кто в 1919—1920 годах был убийцей, стал в 1944 году статс-секретарем и министром. Такова историческая взаимосвязь между 1919 и 1944 годами. 15 октября 1944 года — последняя стадия целого процесса. В этом процессе тесно переплетаются так называемая политика консолидации Йштвапа Бетлена, присоединение Гембеша к государствам «оси», речь Кальмана Дарани в Дьере, открывшая шлюзы для крайне правой реакции, псевдореволюционная демагогия и реваншизм Белы Имреди, толкнувшие Венгрию к войне. Следующим этапом этого процесса явилось правление Ласло Бардоши, который, пройдя по трупу своего предшественника, легко и незаметно втянул страну в войну, даже не спросив никого: «Хочешь ли ты умирать за чуждые нации интересы, в то время как я спокойно и уютно буду и дальше плести сети дипломатических интриг?» Следующая стадия — правительство Миклоша Каллаи, видевшего, на какой путьступила Венгрия, но не оказавшего никакой помощи в беде. Ну а после Стойяни наступила последняя стадия на пути к Голгофе,— стадия, завершившаяся тем, что 15 октября 1944 года Ференц Салаши распял парод на кресте.

Уважаемые члены Народного суда! Я не хочу делать секрета из того, что готовиться к этому выступлению мне было нелегко. Смогу ли, думал я, высказать все, чего ждет от меня венгерский народ. Я должен рассказать правду. Но смогу ли я это сделать, можно ли рассказать всю правду, связанную с 15 октября? Найдутся ли в венгерском языке такие слова, которые по-настоящему позволят воссоздать ужасы и зверства, трагедии и страдания, которые причинило этой несчастной стране 15 октября?

Когда сейчас я откровенно признаюсь в этом, то делаю это потому, что всегда утверждал и утверждаю: убедить другого может лишь тот, кто сам верит и убежден в правоте своих слов. Народные судьи должны почувствовать, что пародный обвинитель подпался пропаганде речь не по профессиональному долгу, а потому, что этого требуют его убеждения. Народный

суд должен чувствовать, слушая его слова, что за эти убеждения он готов отдать жизнь и именно поэтому он находится на этой трибуне.

И еще одну цель я ставлю перед собой, когда раскрываю свое сердце Народному суду. Может быть, что-то дрогнет и в душе обвиняемых, когда они услышат и поймут то, что я говорю здесь; может, в них проснется что-то человеческое. Это относится прежде всего к Ференцу Салаши, которому один из судей сказал: «Попробуйте говорить по-человечески». Возможно, Салаши сумеет выпутаться из тех идеологических вериг, которые покрывали его не как одежда, а как вторичный кожный покров. Может быть, когда он начнет произносить перед судом свое последнее слово в нем заговорит наконец человек, а не хунгаристская идеология.

Уважаемые народные судьи! Не хочу скрывать, я очень мало верю в то, что это произойдет. Я сижу в этом зале напротив Салаши уже третью неделю. Смотрю на него, иногда встречаю его взгляд, и у меня сложилось впечатление, что Салаши изображает здесь статую, и не очень-то хорошую. Салаши сам себя сделал идолом. Сумеет ли пробудить Салаши в этом идоле человека и вообще есть ли в этом идоле что-либо человеческое — весьма сомнительно, и все же я сделаю попытку предположить это.

Я понимаю, что злость — плохой помощник при разборе преступлений, но для истории я считаю необходимым заявить, что Салаши провозглашал такие идеи, невероятность и ложь которых понимал сам; и все же он проповедовал их потому, что они служили ему средством для достижения целей. Он знал, по крайней мере допускал вероятность того, что Германия проиграет войну, поскольку, если верить его же дневнику, он задавался этим вопросом в 1944 году, считая в связи с этим возможным эвакуацию до Тисы, Дуная и Задунайшины, а в случае необходимости — переезд в самые западные районы страны. Заняться этими вопросами он поручил Гере, а Чия п Сёллёши должны были вести переговоры с японцами о том, чтобы Япония взяла на себя защиту венгерских интересов. Итак, Салаши рассчитывал на потерю территории страны и все же пошел 15 октября на известную

всем авантюру. В этом Салапи проявил свои злые намерения!

Уважаемые члены Народного суда! Для того чтобы лучше понять отдельные действия, я считаю необходимым дать краткую характеристику каждого подсудимого.

В стране существовало две группы, по-разному оценившие Салапи. Одну представляли те, кто были его единомышленниками и сообщниками, причем, по словам самого Салапи, они составляли 1—1,5% всего населения страны.

Другая группа, составлявшая 98,5—99% населения страны, считала Салапи сумасшедшим, упрямцем, фанатиком, неразборчивым в средствах для достижения своих целей, тщеславным и одержимым человеком. Упрямцем и фанатиком его считали потому, что он не желал, да и не умел прислушиваться к мнениям, которые хоть в чем-то отличались от его собственных.

Если вы, уважаемые народные судьи, наблюдали за ним в ходе процесса так, как наблюдал я, то должны были заметить, что, когда кто-то пытался вступить с ним в спор или противопоставить его утверждениям какой-либо очевидный факт, он тут же заявлял, что придерживается уже данных показаний, или же отделялся стереотипной репликой: «Разумеется!» Но задуматься хотя бы над одним положением, не совпадавшим с его взглядами,— этого он не допускал!

Салапи — человек одержимый. Но его одержимость не вера, не убежденность, не уверенность в своем высоком предназначении. Салапи одержим жаждой власти. Подобно заболевшему амоком*, он много лет мчался за призраком власти и всех, кто попадал ему на пути, кто мешал ему, безжалостно устранил или перешагивал через них. Трагедия состоит в том, что 15 октября на его пути оказалась венгерская нация, и он попрал нацию, лишь бы прийти к власти. На пути к власти Салапи не разбирался в средствах.

Кемень, Сёллёши и Гера. Я группирую их вместе потому, что все они из провинции. Кемень пришел в

* Амок — психическое заболевание у жителей Малайских островов. Страдающий этой болезнью пускается бежать, уничтожая все встречающееся на пути.— Прим. ред.

«большую политику» с поста провинциального уездного начальника. Что касается его знаний и способностей, то в них вы могли убедиться. Когда председательствующий попросил его хотя бы несколькими словами объяснить смысл употребленного им выражения «*Ceterum censeo Carthaginem delendam esse*», бывший министр иностранных дел позорно провалился.

Правда, он утверждал, что имел в гимназии по латыни «отлично», и мне показалось, что подсудимый вот-вот поднимет руку и скажет: «Дядя председательствующий, прошу учесть, что, когда это проходили, я не был на уроке». А ведь Кемень занимал пост министра иностранных дел Венгрии!

Сёллёши был провинциальным аптекарем; вихрь событий занес его в кресло заместителя премьер-министра. Он говорил, что был социалистом-агарарием или просто социалистом. Это не мешало ему иметь аптеку с хорошим доходом, три дома, получать 30% доходов с 200 хольдов арендной земли и иметь 26 хольдов своей, унаследованной земли (к которым прикупил еще 60, став владельцем почти 90 хольдов). Он покупал землю там, где ее было крайне недостаточно. Вот в чем выражался «агарний социализм» господина аптекаря: своими покупками он лишил земли тех, кому она давала хлеб, кто ее обрабатывал и ею кормился. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что в ходе судебного процесса в этих двух обвиняемых нет-нет да и проявлялось что-то человеческое.

Гера — детский врач, ставший членом регентского совета, партийным лидером; он занимался партийным строительством. Возглавляя этот участок работы, он давал указания по организации партийной службы. Святая обязанность детского врача — спасать детские жизни, а партийные функционеры убивали детей.

Из всех подсудимых наиболее ловкий и хитрый — Чия. С самого начала нилаштского движения он был рядом с Салаши; однако всегда оставался в тени: он стал всего лишь депутатом нилаштского парламента и членом регентского совета, ловко расставлявшим фигуруки из-за кулис. Я подозреваю, что в некоторых случаях ему удавалось направлять действия и самого

Салаши. Он был кандидатом на пост наместника, по-средником в переговорах Салаши с Везенмайером.

Габор Вайна — самая мрачная, самая жестокая и кровавая фигура в этой компании. Габор Вайна выполнял роль мясника. Он был тем, кто спокойно отдавал распоряжения о проведении казней. Так же как и Салаши, Габор Вайна, когда ему доложили о зверствах и беззаконии, заявил, что «революция должна сделать свой разбег, что все нужно оставить так, как оно есть, что люди были слишком угнетены, их чувства вылились наружу и им нельзя мешать». Он неразборчив в средствах. Ему подчинялись вооруженные органы национальной службы, трибунала и пресловутая политическая полиция Петера Хайна, свившая гнездо за пределами Будапешта, на Швабской горе.

«Идеальный герой солдат» — Берегфи, главнокомандующий армии. На допросе он начал с того, что капризно заявил: «Я не мог уснуть всю ночь и не в состоянии отвечать на вопросы». А сколько раз не могли уснуть венгерские солдаты и те несчастные из рабочих рот на Дону и под Воронежем, и не при таких условиях, а при двадцати-, тридцати-, а то и сорокаградусном морозе!

Уважаемые члены Народного суда! Перехожу к правовой части обвинения. Я обвиняю Салаши, Кеменя и Вайну в преступлении, наказуемом в соответствии с параграфом 60 статьи III закона 1930 года, параграфом 3 статьи XVIII закона 1934 года и абзацем 1 параграфа 58 статьи III закона 1930 года за измену родине, а их сообщников — Сёллёши, Чига и Геру — за пособничество в этом преступлении.

Салаши, Кеменя и Берегфи я обвиняю как военных преступников по пункту 1 раздела II указа о народных судах, утвержденного статьей VII закона 1945 года. Салаши, Сёллёши, Чига и Кемня обвиняю также по пункту 3 этого же раздела, касающегося военных преступлений, и всех подсудимых — в военных преступлениях, предусмотренных пунктами 4, 5 и 6 раздела II упомянутого указа. Берегфи — также и по пункту 7 параграфа 13.

Прежде чем остановиться подробно на этих пунктах обвинения, разрешите высказать свою точку зрения по следующему вопросу: мне хотелось бы под-

черкнуть, что на тех, кто подготовил и осуществил мятеж 15 октября 1944 года, ложится вся тяжесть исторической, моральной и уголовной ответственности за преступления, которые были совершены в ходе этого мятежа после 14 октября 1944 года. Не буду касаться ответственности подсудимых в историческом и моральном плане. Она очевидна. Я скажу об их уголовной ответственности.

Шесть обвиняемых, за исключением Берегфи, являлись признанными лидерами хунгаристского движения и партии «Скрепленные стрелы»; именно они подготовили этот путч. Роль Берегфи в событиях 15 октября заключалась в том, что в Чобанке он вел переговоры с Салаши, изложив ему в качестве главно-командующего армии свои соображения и передав содержание своих переговоров с Везенмайером. Наверняка они с Салаши договорились, что Берегфи станет министром, поскольку он уже дважды фигурировал в качестве кандидата на этот пост, и 16 октября он действительно стал министром. Таким образом, он представил себя в распоряжение Салапи еще до путча 15 октября.

Их уголовная ответственность двойная. Во-первых, Салапи признал, что основным принципом хунгаризма является захват полной и исключительной власти. К этому стремились все. Во-вторых, число членов хунгаристской партии составляло всего 1—1,5% населения страны, и, таким образом, салашисты находились в ничтожном меньшинстве, ибо 99% населения было против них. Эта группировка, которая стремилась любой ценой захватить власть, опираясь всего лишь на 1% населения, могла захватить власть только насильственным путем. И поэтому они с самого начала стремились к насильственному захвату власти. Статья 152 уголовного кодекса гласит: группировка, цель которой насильно или с помощью угроз помешать свободному осуществлению венгерским правительством его функций или принудить его к принятию каких-то решений и распоряжений, равно как принуждение к отказу от его функций, совершают преступление, квалифицируемое как мятеж.

Таким образом, все, кто участвовал в подготовке событий 15 октября, совершили преступление, название

которому — мятеж. Я не вменяю подсудимым отдельно в вину организацию мятежа потому, что упомянутый пункт 4 раздела II включает это.

Я считаю, что тот, кто готовит и осуществляет мятеж, ответственен и за действия, совершенные кем-либо во время мятежа, коль скоро эти действия вытекают из природы мятежа и, стало быть, его организаторы могли предвидеть их вероятность. Я не хочу, чтобы защитники заявили, что-де, по мнению народного прокурора, выходит, какой-нибудь рядовой член партии нилашистов, грабивший лавку или магазин в Будапеште, отвечает за злодейские убийства, совершенные в другой части страны. Совсем нет. Но те, кто организовал мятеж, ответственны за зверства даже тогда, когда не они сами чинили их, если даже можно было предположить, что эти зверства или подобные действия возможны.

Рассмотрим действия, вероятность которых можно было предвидеть как последствия мятежа.

В пункте 1 раздела II указа о народных судах есть слова об ответственности тех, «кто способствовал еще большему вовлечению Венгрии в войну». А ведь именно это было целью салашистского мятежа. Таким образом, обвиняемые не только полагали, что Венгрия в еще большей степени окажется втянутой в войну, но и хотели этого.

Пункт 3 раздела II говорит об ответственности того, «кто путем насилия или используя свое влияние пытался воспрепятствовать заключению перемирия». Чтобы осуществить мятеж, нужно было насильственно воспрепятствовать перемирию.

Пункт 4 раздела II привлекает к ответственности всякого, «кто оказывал помощь нилашитскому движению в осуществлении мятежа, направленного на захват власти...». Это ведь гарантия успеха мятежа.

Пункт 5 раздела II касается пыток и казней людей. Та разнужданная травля, которую проводила хунгаристская партия на протяжении ряда лет в печати и в парламенте против лиц еврейской национальности, разумеется, имела и свои конкретные последствия. Что же касалось уничтожения участников движения Сопротивления, так это предусматривала программа нилашистов. Все, кто был против хунгаризма, подлежали

уничтожению. «Либо уничтожим мы, либо сами будем уничтожены!» — таков был их лозунг.

Итак, я считаю, что организаторы мятежа и те, кто его осуществил, ответственны за военные преступления по пунктам 1, 3, 4 и 5 раздела II указа о народных судах. Измену родине совершает тот, кто передает гласности вопросы, связанные с интересами государства, особенно если он разглашает секреты, относящиеся к его международному положению, передавая информацию непричастным к этим делам лицам с целью доведения ее до заинтересованных органов иностранного государства.

В этом преступлении я обвиняю Салаши и Кеменя. Салаши — за то, что 31 августа 1944 года, согласно показаниям Винкельмана, он сообщил последнему, что Венгрия готовится выйти из войны. Кемень — за то, что он сообщил Курту Галлеру, референту Везенмайера по внутриполитическим вопросам, что между Венгрией и Советским Союзом идут переговоры о заключении перемирия. Кемень назвал лиц, участвовавших в переговорах. Тем самым он выдал иностранному государству такую тайну, которая самым существенным образом влияла на положение Венгрии.

Возникает вопрос, что же понимать под словом «тайна», поскольку обвиняемые, защищаясь, заявляют: «Вся страна говорила о том, что мы собираемся выйти из войны».

Мнение народной прокуратуры таково: государственную тайну составляет то, что соответствующие органы государства считают секретными сведениями. И разумеется, бесспорно, что ведение переговоров о заключении перемирия рассматривалось как важнейшая тайна. Из прозвучавших здесь, на суде, показаний ясно, в какой строгой тайне была осуществлена посылка делегации Фараго в Москву. Если такая тайна могла просочиться и какой-нибудь немецкий агент мог услышать о ней на улице, то это не подпадает под такое разбирательство, как в том случае, когда государственную тайну разглашает вождь партии или внешнеполитический руководитель партии, имевшей свое представительство в парламенте. И такое преступление совершили Ферепц Салаши и Габор Кемень.

Преступление, квалифицируемое абзацами 1 и 2 раздела 58 статьи III закона 1930 года об измене родине, совершает тот, кто вступает в союз или устанавливает контакт с правительством иностранной державы или ее заграничным представительством с целью побудить эту державу на враждебные по отношению к венгерскому государству действия, равно как и тот, кто стремится спровоцировать какую-либо иностранную державу на принятие карательных мер против Венгрии.

По этому пункту обвинения Саласи, Кемень и Вайна — соучастники преступления, а Сёллёши, Чия и Гера — их пособники в этом преступлении. Суть выступления защитников Саласи в том, что он, мол, ничего не хотел от немцев, не хотел-де провоцировать немцев на принятие карательных мер, а хотел и ждал от них пассивности, лишь того, чтобы они приняли то-то и то-то к сведению; и поэтому его, Саласи, действия не могут быть квалифицированы как преступление. Я должен констатировать, что из всех подсудимых лишь Саласи отважился оспаривать приведенные здесь очевидные факты и утверждать, что, дескать, он ждал от немцев лишь пассивности. Да, для такого рода «утверждения» действительно нужна, с позволения сказать, «смелость»: никто из остальных обвиняемых не рискнул на это.

Интересно перечислить тех агентов и полномочных лиц германского рейха, с которыми Саласи, а по его указанию и другие обвиняемые вели переговоры: Везенмайер, Винкельман, Грейфенберг, Гёттель, Галлер, Крумхольц, Крупке, Урбан, Ран, генерал СС Губер. Я мог бы назвать еще многие фамилии. И от этих людей они ждали пассивности?

Правда, в отличие от Саласи Кемень показал: «Мы ждали от немцев сотрудничества и обеспечения предпосылок успеха нашего путча». Председательствующий суда уже подчеркнул, что сотрудничество — это не пассивность. Поэтому я не хочу повторяться.

Кемень объяснил также, что подразумевалось под сотрудничеством: «обеспечение предпосылок». В таком случае, что же означает вмешательство? Предполагалось, что немецкая армия должна занять позиции за двумя венгерскими армиями, поскольку они представляли главную опасность для нацистов. Офицер ген-

штаба, «героический сын венгерской нации», Салаш хотел, чтобы немецкая армия заняла позиции за венгерскими вооруженными силами, с целью задержать венгерских солдат, если те вздумают отступить и вернуться в Венгрию, и помешать им выступить против продолжения этой несчастной войны.

И еще одно соображение: они, немцы, вызовут к себе регента, как это было сделано 19 марта, а «генеральную уборку» (нилашисты использовали этот термин) в Венгрии осуществит Гитлер, поскольку для Салаша, как он высокопарно заявил 3 мая, всегда был и будет существовать глава государства; именно поэтому-то пусть немцы и на этот раз вызовут к себе регента, а они в это время займутся остальной «уборкой»: осуществляют мероприятия полицейского характера, в частности арестуют премьер-министра. С Крумхольцем и Крупке Салаш договорился, что общественные здания и учреждения вместе с немцами захватывают нилашисты. Так должна выглядеть «пассивность» немцев. Бригаду Коварца гитлеровцы обес печат оружием. Салаш заявил: «С Бакай и Харди мы сами разделаемся, арестуем их, а вы, немцы, обеспечьте, чтобы офицеры, которые примут участие в этой операции, не подверглись (ни они, ни их семьи) репрессиям, поскольку жалко было бы потерять этих офицеров». Это, видно, тоже одна из форм немецкой «пассивности».

Наконец, с 26 сентября по 15 октября Ференц Салаш находился под защитой немцев. Будущий глава венгерского государства, чью жизнь нилашисты прославляли как героическую, «героически» скрывается 19 дней на квартире Везенмайера и его эсэсовских помощников и ждет, когда немцы подадут ему на блюде жареного цыпленка, которого он с аппетитом будет уплетать.

И это тоже «пассивность» и «героическая позиция в жизни» тех, кто сидит теперь на скамье подсудимых. Ведь в 1941 году, когда разразилась война, никому из них не пришло в голову в порыве героических чувств добровольно явиться на призывной пункт, чтобы отправиться на передовую и там не на словах, а на деле осуществить свою так называемую «героическую позицию в жизни» — сражаться самим, а не с видом героя

взирать, как вместо тебя посыпают на смерть другого. Их истинная жизненная позиция замыкалась на удобном министерском кресле «вождя нации» со всеми сопутствующими земными благами — на это у них хватало геройства.

Салаши, Вайна и Кемень, когда порознь, а когда вместе (но всегда по указанию Салаши), посещали различных германских агентов и обсуждали с ними вопросы, о которых речь шла выше. Таким образом, они — соучастники. Сёллёши же и Чия играли роль их пособников в преступлении, поскольку именно они устраивали переговоры Салаши с Везенмайером. Гера — их пособник в преступлении, поскольку, обеспечивая осуществление немецкой акции и вытекающие из нее действия пилашистов, был связным между гитлеровцами, вооруженной бандой Коварца и партией «Скрещенные стрелы».

Однако требовать от гитлеровцев безвозмездно такого вмешательства было пельзя; им нужно было что-то предложить взамен.

И Салаши предложил. Что же? В Венгрии, заявил он немцам, имеется еще от 800 тыс. до 1 млн. человек, которых при тотальной мобилизации можно поставить под ружье на стороне немцев. Кроме того, Венгрия располагает богатыми запасами сырья и сельскохозяйственной продукции, людей можно эвакуировать, сырье и сельхозпродукцию вывезти в западную Венгрию, а если понадобится — в Германию. Салаши не только предложил сделать это, но и торопил немцев осуществить его план, считая, что они затягивают дело. Он утверждал, что после 1 октября все пилашистское движение готово к прыжку. «Или вы хотите, — говорил он немцам, — чтобы дело кончилось так же, как в Финляндии и Румынии? Подумают, что у вас нет здесь достаточных сил!» Немцы уклонялись, тянули, а защитник венгерских интересов, «достойный сын» венгерской нации торопил их закрепить и ужесточить немецкую оккупацию, чтобы помочь прийти к власти такой клике, которая полностью бы зависела от них.

Я обвиняю Салаши, Кеменя и Берегфи в преступлении, предусмотренном пунктом 1 параграфа 11, так как они, занимая высокие посты, содействовали дальнейшему втягиванию Венгрии в войну. Заставить

страну служить интересам тотальной войны, руководить всеми формами и средствами ее ведения на стороне трех держав до победного конца — вот цель, которой они служили.

Мы должны рассматривать положение страны по состоянию не на 14 октября, а на 15 октября. 15 октября Венгрия вышла из войны. Это означало, что она законно прекратила войну, следовательно, ни один ее солдат не должен был уже воевать. Если же после 15 октября хотя бы один венгерский солдат продолжал сражаться, то это означало продолжение военных действий. На деле же нилашисты заставили сражаться многих. Салаши признал, что нилашисты пополнили дивизии, сформировали противотанковую дивизию Хуньяди и стали набирать в армию всех, до 70 лет включительно, кого можно было использовать на принудительных работах: на рытье окопов, строительстве укреплений, в рабочих ротах. Так приказал Салаши; Берегфи выполнял его приказ по военной линии, а Кемень — по политической.

Преступные действия, подпадающие под пункты 3 и 4 параграфа 11, я рассматриваю вместе, поскольку они настолько взапомсвязаны, порою даже и близки преступлениям, квалифицируемым как измена родине, что расчленять их не имеет смысла.

В сентябре 1944 года Салаши заявил, что возьмет власть в свои руки, не используя для этого Хорти. Галлеру он сказал, что существуют три причины, позволяющие ему считать себя правомочным сделать это, а также дающие право рассматривать Хорти в качестве незаконного главы государства, трижды нарушившего конституцию. Во-первых, он назначил Лакатоша премьер-министром, не проконсультавшись с партиями. Но где это сказано, чтобы глава государства перед тем, как назначить премьер-министра, должен консультироваться с партиями? Галлеру это было непонятно.

Во-вторых, 10 сентября, а точнее, 11-го совет министров пытался принять решение о выходе Венгрии из войны. (Однако оно было провалено министрами.) Так где же тут он усмотрел нарушение конституции?

Третья причина в том, считает Салаши, что правительство Лакатоша запретило деятельность партий. Это, пожалуй, действительно нарушение конституции, но

было и большее нарушение, ибо после 19 марта в стране были распущены Социал-демократическая партия, Партия мелких сельских хозяев, Крестьянский союз, и, как ни странно, Ференц Салаши не считал это нарушением конституции. Более того, после этого он пришел 3 мая на аудиенцию к Хорти и приветствовал его следующими словами: «Выдержка! Да здравствует Хорти! Для меня всегда был и существует глава государства». Ведь у него, у Салаши, «особое чутье» к нарушениям законности, особенно когда эти нарушения он собирается использовать для достижения своих целей.

Было еще одно нарушение конституции, куда более значительное, чем роспуск партий, и более давнее!

В 1941 году мы умудрились так вступить в войну, что даже позабыли спросить мнение об этом членов обеих палат парламента. Это — очень существенное нарушение конституции, но тем не менее Ференц Салаши даже и не вспомнил о нем с 1941 и до конца 1944 года, поскольку все это время он рассчитывал получить власть из рук регента, а значит, с регентом надо было быть любезным. Когда же нужда в регенте отпадет, тогда можно вспомнить и о нарушениях конституции, разумеется о тех, которые он сам считал таковыми.

Салаши сбросил маску и дал указание создать Национальный союз, цель которого — воспрепятствовать заключению перемирия. 12 октября комиссия Национального союза отправилась к Лакатошу. Показания Лакатоша, а также протоколы заседаний союза, бесспорно, свидетельствуют о том, что его целью было продолжение войны. Ни о каком выходе из войны не было и речи.

А теперь рассмотрим предысторию 15 октября 1944 года.

11 октября в Москве были подписаны предварительные условия соглашения о перемирии. 14 октября регент дал указание генерал-лейтенанту Лазару подготовиться к защите Будайского замка, потому что на следующий день Венгрия готовилась выйти из войны. 15 октября утром немцы схватили сына регента; для этой операции были использованы агенты, которым специально нашли на одежду желтые звезды обитателей еврейского гетто. В 10 часов утра началось заседа-

ние совета министров, где было сообщено о подписании перемирия. В 12 часов появился Везенмайер. Разговор с ним принял острый характер: Хорти сообщил ему о выходе Венгрии из войны. Везенмайер перешел в наступление: он объявил регенту, что его сын арестован немцами и что Хорти-младшего следует судить военным судом за враждебную немцам деятельность и приговорить к смерти. Таким образом, Везенмайер начал открыто угрожать Хорти привлечением к ответственности его сына.

В час дня по радио была зачитана прокламация Хорти. Через час с узла связи генштаба должны были передать необходимые распоряжения. Однако из-за действий реакционно настроенных офицеров генштаба распоряжения не были переданы. Вместо них нилашитские агенты на узле связи передали фальшивые распоряжения, в результате чего в штабах всех трех венгерских армий возникла неразбериха и сумятица. Впрочем, в штабе 3-й армии находился Хесленьи — человек Ференца Салаша; поэтому только в 1-й и во 2-й армиях не поняли, что, собственно, происходит в Будапеште.

Около 3 часов дня генерал-лейтенант Лазар доложил, что вооруженные нилашисты собираются у фуникулера и в других местах города. В 17 часов салашист Хинди арестовал генерал-лейтенанта Аггтелеки. К вечеру Лазар связался по телефону со 2-й ротой батальона и выяснил, что офицеры исчезли и на батальон рассчитывать нельзя, что не остается ничего другого, кроме подразделения личной охраны регента с семью танками. Дороги, ведущие к крепости, заминированы. В 23 часа позвонил Везенмайер и попросил убрать мины, так как он не может проехать. И регент, который 19 марта вопреки всем союзническим обязательствам был в плену, которого, по его словам, там тяжело оскорбили и обидели, теперь проявил псевдоблагодарство и приказал снять минное заграждение, дабы создать Везенмайеру свободу передвижения.

На рассвете, в половине третьего, 16 октября Лакатош выехал к Везенмайеру и передал ему план отстранения регента от государственных дел и передачи его под защиту немцев. По этому вопросу идут переговоры. После 5 часов утра Лакатош возвратился.

Они собрались в вестибюле крепостного дворца. Ваттай вызвал к себе полковника Поганя и сообщил ему, что готовится нападение. Лазар тоже был готов к бою. Все ждали его начала. Тогда появился Везенмайер и объявил, что имеет «die unangenehme Aufgabe» (неприятную задачу) — сообщить Хорти: «Мы берем вас под свою защиту и охрану». Если это открытая договоренность, то зачем Везенмайеру предварять свою миссию словами о неприятной задаче? Никто и слова не произносит о том, что нужно прекратить борьбу. Везенмайер говорит, что осталось всего 12 минут, Лакатош поправляет его, утверждая, что осталось лишь 8 минут. Хорти выходит, за ним — сопровождающие его лица; у Львиных ворот регент садится в машину, в которой уже сидят вооруженные солдаты. Сопровождающие останавливаются в удивлении, а тем временем у дворца начинается бой, он принимает все большие масштабы — охрана защищает крепость, покинутую регентом. В результате двое из охраны Хорти убиты, семеро ранены; убито и семнадцать немецких солдат. Скорее мчится к Лазару. Погань тоже докладывает ему о происходящем. Лазар говорит: «Я ничего не понимаю. Если регент уехал, то бессмысленно оборонять крепость, ибо надо защищать не дворец и здания, а регента. Прекратить огонь, «тигры» уже здесь, они сломили сопротивление».

Лакатош и регент находятся под защитой немцев. Регент проявляет беспокойство о семье. Лакатош и Везенмайер без четверти семь выезжают в резиденцию нунция и, возвратившись оттуда, сообщают, что с семьей Хорти все в порядке. Лакатош хочет уйти, но автоматчик-эсэсовец преграждает ему путь: он арестован.

В 12 часов дня какой-то немец доложил регенту, что к нему направляется премьер-министр. Входит премьер-министр. Кто же это? Оказывается, Салапши. Итак, в глазах немцев Салапши уже премьер-министр еще до его разговора с регентом. Беседа между Хорти и Салапши продолжалась примерно минут восемь. И каков же был ее результат? Салапши заявил Вайне и тем, кто его сопровождал, что он получил от Хорти устные полномочия. Однако Хорти сказал: «Я выгнал этого проходимца!» Я лично больше склонен верить ре-

генту, тем более что Везенмайер показал на следствии, что, когда он спросил у Салаши, каков результат их разговора, тот ответил, что ничего не получилось. Очевидно, Салаши солгал своим ближайшим сподвижникам — Вайнэ и другим: он не получил полномочия.

Вот и вся «законная основа власти» Салаши! И все же Салаши нужно было обеспечить хотя бы видимость ее конституционности. Поэтому он угрожал Лакатошу, что если тот до 2 часов дня не принесет письменные полномочия регента, то он не ручается за его жизнь. Выпуск газет приостановлен, говорил он, и они с Хорти будут ответственны за тяжелые последствия всего случившегося. Бумага, которую Салаши передал Лакатошу, состояла из трех пунктов. Лакатош взялся выполнить один из них. Этот пункт был подписан в 4 часа дня. В нем указывалось, что регент берет позад свою прокламацию, но ни слова не говорилось о том, что он уполномочивает Салаши взять власть. Салаши же около 4 часов дня сформировал правительство и принял от его членов присягу. Затем вся эта компания сфотографировалась. Приблизительно между половиной седьмого и восемью часами в германской миссии готовится документ, в котором на Салаши возлагаются обязанности премьер-министра, но в нем ни слова нет о том, что он же — глава государства. Этот документ Везенмайер относит Хорти и в ванной комнате, которую отвели регенту, вынуждает его подписать бумагу. Условием подписания документа было требование Хорти вернуть ему сына, но, по словам Везенмайера, Хорти подписал бы документ и в том случае, если бы это условие не было гарантировано, поскольку регент очень беспокоился о своей личной безопасности и о безопасности своей семьи.

22-я кавалерийская дивизия и две танковые части пемцев захватили крепость. В пей, по показаниям свидетелей, находились всего 643 человека из личной охраны Хорти, семь броневиков, несколько автоматов и пулеметов. Насилие — с учетом такого незначительного гарнизона — вполне очевидное. О конституционной передаче власти, следовательно, и говорить нечего.

В 1942 году Шандор Чия произнес речь при обсуж-

дении закопопроекта о заместителе регента и зачитал заявление хунгарицкой партии, в котором говорилось, что палата представителей не правомочна принять такой декрет, поскольку в ней представлены лишь две пятых Государственного собрания, а верхняя палата по своему составу не выражает истинной воли нации. Удивительно, но при принятии статьи 10 закона 1944 года, которая объявила Ференца Салаши «вождем нации», та же самая хунгарицкая партия не высказала своих опасений или сомнений относительно законности, хотя они и явились бы более обоснованными. К тому времени одна треть территории страны уже была освобождена, и, кроме того, с 1942 года прошло уже два года, и за это время общественное мнение Венгрии о войне коренным образом изменилось.

Но это не интересовало господ нилаштров. Салаш было достаточно того, что он по телефону — это его собственные слова — убедился относительно воли нации. Жандармы и полицеистские, уездные начальники звонили по телефону Салаши, докладывая, что в таком-то населенном пункте венгерская патриотическая община полностью с ним. Ему надо было бы спросить не их, а нацию, послушать тех шомодьских крестьянок, которые шли в черных платках на сходку, как они голосили по своим сыновьям и кляли на чем свет стоит «вождя патриотии» Салаши и его компанию, — вот тогда бы он узпал, какова на самом деле воля нации, а не судил бы о пей по телефонным звонкам жандармов и уездных начальников.

Ответственность за военные преступления, предусмотренные пунктом 4 параграфа 11, прежде всего несет тот, кто занимает при этом руководящий пост. Члены правительства, члены регентского совета, несомненно, занимали руководящие посты. Задача регентского совета состояла в обеспечении «законности» перехода власти в руки Салаши еще до 4 ноября, пока не был издан закон о «вожде нации»; позднее он выполнял при нем функции совещательного органа. Чтобы удержаться у власти, нилаштры способствовали ограблению страны немцами. 1567 железнодорожных составов было вывезено грабителями-нилаштрами. И если сегодня мы вынуждены проводить этот процесс в нетопленом зале, рассматривая преступления глав-

ных военных преступников, если судьи вынуждены сидеть в зимних пальто, а людям за стенами этого помещения приходится мучаться от голода, то этим мы обязаны господам, грабившим страну и вывезшим 55 тыс. железнодорожных вагонов ценностей.

В пункте 5 параграфа 11 говорится о мере ответственности лиц, непосредственно участвовавших в пытках и казнях или причастных к ним. Эти лица имеют отношение к зверствам, совершенным над евреями, и к убийствам участников движения Сопротивления.

За действия, совершенные нацистами, должен отвечать и Гера, ибо он занимался партийным строптивством и был одним из лидеров партии. Он лично распорядился создать партийные дружины, он же давал им и соответствующие указания.

Шандор Чпа ответствен на том основании, что, являясь заместителем руководителя партии, мог бы запретить массовые расправы. Ведь ему было известно о них. Я знаю, что у тех, кто в результате деятельности этих господ лишился родителей, братьев и сестер, детей и близких, никогда не заживет эта рана. Можно создать новую семью, но никогда уже не будет полного счастья и безоблачной радости у переживших эти потери. Я не хочу вновь бередить раны и потому не буду говорить о том, что происходило в Будапеште, в стране и в немецких концлагерях.

Злодейски уничтожались участники движения Сопротивления. Действовал специальный суд, который подчинялся Коварцу,— суд генералов, выносивший смертные приговоры.

Нет никаких доказательств, что действовавший под защитой Коварца суд, возглавляемый Фекетехалми и Цайднером, был создан на законной основе; этот суд — сборище военных, приговоры которых — не судебные приговоры, а казни, совершаемые на их основании, не что иное, как злодейские убийства. Да и само судебное разбирательство было таково, что, по существу, приговор и не выносился. Хайначёй показал: «Я был запуган и потому не был свободным в своих решениях и независимым судьей».

Обвинение по пункту 6 параграфа 11. В течение длительного времени в печати и по радио нацисты пропагандировали войну. Я не буду сейчас подробно

останавливаться на этом вопросе. Председательствующий суда достаточно осветил его.

И наконец, обвинение по пункту 3 параграфа 13. Берегфи совершил проступок, осложнивший наше послевоенное международное сотрудничество, предложив свои услуги американцам. Он утверждает, что предложил свои услуги потому, что хотел решить вопрос о своем возвращении на родину. Но Берегфи был военным преступником, и американцы очень хорошо знали это, и Берегфи должен был знать, от чего зависело его возвращение на родину. Из «хунгаристского дневника» можно установить, что нилалисты надеялись не только на то, что эсэсовцев не разоружат и, более того, используют их, когда между русскими, американцами и англичанами произойдет конфликт. Совершенно ясно, Берегфи, предлагая свои услуги американцам, считал, что, когда интересы русских столкнутся с интересами англичан и американцев, оп и его сообщники с помощью англичан вернутся в Венгрию и снова возьмут власть в свои руки.

На этом, уважаемые члены Народного суда, я заканчиваю правовое обоснование обвинения. Считаю необходимым заявить также, что мой долг остановиться и на смягчающих, и на отягчающих вину обстоятельствах. Что касается Ференца Салаши, то, сколько бы я ни искал, не могу найти обстоятельств, смягчающих его вину. Их нет.

Что касается других обвиняемых, то защитники подсудимых в качестве смягчающего вину обстоятельства выставляют то, что в партии нилалистов существовала лишь одна воля — воля вождя партии, а все остальные выполняли его приказ. Значит, не надо было выполнять этот приказ! Следовало выйти из партии, и это не имело бы последствий. Тот, кто не вышел из партии и выполнял все указания и распоряжения, — тот уже не должен ссылаться на партийную дисциплину как на смягчающее вину обстоятельство.

Берегфи сказал: «Я был солдатом и выполнял приказы, иначе бы меня предали суду военного трибунала». Я спросил его, предали бы его суду военного трибунала, если бы он отказался от поста военного министра или заявил, что не чувствует себя способным быть начальником генерального штаба и главнокоманд-

дующим армии? Ему тем более следовало бы сказать правду, ибо он действительно не годился на эти посты!

Смягчающим вину обстоятельством можно было бы считать чистосердечное раскаяние подсудимых в самом начале этого судебного процесса, их искреннее признание перед нацией. Этого признания, однако, не произошло, ибо то, что заявили Сёллёши и Кемепь, было лишь слабой попыткой такого признания.

Отягчающим вину обстоятельством я считаю неслыханные потери Венгрии в людях, в материальных ценностях, в своем авторитете после того, что произошло 15 октября. Подсудимые совершили огромное число преступлений.

Отягчающими вину обстоятельствами я считаю те преступления, которые не выношу в качестве отдельного пункта обвинения. Например, выполнение Салэши, Вайной и Кеменем роли доносчиков и информаторов гитлеровцев. Салэши дал указание Вайне доносить о саботажниках и коммунистах, то есть помогать карательным органам собирать сведения о преследуемых, а также то, что своими выступлениями и статьями они ставили себя на службу реакции.

Уважаемые члены Народного суда! Это второй судебный процесс. Первым виновников осудил венгерский народ. Его суд начался 15 октября. Более печального и кровавого суда венгерская патриотическая нация еще не знала, и на том суде выступали свидетелями те, кого уже нельзя вызвать на этот наш судебный процесс, нельзя вручить им повестку в суд и услышать их показания. На том суде приговор вынес венгерский народ, и этот приговор прозвучал так: пусть будет проклята память о тех, кто подверг нацию такому ужасу.

Мне представляется, что свидетели, которых мы не смогли вызвать на наш судебный процесс, все же явились сюда. Они здесь, рядом со мною, позади меня, они берут меня за руки, руководят мною, придают силы, когда я устаю. И эти свидетели просят сказать: «Уважаемые народные судьи, после того как вы удалиитесь на совещание, у вас будет лишь одна обязанность — утвердить тот приговор Ференцу Салэши и его сообщникам, который уже вынесли им венгерский народ и венгерская история».

Содержание

Вступительная статья

3

Агнеш Рожньои

Салапистский путч

15

Ласло Франк

Зеленый поток

101

МУТНЫЙ ПОТОК

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕНГЕРСКОГО ФАПИЗМА

Сокращенный перевод с венгерского

ИБ № 7468

Редактор Е. Л. Левина

Художник Т. И. Сауков

Художественный редактор В. А. Нузанков

Технические редакторы Р. И. Бабутина, Е. В. Колчина

Корректор Н. Е. Ужтупене

Сдано в набор 19.05.80. Подписано в печать 16.12.80. Формат 84×108^{1/3}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкн. новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,63. Тираж 20 000 экз. Заказ № 676. Цена 40 к.
Изд. № 29445

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им.
Евгении Соколовой Союзполиграфпрема при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
193052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.